ОГОНЁК

№ 34 АВГУСТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИВ

ТУ2 099

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (2199)

Основан 1 апреля 1923 года

23 АВГУСТА 1969

ДОНЕЦКУ 100 ЛЕТ

ИЗ ЛЕТОПИСИ ВЕКА

Донецк, столица «всесоюзной кочегарки», могучая индустриальная крепость, крупнейший промышленный центр страны, город славных революционных и трудовых традиций. Он отмечает ныне столетний юбилей.

Донецк — это прежде всего уголь и металл. И не случайно празднование своего юбилея он приурочил ко Дню шахтера.

Сегодня мы даем лишь несколько записей из летописи века, рассказываем о нескольких днях этого века, днях, знаменательных для Донецка и его жителей.

ГЕРБ ГОРОДА.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото К. КАСПИЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

31 АВГУСТА 1869 ГОДА

Итак, 31 августа 1969 года город Донецк празднует свой вековой юбилей. А что здесь было 100 лет назад?

«Дикое поле... степи черноземные — ни конца, ни края... речки — полные неведомой рыбы... и деньги добыть можно — наймись доставать из оврагов и из-под земли горючий камень, его там видимо-невидимо»... Так рассказывали о донецких землях бывалые люди. Слушали их орловские да курские мужики, вздыхали, а потом прощались с родными и отправлялись искать счастья.

А незадолго до того англичанин Джон Юз заключил с царским правительством «Договор на образование Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства». Вскоре началось строительство металлургического завода. И при нем вырос поселок, названный Юзовкой. Через три года был получен первый чугун, но орловские да курские мужики, пришедшие за счастьем, попали в самый настоящий ад. «Домны загружались вручную. Каталы выстраивались в очередь на рудном дворе, наваливали по 40—50 пудов руды в тачки и подвозили их к печам...» — так описывали современники работу на металлургическом заводе.

◀ Донецк. Проспект имени Ильича.

Есть в лаборатории завода химических реактивов установка, на которой определяют содержание микропримесей. Работает на ней Алла Аксенова.

Иван Гапченко — ударник коммунистического труда.

Скоро в школу!

Ныне маленький заводик превратился в мощное металлургическое предприятие, выпускающее стальной прокат и чугун.

— Есть заводы и покрупнее нашего,— рассказывает старший мастер мартеновского цеха, Герой Социалистического Труда В. М. Волков.— Но зато мы варим особо качественную сталь, которую охотно покупают более чем в 40 странах. А я помню завод, превращенный фашистами в груду развалин. Четырнадцатилетним парнишкой пришел я в мартеновский цех, начинал подручным сталевара. Шла война. Мы понимали, как нужна сталь, и потому работали день и ночь. Постепенно завод поднимался из руин, расширялся и сейчас стал одним из лучших в стране.

Завод носит имя Ленина, на его знамени высочайшая награда — орден Ленина.

2 АВГУСТА 1892 ГОДА

В этот день в Юзовке произошла одна из самых трагических забастовок. Зверская эксплуатация рабочих, недостаток продуктов первой необходимости, холерная эпидемия — вот что подняло 15 тысяч рабочих на бунт, длившийся три дня. Прибывшие в Юзовку солдаты и жандармы жестоко расправились с бунтарями. Начались аресты, порки, казни. Именно об этой расправе писал впоследствии Л. Н. Толстой. «Убьют, повесят, засекут женщин, стариков, невинных, как у нас в России недавно на юзовском заводе...».

Рабочие не сдавались. В 1898 году в доменном цехе была организована первая марксистская группа. А через семь лет в Юзовке в ответ на кровавое воскресенье рабочие объявили первую политическую забастовку.

9 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

С самого первого дня мировой империалистической войны фронт испытывал нужду во взрывчатых веществах, получаемых из импортной селитры. Немецкие подводные лодки блокировали морские пути и все транспорты с селитрой пускали на дно. Россия оказалась в критическом положении. Но как раз в это время молодой инженер-химик И. И. Андреев разработал оригинальный способ получения азотной кислоты, идущей на изготовление взрывчатки.

Вскоре на окраине Юзовки началось строительство первого в России азотного завода. Пущен он был 9 февраля 1917 года.

Ныне он стал заводом химических реактивов. Трудно найти отрасль промышленности, где бы ни применялась его продукция. Искусственные алмазы и автомобили, телескопы, микроскопы, счетные машины — всюду можно найти реактивы, изготовленные на бывшем азотном заводе.

18 ИЮНЯ 1917 ГОДА

У меня в руках потрепанная афиша более чем полувековой давности: «В воскресенье 18 июня 1917 года открытие спортивного общества «Вперед» при Рыковском руднике... После футболматча выход известного борца и атлета Филина. В заключение французская борьба. 10% сбора в распоряжение Совета рабочих депутатов».

— Так родилось первое рабочее спортивное общество,— вспоминает «известный борец и атлет», заслуженный тренер СССР Артем Андреевич Филин.— Сразу же после Февральской революции я составил смету на строительство футбольного поля и пошел с ней к директору рудника. Он хотел меня выгнать. Но рабочие убедили его подписать смету. Так что ко дню торжественного открытия спортобщества «Вперед» у нас уже было футбольное поле. А вообще-то спортом мы занимались и раньше, но нас все время разгоняла полиция. Еще с девятьсот пятого года мы были связаны с революционерами: распространяли прокламации, прятали участников вооруженного восстания в Горловке, а в ночь под Первое мая 1907 года наш кружковец, Загоруйко, влез на высоченную заводскую трубу и повесил там красный флаг. И рядом написал: «Осторожно, бомба!» Только спустился — а тут и городовые. Полезай, говорят, и сними. А он усмехнулся и ответил: «Мое дело повесить, а ваше — снять!»... Зимой 1918 года спортивное общество «Вперед» в полном составе влилось в ряды Красной Армии.

Начинали мы с маленького футбольного поля, а сейчас в городе 15 стадионов, 160 спортивных залов, 6 плавательных бассейнов, легкоатлетический манеж... И все рождалось на моих глазах: одни залы я строил, в других — работал, третьи... Э-э, да что говорить! Много было за мои 85 лет. В Донецке полтысячи мастеров спорта, и сотни полторы из них подготовил я. Всю жизнь борцов тренировал. А два месяца назад вышел на пенсию. Пожалуй, отдохну немного, а потом наберу ребятишек и начну все снова.

10 ОКТЯБРЯ 1921 ГОДА

В этот день во все губернские центры страны была отправлена телеграмма Ленина с призывом «...развить широкую агитацию за возвращение на рудники покинувших Донбасс подземных рабочих».

Почти два года прошло с того дня, как Донбасс освободили от деникинцев, а шахты и заводы не работали. На рекламных тумбах Юзовки трепыхались плакаты с задиристой частушкой:

«Паровоз кричит слова:
— Ем чужие я дрова,
Выручай меня, Донбасс,
Чтоб огонь мой не угас...»

И чуть ниже ленинские строки: «...Чтобы спасти Советскую власть сейчас, необходимо дать хлеб для промышленности, то есть уголь».

Вскоре из рядов Красной Армии началась массовая демобилизация рабочих горняцких профессий. Ленин запрашивает по прямому проводу наркомпрода Украины М. К. Владимирова: «Прошу Вас сообщить, каково продовольственное положение Донбасса, насколько он обеспечен и на какое время... Присылайте мне два раза в неделю самые краткие точные справки о количестве наличного продовольствия».

Беспокоило Ленина и другое: с кайлом много угля не нарубаешь, необходимо механизировать тяжелый шахтерский труд. И Ленин пишет в Главуголь: «Прошу Вас принять все решительные меры к обеспечению быстрейшей покупки врубовых машин за границей...» Меньше чем через год в Юзовку пришла первая партия врубовых машин, и вскоре на-гора хлынул уголь. А раз есть уголь, будет и металл. Сталевары в рекордный срок отремонтировали печи, и уже в марте 1923 года губком профсоюза металлистов направил Ленину телеграмму: «В подарок партии металлисты Донбасса преподносят пуск рельсопрокатного стана в Юзовке, бездействующего четыре года...»

А что касается врубовых машин, о которых так заботился Ленин, то в шахтах Донбасса давно уже действуют высокопроизводительные отечественные комбайны и струги.

17 ФЕВРАЛЯ 1939 ГОДА

Донбасс, тридцатые годы. Первые ударные бригады. Стахановское движение. Строительство новых стадионов, Дворцов культуры, открытие вузов... Многое тогда было первым. И первой в Донецке 17 февраля 1939 года шахта № 5 была награждена орденом.

Давным-давно нет этой шахты. Но есть другая, которую ныне можно назвать лидером угольной промышленности Донбасса,— «Октябрьская». Она расположена прямо в городе и в отличие от других не имеет террикона — породу вывозят в отвал. Когда-то это была обычная шахта, каких в Донбассе сотни. Теперь «Октябрьская» превратилась в мощное автоматизированное и механизированное предприятие.

Чтобы познакомиться с работой шахты, под землю можно и не спускаться — диспетчерская оборудована такой аппаратурой, которая позволяет видеть работу каждого комбайна.

— Видите, огонек на карте замер, значит, комбайн стоит,— объясняет Герой Социалистического Труда Н. И. Гринда.— Сейчас в лаве находится звено Саши Николае-

ва, одно из лучших в моей бригаде. Минутку, узнаю в чем дело.— Николай Иванович нажал на кнопку, взял микрофон, и вот я слышу его разговор с Николаевым:

— Все в порядке: комбайн снова в работе.

А потом он показал мне автоматизированную ламповую, великолепный фотарий, профилакторий, душевые, розарии во дворе.

Донецк считают одним из самых зеленых промышленных городов. Но ведь на территории города более сотни терриконов: дунет ветерок и такие потянет с них тучи пыли! Как быть? Решили сажать на терриконах деревья. И хотя террикон — это пустая, безжизненная порода, все же деревья приживаются. Конечно же, для этого пришлось завозить землю, удобрения и т. п. Скоро пейзаж города изменится — вместо бурых островерхих терриконов поднимутся зеленые курганы.

8 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА

Почти два года Донецк был под властью фашистских оккупантов. Гитлеровские власти требовали «применять драконовские меры, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться». За убийство немецкого солдата подлежало расстрелу сто мирных граждан. Фашисты сбросили в ствол шахты № 4—4-бис 75 тысяч жителей. В концлагере, расположенном на территории Дворца культуры металлургического завода, они зверски замучили 92 тысячи женщин, стариков и детей. И все же фашисты так и не смогли пустить ни одного завода, ни одной шахты. Уголь в Донецк фашисты ввозили из Германии.

8 сентября 1943 года советские войска освободили Донецк. Город был сильно разрушен. Заводы подорваны. Шахты затоплены. Казалось бы, надо начинать с восстановления именно этих предприятий, но первым учреждением, которое начало действовать в освобожденном городе, была почта.

...Н. И. Горянинова и до войны работала почтальоном. Сейчас она вспоминает: «Вышла я восьмого сентября на улицу, смотрю — наши. Побежала на почту — разрушена до основания. Тут подошли и другие наши работники. Стоим и думаем: как же быть? Ведь во время войны письмо дороже хлеба. А тут и люди стали подходить. Плачут все, целуют нас, спрашивают, когда будут письма. Два года — никакой весточки от близких! Разыскали мы старый почтовый ящик, прибили к столбу, и уже к вечеру посыпались в него самодельные конверты. На чем только не писали: на газетах, обоях, старых книгах... А через неделю поступила первая корреспонденция с фронта».

3 МАРТА 1959 ГОДА

— Я парень сельский, только в пятьдесят четвертом молоденьким парнишкой переехал в город,— рассказывает Иван Гапченко.— И до сих пор к городу привыкнуть не могу. Надышишься на заводе железом и так в степь потянет, к ковылю да полевым цветам, что прямо хоть бросай все и беги... Вот сначала я и пришел в сельскохозяйственный институт. Да вступительных баллов не набрал. Окончил профессионально-техническое училище и пришел на Донецкий машиностроительный завод имени 15-летия ЛКСМУ. Рядом работают станочники — большие мастера своего дела. Думаю, куда мне с ними тягаться. И все же решил попытаться. Тут как раз началось движение за коммунистический труд. Стал я приглядываться к работе товарищей, стал кое-кому, как говорится, на пятки наступать. А потом предложил соревноваться за звание ударника коммунистического труда. Ребята поддержали. И завертелось! План перевыполняем. Материал экономим. Станок в идеальном порядке. Так прошел год. 3 марта 1959 года мне присвоили звание «Ударник коммунистического труда» и выдали удостоверение № 1. А три года назад я окончил политехнический институт.

...Донецку — сто. Ивану — в три раза меньше. И в город-то он пришел всего 15 лет назад, а вот сумел стать первым. Такой уж это город, где первым может стать каждый!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Наш взгляд

ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Иван ЛАРИОНОВ

Минуло два месяца после Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Время показало, что его итоги нашли глубокий отклик в сердцах не только коммунистов, но и широчайших трудящихся масс нашей планеты. Московский коммунистический форум расценивается во всем мире как важнейшее политическое событие, как исторический рубеж в активизации борьбы всех прогрессивных, антиимпериалистических сил, в сплочении всемирной армии коммунистов на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Два месяца — срок невелик. Но уже сейчас видно, с какой большой силой проявилось огромное значение и богатство идей, выдвинутых на Совещании, мобилизующая роль позитивной программы, содержащейся в принятых им документах. Прогрессивные силы находят в них ответ на самые животрепещущие проблемы современности, находят коллективно разработанную политическую платформу современной борьбы против империализма, за дальнейшее развертывание революционного движения.

Во многих партиях прошли за последнее время пленумы Центральных Комитетов, заседания других руководящих органов, съезды. Многие партии высказали свое отношение к документам Совещания. В резолюциях и решениях, в заявлениях руководящих деятелей подчеркивается главное — все возрастающая роль и ответственность мирового коммунистического движения как самой влиятельной политической силы современности, все крепнущее стремление к сплочению, к единым действиям в борьбе против империализма, за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

«Мир, демократия, национальная независимость, социализм,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— эти высокие идеалы коммунистов побуждают к активным действиям против сил реакции и войны все антиимпериалистические течения современности. Сплачивая воедино могучий антиимпериалистический фронт, коммунистическое движение сможет развернуть еще более широкое наступление на империализм».

В соответствии с решениями руководящих партийных органов коммунисты Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Болгарии, Монголии и других социалистических государств глубоко изучают документы и материалы Московского совещания. Они с удовлетворением воспринимают ту высокую оценку, которую дало Совещание роли и значению мировой социалистической системы в борьбе против империализма. Содружество социалистических стран является оплотом всемирного антиимпериалистического, революционного движения. Коммунисты братских партий, стоящих у руля государственного руководства в социалистических странах, обещают множить успехи социалистической системы, крепить ее сплоченность, бдительно стоять на страже социалистических завоеваний, защита которых является интернациональным долгом коммунистов.

Широкую пропаганду итогов Совещания ведут марксистско-ленинские коммунистические и рабочие партии в капиталистических странах. Огромный опыт коммунистического движения, обобщенный в документах Совещания, в выступлениях его участников, глубокий анализ современного мирового развития, сочетание марксистско-ленинской науки с боевой актуальностью, общей стратегии коммунистического движения с тактикой борьбы братских партий в конкретных условиях своих стран дают в руки коммунистов мощное оружие, позволяют сделать борьбу против империализма более целеустремленной и последовательной, более наступательной и успешной. Это вдохновляет коммунистов капиталистических стран на усиление активности в борьбе за благородные идеалы человечества.

Принципиальное значение придают братские партии принятому на Совещании обращению «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Они видят в нем подтверждение верности коммунистов мира великому ленинскому учению. В документах братских партий по итогам Совещания подчеркивается, что ленинизм имеет всеобщее международное значение. Братские партии хотят использовать ленинский юбилей для широкой пропаганды идей ленинизма, для усиления идеологической борьбы коммунистов в массах. Нет такой страны, где бы уже сейчас не читались лекции и доклады, не организовывались выставки и витрины, не публиковались статьи и книги, посвященные жизни и революционной деятельности Ильича. Эта работа приобретает все больший размах.

Совещание, формы и методы его подготовки, время, прошедшее после него, вновь подтверждают, что в мировом коммунистическом движении ведущей тенденцией является стремление к единству. С новой силой подтверждается вывод Совещания о том, что последовательная борьба за чистоту марксизма-ленинизма, против ревизионизма, догматизма, национализма является необходимым условием укрепления рядов коммунистических и рабочих партий, интернациональной сплоченности коммунистов, повышения их авангардной роли во всем революционном движении.

Вооруженные документами Совещания, основанными на марксистско-ленинском подходе к оценке и анализу процессов современного мирового развития, коммунистические и рабочие партии добиваются новых успехов в осуществлении своих благородных целей, своих исторических задач, отвечающих интересам всего прогрессивного мира, всех трудящихся.

Сегодня — 25-летие со дня освобождения Румынии от фашистского ига. Национальный праздник Румынии.

10 дней августа

М. В. ЗАХАРОВ,
Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза

Шел март тысяча девятьсот сорок четвертого года. Над весенним разливом Прута метался буйный мартовский ветер, хлестал по суровым лицам солдат. Но для усталых воинов свист ветра был как веселая песня: они стояли на родном рубеже, на границе Отчизны, к которой шли почти три года сквозь пламя жесточайших битв. И дошли! А там, за рекой, в туманной дымке виднелись Карпаты, за которыми лежали порабощенные страны Юго-Восточной Европы, еще ждавшие своего освобождения. Войска 2-го Украинского фронта, которыми командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев, а начальником штаба фронта довелось быть мне, вышли 26 марта на государственную границу СССР и, форсировав с ходу реку Прут, перенесли боевые действия на территорию Румынии. Заняв выгодное положение на направлениях Яссы и Кишинев, они с 6 мая перешли к обороне с целью подготовки к новой наступательной операции.

Гитлер и его окружение понимали, чем может обернуться для Германии развал южного крыла Восточного фронта, выход из войны Румынии.

Германский империализм всегда рассматривал Юго-Восточную Европу в качестве сферы своих «особых» экономических и военно-политических интересов. Экономика, ресурсы, даже климат этого района (госпитали и санатории для раненых) использовались для обеспечения гитлеровской армии. Немцы выкачивали отсюда в миллионах тонн румынскую нефть, вывозили продовольствие и различные виды стратегического сырья.

Эти обстоятельства и угрожающее немцам стратегическое положение советских войск заставили гитлеровское командование принимать срочные меры к укреплению позиций в данном районе.

К августу 1944 года оно создало на своем южном фланге глубоко эшелонированную оборону, опиравшуюся на систему гор и протекавших в меридиональном направлении рек. Ее тактическая зона состояла из двух полос, достигавших в глубину 8—15, а местами до 19 километров. Третья полоса проходила по горному хребту Маре — так называемая позиция Траян. Особенно прочно было укреплено междуречье Прута и Серета. Четвертый мощный рубеж лежал на подступах к Фокшанским воротам, естественному 80-километровому проходу между Карпатами и Дунаем, через который пролегал самый удобный путь в глубь Румынии.

Таким образом, на пути нашего наступления выросла оборонительная система, насчитывающая до 1 700 различных долговременных сооружений, бесконечные ряды противотанковых надолбов и рвов, проволочные заграждения, огромные минные поля. Каждый клочок земли был хорошо пристрелян.

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя боевые действия на лето 1944 года, определила: нанести первый мощный удар в Белоруссии, откуда пролегал кратчайший путь к важнейшим центрам фашистской Германии, и прежде всего к Берлину. Гитлеровское же командование, как было видно из проводимых им мероприятий, ожидало такой удар на юге. Да в этом и мы стремились убедить немцев своими действиями по дезинформации, что нам и удалось успешно осуществить.

Поэтому начавшееся в июне 1944 года наступление наших войск на центральном участке советско-германского фронта окончательно сбило с толку фашистских стратегов. В журнале боевых действий 6-й немецкой армии 7 июля отмечалось: «Летнее наступление Красной Армии против группы армий «Центр» и окончившееся сосредоточение вражеских войск против группы армий «Северная Украина»... подтвердили, что противник отложил свои планы наступления на Балканы». А в середине июля советские войска перешли в наступление в западных областях Украины. Это вынудило немцев перебрасывать силы из южной группировки и в Белоруссию и в Закарпатье.

Немецкое командование, уверовав, что Советская Армия не в состоянии вести активные действия одновременно на нескольких направлениях, дорого заплатило за это заблуждение и недооценку возросших возможностей Советской Армии.

Тем временем войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в строжайшей тайне активно готовили Ясско-Кишиневскую наступательную операцию.

Войскам двух фронтов предстояло разгромить одну из крупнейших вражеских группировок — группу армий «Южная Украина», имевшую в своем составе 25 немецких и 22 румынских дивизии и 5 отдельных бригад и насчитывавшую свыше 900 тысяч человек, более 7 600 орудий и минометов, около 400 танков и штурмовых орудий, а также 810 боевых самолетов.

Для преодоления глубоко эшелонированной многополосной обороны противника и разгрома его крупных сил советское командование выделило 92 дивизии, в том числе 55 дивизий, входивших в состав 2-го Украинского фронта, действовавшего на решающем направлении. В общей сложности на обоих фронтах без учета армейских и фронтовых тылов насчитывалось 930 тысяч человек, 16 тысяч орудий и минометов, около 1 900 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 1 760 боевых самолетов.

Общее количественное и качественное превосходство над противником, охватывающее по отношению к нему положение наших войск создавали благоприятные условия для разгрома крупной вражеской группировки, а также для успешного развития в последующем наступлении на дунайском направлении, выводившем к важнейшим военно-экономическим и политическим центрам Румынии и Балканских стран.

В мае 1944 года командующим 2-м Украинским фронтом был назначен генерал армии Р. Я. Малиновский, а 3-м Украинским фронтом — генерал армии Ф. И. Толбухин. Для координации действий двух фронтов Ставка назначила своим представителем Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Замыслом операции предусматривался одновременный прорыв силами двух фронтов обороны противника на флангах 6-й немецкой армии и стремительное наступление из районов северо-западнее Ясс и с плацдармов южнее Тирасполя по сходящимся к Хуши направлениям с целью окружения и уничтожения основных сил группы армий «Южная Украина».

Успех операции обеспечивал освобождение Советской Молдавии и вывод Румынии из фашистского блока. Это меняло всю военно-политическую обстановку в Юго-Восточной Европе и открывало кратчайшие пути к границам Болгарии и Югославии, а также выходы на Венгерскую равнину.

Наступлению предшествовала тщательная подготовка. Блестяще поработали инженерные войска, надежно упрятавшие на плацдарме неисчислимое количество людей и боевой техники, построившие сотни километров новых дорог, мосты и переправы. Одновременно были созданы ложные районы сосредоточения войск. Здесь интенсивно функционировали железнодорожные станции, где якобы разгружались войска, из реального района сосредоточения в сторону ложного по дорогам двигались машины, танки, пехота, в основном перед наступлением сумерек, чтобы создать впечатление скрытности. Ночью все войска возвращались обратно. И сколько в связи с этим было упреков со стороны тех, кому приходилось выполнять это, казалось, «бесцельное хождение»: ведь им не сообщалась цель передвижений!

В ложном районе были установлены сотни макетов танков и другой техники, дымили походные кухни. Оттуда же радиостанции «случайно» посылали в эфир правдоподобные сообщения и сигналы. Весь район был «надежно» прикрыт с воздуха. Все это окончательно спутало карты вражеской разведки.

Противнику лишь за полтора суток до наступления удалось определить главные направления наших ударов, но изменить ход событий было уже невозможно.

Поистине титанически потрудились службы фронтового тыла. Фронтам требовались сотни тысяч тонн боеприпасов, горючего, а также десятки тысяч тонн продовольствия и масса других материально-технических средств. Ежесуточно надо было принять и разгрузить минимум полсотни железнодорожных составов. А ведь все прибывшие грузы потом еще необходимо доставить на передовую, в войска!

И вот все готово. Пружина гигантского механизма наступления начала стремительно раскручиваться.

Утром 20 августа колыхнулась и взорвалась

грохотом земля — началась артиллерийская и авиационная подготовка. Примерно через час артиллерия сделала ложный перенос огня в глубину обороны противника. На нашей передовой под крики «ура!» замелькали искусно сделанные чучела. Уцелевшие вражеские солдаты выскочили из укрытий отражать «атаку», но тут же были накрыты шквалом нашей артиллерии. Именно в это время понес противник главный урон. И началась стремительная Ясско-Кишиневская операция.

Ударная группировка 2-го Украинского фронта в первый же день прорвала оборону противника северо-западнее Ясс по фронту свыше 30 километров и в глубину до 16. Во второй половине дня, ранее намеченного срока, в прорыв была введена 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко, которая вышла к третьей полосе обороны по хребту Маре.

Успешными были действия и 3-го Украинского фронта. В одном из донесений политуправления фронта говорится: «Никогда, пожалуй, за время боевых действий фронта атака не была такой стремительной, как это было 20 августа... Все, как один, дружно, многие во весь рост, с исключительной стремительностью, с криками «ура!» устремились к передовым траншеям противника и захватили их». 3-й Украинский фронт также глубоко вклинился в оборону противника. Позже, разбирая это сражение, немецкий генерал Типпельскирх писал: «Фронт смешался, все превратилось в хаос... Как огромные морские волны, катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось...»

В ночь на 22 августа при поддержке артиллерии, авиации и кораблей Дунайской военной флотилии, которой командовал контр-адмирал С. Г. Горшков, частями 46-й армии был форсирован Днестровский лиман, и к вечеру того же дня наши войска овладели Аккерманом (Белгород-Днестровским). За первые два дня операции оборона врага на главном направлении была смята.

А на четвертый день наступления, 24 августа, в районе Хуши — Леово танковые части обоих фронтов замкнули кольцо окружения. В «котле» оказались пять армейских корпусов.

И совершенно нелепо звучал теперь приказ Гитлера командующему группой армий «Южная Украина» 26 августа: удерживать линию Фокшаны — Галац «силами обозных команд и другими частями».

Уже ничего нельзя было удержать: сметая все на своем пути, части 6-й танковой армии на следующий день ворвались в город Фокшаны.

Еще 2 апреля, когда наши войска вступили на территорию Румынии, правительство СССР сделало заявление, в котором подчеркивалось, что Советский Союз «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника». А 12 апреля Советское правительство предъявило правительству Румынии условия перемирия. Первое из них гласило: «Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Советской Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии».

Однако клика Антонеску отказалась принять советские условия перемирия, что вызвало негодование румынского народа. Недовольство росло и в армии. Так, в конце июля румынское командование, произведя обследование морального состояния личного состава армии, пришло к неутешительному выводу: «Большинство командиров полков утверждало, что рассчитывать на их части уже нельзя».

Используя благоприятно сложившуюся обстановку на советско-германском фронте, прогрессивные силы страны под руководством Коммунистической партии Румынии вечером 23 августа начали вооруженное восстание. В тот же день было свергнуто фашистское правительство диктатора И. Антонеску и образовано во главе с генералом К. Санатеску новое правительство, которое под давлением широчайших масс страны 24 августа заявило о выходе Румынии из гитлеровского блока и объявило Германии войну.

Началась Ясско-Кишиневская операция. Август 1944 года.

Жители Бухареста приветствуют советских воинов. Август 1944 года.

Фото С. Короткова.

Однако правительство Санатеску хотело дать возможность гитлеровским войскам беспрепятственно уйти из Румынии и вело переговоры с американо-английским командованием по вопросу оккупации страны войсками США и Англии, но стремительное наступление Советской Армии сорвало все эти закулисные махинации.

Узнав о свержении Антонеску, взбешенный Гитлер приказал командующему группой армий генералу Фриснеру арестовать новое румынское правительство и создать дружественно настроенное к Германии правительство. С этой целью немецкое командование обрушило все свободные силы на своих вчерашних союзников и предприняло карательный поход на восставшую столицу. 24 августа немецкие части двинулись на Бухарест. Одновременно авиация начала бомбардировку города. Но к Бухаресту уже шли войска 2-го Украинского фронта. 30 августа они овладели Плоешти, отбросили части карателей и, заняв аэродромы, лишили немцев возможности бомбить румынскую столицу. Угроза Бухаресту была ликвидирована.

Утром 31 августа советские войска вступили в столицу Румынии.

Жители радостно приветствовали своих освободителей, и этот день стал большим праздником румынского народа.

Вступлением в Плоешти, Бухарест и Констанцу завершилась Ясско-Кишиневская операция, одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению. Длилась она всего десять суток. За этот срок противник потерял убитыми и пленными 300 тысяч солдат и офицеров, 400 самолетов, до 350 танков и самоходных установок, 4 тысячи орудий, более 33 тысяч автомашин.

Южный фланг вражеского фронта, упиравшийся в Черное море, развалился.

Советские войска вышли на просторы Нижне-Дунайской низменности, к болгарской границе. Был открыт путь и на Венгрию — последнюю союзницу Германии в Европе.

Ясско-Кишиневская операция вошла в историю советского военного искусства как замечательный образец быстрого окружения противника и столь же быстрого его разгрома, причем в условиях горно-лесистого театра военных действий и с наличием на нем мощных укрепленных районов. В ней проявилась широта замысла советского командования, решительность маневра, глубоко продуманная организация подготовки и проведения операции. Здесь, как и в других сражениях Великой Отечественной войны, советские воины показали массовый героизм и все благородные черты своего морального облика, одной из которых было высокое чувство интернациональной солидарности с народами, освобождаемыми от фашистского гнета. Многие во имя этого дела пали в сражениях смертью храбрых. Слава их будет жить в веках.

Дунай не по Штраусу

Л. ЛЕРОВ, специальный корреспондент «Огонька»

— О, Димитрие Леонида!.. Он умер сравнительно недавно, глубоким стариком. У нас вышла книга о его жизни. Судьба этого человека, как символ...

Мой собеседник заметил очень точно — судьба, как символ. И если бы потребовался эпиграф к рассказу Николае Арменкою, заместителя министра электроэнергетической промышленности Румынии, то, пожалуй, следовало бы написать несколько строк о большой мечте Димитрие Леонида. Это было давно, в пору буржуазной Румынии, где электроэнергии производилось куда меньше, чем в одной Саарской области. Димитрие учился в Шарлоттенбурге, в политехническом институте, и увлекся гидроэнергетикой. Не раз вспоминал он родные Карпаты, горные реки, города, тускло озаренные керосиновыми лампами, и села, погруженные во тьму. И не раз, склонившись над картой своей страны, он тяжко вздыхал: вот если бы энергию всех этих рек подчинить человеку! Так зрела идея — построить в Карпатах гидроэлектростанцию. Во время каникул студент уходил в горы, туда, где кипят среди камней бурные воды, что-то измерял, подсчитывал, исследовал. Выбор пал на Бистрицу — быстрая река течет в узком ущелье, которое легко перегородить плотиной.

«Проект гидростанции на реке Бистрице» — так назывался дипломный проект Димитрие. Он блестяще защитил его и вернулся в отчий дом окрыленный. Его проект одобрили крупнейшие специалисты. Но королевские чиновники, ознакомившись с работой молодого инженера, признали, что строительство ГЭС на Бистрице «не представляет никакого интереса для страны». И река продолжала вершить свое коварное дело: заливала крестьянские поля водами, которые могли дать народу так много света и энергии.

Сегодня Бистрица работает на социализм. Воздвигнутая тут ГЭС имени Ленина — одна из многих румынских электростанций, о которых рассказывал мне заместитель министра, одна из многих, предусмотренных десятилетним планом электрификации страны. И тут нельзя не вспомнить, что к составлению этого плана коммунисты Румынии в свое время привлекли беспартийного инженера Димитрие Леонида, ставшего советником государственного комитета по использованию гидроэнергии страны.

...Николае Арменкою привел много цифр. Но я не рискую обременять ими читателя. Приведу лишь две из них. 1938 год считался годом наивысшего уровня развития экономики буржуазной Румынии. За тот год все электростанции Румынии дали 1 миллиард 130 миллионов киловатт-часов. В конце нынешнего года производство электроэнергии достигнет 31 миллиарда киловатт-часов — таковы шаги социализма. А закончившийся недавно X съезд Румынской коммунистической партии наметил планы с более высокими темпами.

Рассказывая о развитии румынской энергетики, Николае Арменкою говорил об экономическом сотрудничестве с социалистическими странами, и в частности с СССР; о высоковольтных линиях электропередач, связывающих энергосистему Румынии с энергосистемами социалистических стран. И тут же заметил: «Не раз, бывало, мы выручали друг друга, когда неожиданно давала о себе знать нехватка электроэнергии».

Таковы осязаемые плоды деятельности СЭВ. И не только в сфере энергетики, добавлю я. СССР оказал и оказывает Румынии содействие в строительстве более ста предприятий и объектов. По подсчетам специалистов, доля продукции, выпущенной на предприятиях, которые построены при сотрудничестве с СССР, от общего объема всей продукции Румынии составила: электроэнергии — около половины, труб и кокса — около половины, глинозема и синтетического каучука — сто процентов.

Заместитель министра назвал много уже построенных и строящихся электростанций, на которых работают и будут работать советские турбины и генераторы. И снова цифры. Перечитываю их, прислушиваюсь к их говору и явственно слышу душевные голоса людей, с которыми в разное время — и осенью 44-го, и весной 63-го, и летом 69-го, и ныне, — встречался на дорогах Румынии; явственно слышу в разное время сказанные слова признательности, уважения, слова о великой силе пролетарского интернационализма, о том, как это очень здорово, когда в тяжкую для человека пору ему протягивает руку друг, и как не страшны самые что ни на есть архитрудные задачи — экономические, технические, — если за их решение берутся сообща люди единого мировоззрения, единого социалистического лагеря. Вот и сейчас заместитель министра говорит о тесных контактах наших и румынских инженеров при решении сложных технических проблем. Советских специалистов встретишь и на стройках и на заводах Румынии. С некоторыми из своих коллег они легко объясняются без переводчиков — это с теми, кто получил инженерный диплом в наших вузах. Я тут же вспомнил, что инженер Октавиан Гроза, министр электроэнергетической промышленности, тоже учился в Москве. А легко переводивший нашу беседу директор большого проектного института Ниту Василий был аспирантом МЭИ.

Когда речь зашла о новостройках, то в первую очередь были названы знаменитые «Железные ворота» близ Турну-Северина. Гидроэнергетический узел, воздвигаемый там, — гордость республики, стройка № 1.

Своенравный Дунай испокон веков доставлял тут людям чертовски много неприятностей. Выдающийся румынский писатель Александру Влахуцэ писал когда-то о здешних порогах, справедливо названных «Железными воротами»: «Дунай начинает гневно бурлить. Он мечется от берега к берегу, сердито швыряет свои волны. Из глубины появляются, прорезая поток, бесчисленные каменные руки, готовые вот-вот схватить судно и разбить его вдребезги при самой малой неосторожности...»

...«Железные ворота»! Вспоминаю, как в Белграде югославский лоцман рассказывал мне о своем друге, коммунисте Любише Жоржевиче. В пору войны он помогал нашим отважным морским разведчикам из знаменитого отряда «Бороды» — Калганова. Лоцман восторженно говорил: «Это было настоящее чудо, когда ваш разведывательный катер с ходу проскочил «Железные ворота». Смелые ребята...»

И вот я снова слушаю рассказ о «Железных воротах» Дуная и смелости атакующих его людей. Но уже не воинов, а созидателей. За большими окнами конференц-зала тихие, утопающие в зелени улицы портового города Турну-Северина, сохранившего до наших дней памятники времен древних римлян. На стене — огромная карта-схема будущего гидроэнергетического узла «Железные ворота». Два социалистических государства, расположенные на берегах Дуная, решили сообща укротить тут строптивую реку. Генеральный директор румынского управления строительством Константин Маринеску нетороплив в словах.

— Наша стройка своеобразна. Плотина, соединяющая два берега — румынский и югославский, — общая. Но на каждом берегу — своя ГЭС, мощностью 1 025 мегаватт, свой двухступенчатый шлюз, свой машинный зал с шестью уникальными поворотно-лопастными турбинами. Их создал ваш знаменитый ленинградский Металлический завод.

Константин Маринеску подсчитал, что за время своей инженерной деятельности он более десяти раз бывал в Ленинграде и поэтому чувствует себя знатоком города на Неве. А турбины ленинградские действительно уникальны, и совсем недавно им присвоен Государственный знак качества: лопасти их могут поворачиваться и обеспечивать наивысший коэффициент полезного действия.

— Румыния, — продолжает Маринеску, — закупила в СССР три таких турбины, а три агрегата мы строим своими силами по техническим проектам и при участии советских специалистов.

Маринеску образно рисует картину битвы у «Железных ворот», расстановку сил в этой битве: река бурлит, кипит, воет, а люди ловко и смело берут ее в шоры, заковывают в бетон. Здесь встретишь сегодня румынских специалистов, обогащенных опытом сооружения многих ГЭС республики, хорошо знакомых и с опытом советских коллег на волжских ГЭС. Подавляющее большинство строителей — это ровесники республики. «Самый старший здесь — это, кажется, я — мне сорок семь». — Маринеску улыбается и тут же поглядывает на часы. Мы знали, что сегодня у него особенно напряженный день — канун пуска первых судов через шлюз, а погода явно не благоприятствует.

— Мы не в ладах с богом дождей, — продолжает Маринеску. — По соседству пронесся ливень, прервал железнодорожное сообщение с нами и принес много огорчений людям.

— И нам тоже, — не преминул я заметить. — Поезд из Бухареста довез нас только до маленького городка Филиаши, а оттуда пришлось добираться на машине «Скорой помощи». Другой не оказалось. Что же, для репортера это было даже интересно. Едем, а кругом вода...

— Вот видите, а у нас солнце печет немилосердно, и уровень реки резко понизился. Между тем Дунай — весьма капризный товарищ и всякое сотворить может. Так что, извините, спешу...

...Не нужно быть большим специалистом, чтобы в сутолоке стройки с ее грохотом механизмов, рокотом кранов, ревом наших громадных БЕЛАЗов — дом на колесах! — сразу же ощутить гигантский размах здешних работ, энтузиазм людей, их одержимость. Нам рассказывали про водолаза Иона Карбореану, 3 600 раз погружавшегося на дно Дуная, про монтера Тудора Колцеа, который в самую ненастную погоду — хлещет дождь, ревет ветер — продолжал свою работу на головокружительной высоте — 80 метров! Ему с земли приказывают: «Слезай немедленно, сорвешься». А он кричит сверху: «Вот закончу, тогда...»

Сейчас строители не скрывают своего волнения: завтра первый большой экзамен, пуск первой камеры шлюза. Волнуются румынские товарищи, волнуются и их советские коллеги. Мне было приятно встретить здесь наших соотечественников. Это большие знатоки своего дела. На основе договоров о технико-экономическом сотрудничестве СССР с другими странами они не раз выполняли задания Родины в качестве ее «технических полпредов». А. Ф. Мизонов сооружал электростанцию в Индии, М. Н. Финкель вместе с норвежцами строил электроцентраль у Полярного круга, Н. Н. Чуклинов помогал возводить электростанцию в Монголии. Возглавляет группу наших специалистов обаятельный, сравнительно молодой человек, но уже с большим опытом строительства ГЭС в Прибалтике Леонард Максимович Богач. Скупо, четко, по-деловому он сообщает о ходе работ. «Мы оказываем техническую помощь в монтаже, наладке и пуске в эксплуатацию советского оборудования. Наша страна поставляет Румынии три комплекта гидроагрегатов и некоторые узлы и части для тех трех агрегатов, которые будут изготовляться в Румынии по советским техническим проектам. Кроме того, поставляем специальную оснастку, инструмент, контрольно-измерительные приборы, строительно-монтажное оборудование...»

Вместе с Богачем мы шагаем по стройке. У него тут много знакомых, друзей, с которыми он весело перекликается: с одними — по-русски, с другими — по-румынски. Советский инженер высоко ценит опыт, квалификацию румынских рабочих, мастеров, смелость инженерных замыслов. «Сейчас стройка готовится к решающему штурму — перекрытию, — сообщает он. — Мне хорошо знакома эта труднейшая операция. А здесь будет особенно сложно. Бешеный он тут, Дунай...»

Богач задумчиво смотрит на еще не утихомирившуюся реку. И тихо говорит: «А двадцать пять лет назад тут были жаркие бои. Немцы, отступая, пытались спасти свои суда... Не вышло. — И неожиданно спрашивает: — Вы не встречали в Бухаресте инженера Воробьева? Да, да, он самый, Александр Прокофьевич. Когда я приехал сюда, то от него и принимал «вахту»... Так вот он воевал под Турну-Северином. И брат мой где-то рядом с ним военной дорогой шел...» Богач помолчал минуту-другую и вздох-

нул: «Как-то в воскресенье выхожу утром из дому, смотрю: мои товарищи с цветами куда-то идут. Оказывается, на кладбище путь держат, на могилы советских воинов. Вы были там?»

А как же иначе, конечно, был и долго бродил по скорбным аллеям с холмиками могил советских воинов-освободителей. И думалось: сколько их, таких могил соотечественников моих, в больших и малых городах Европы, спасенной армией нашей от фашистских варваров? Сколько крови солдат наших унесли отсюда к родным берегам Черного моря воды Дуная? А может, и не всю унесли, и капли той крови ныне цементируют фундамент плотины, что обуздает непокорную реку. И столь хорошо знакомый по нашумевшему фильму, легендам и песням, штраусовскому вальсу, ярким туристским проспектам Дунай уже не казался мне таким голубым, сентиментальным. Вещественно-зримо предстал он воином и работягой, прославленный Дунай. Близ Турну-Северина поднимает он над своими водами могучую крепость электричества, а в Галаце — бастион металла...

Мы покидаем Дунай у «Железных ворот», чтобы через день-другой увидеть его в рабочей одежде хлебороба там, где, следуя течению вод реки, легли плодородные земли Джурджу и Добруджи.

Древняя и бурная история у этих земель. Но мы не станем тревожить летопись столетий и обратимся к памятным народу событиям начала века. Трагическая весна 1907 года — восстание румынских крестьян, требовавших минимально сносных условий жизни. В. И. Ленин, конспектируя работу немецкого историка Эгельгафа, отмечал: «Прехарактерно, что идиот автор, с педантичной аккуратностью дающий даты и пр. о каждом царьке, о родне царьков, о выкидышах нидерландской королевы... не упомянул ни звуком восстания крестьян в Румынии в 1907 году». Король и помещики жестоко расправились с бунтарями. Более 11 тысяч крестьян и их детей было убито. Каратели забавлялись, проверяя на крестьянских телах пробойность пуль: расстреливали сразу шесть человек, выстроенных во фланг.

...Мы в селе Стэнэшть, что недалеко от Джурджу. Перед недавно выстроенным Домом культуры три невысоких обелиска. На одном из них барельефы: фигуры изможденных крестьян, вооруженных вилами, косами, топорами. И надпись: «В 1907 году крестьяне этого села восстали против помещиков за землю и лучшую жизнь. Буржуазия и помещики зверски подавили это восстание, расстреляли 13 тружеников села и уничтожили пушками около 200 крестьянских домов. Слава крестьянам, героически павшим в боях за землю и свободу». А рядом обелиск в память тех румынских солдат, что были замучены в королевских застенках за отказ стрелять в земляков, в восставших крестьян Стэнэшти. И, словно принимая эстафету битв за светлую жизнь, тут же, над крестьянской землей, поднялась еще одна каменная плита с фамилиями румынских солдат и сержантов — уроженцев Стэнэшти,— павших в бою, что вели они плечом к плечу с советскими воинами против гитлеровцев. Незримо, титанической силой времени и идеи слились воедино три памятных обелиска. Вместе с нами пришел сюда и Флоря Симедре, 86-летний старик, с седыми усами на морщинистом лице, в теплой жилетке и черной шляпе, хотя в тени до сорока градусов. Участник восстания здешних крестьян, старик многое сохранил в памяти.

— Я весьма ученый человек,— с юморком начинает он свой рассказ,— семь лет был в одном и том же классе. Это потому, что учиться я мог только один месяц, все остальное время должен был батрачить на богатого боярина Лаховари. Условия труда были страшные. Голод... Болезни... Кто на винограднике работал, тому намордники надевали, словно собаке, чтобы не ел боярский виноград. Стали крестьяне просить облегчения, делегатов послали к управляющему. Их встретили огнем. А потом...

Потом полыхало зарево пожара над поместьем боярина, с топорами и вилами ринулся в бой крестьянский люд. Помещик вызвал солдат из города. Но среди них оказались дети крестьян Стэнэшти. И тут случилось такое, что повергло начальство в панику и смятение: целый взвод солдат отказался стрелять.

— И все же село наше начисто снесли,— продолжает свой рассказ Симедре.— Солдат-бунтарей на пожизненной каторге сгноили. А нас, зачинщиков восстания, долго в тюрьме держали. Пытали, требовали назвать главного зачинщика. А я сказал им: «Мы все и есть главные...»

...Стоят у каменных обелисков дети, внуки, правнуки крестьян, павших в кровавой битве с помещиками весной девятьсот седьмого во имя того, чтобы пришло лето сорок четвертого, а вслед за ним и все те глубокие революционные преобразования в румынской деревне, что вызваны были победами социализма. Хозяева живо рассказывают гостю о благодатных переменах в жизни крестьян. И о том, как растут урожаи, доходы кооператива и крестьян-коллективистов, и о том, как меняется облик села, быт, культура, психология крестьянина, как растут не только его материальные, но и духовные запросы. Учитель Воина Тудор, он же местный «министр культуры», восторженно говорит о новом клубе, о длинных очередях на книги в сельской библиотеке. И уж коль скоро зашел разговор о книгах, то учитель хотел бы сообщить гостю приятное: кооператив «Стэнэшть» недавно объединил два кооператива, один из которых назывался «Поднятая целина».

— Когда наши крестьяне впервые прочитали на родном языке роман Шолохова, они были потрясены. Им казалось, что многие события, описанные в книге, происходили не на Дону, а на Дунае. Тогда и решили, что кооператив надо назвать «Поднятая целина». Потом мы коллективно читали роман, литературные вечера устраивали. Книга помогала нам жизнь перестраивать.

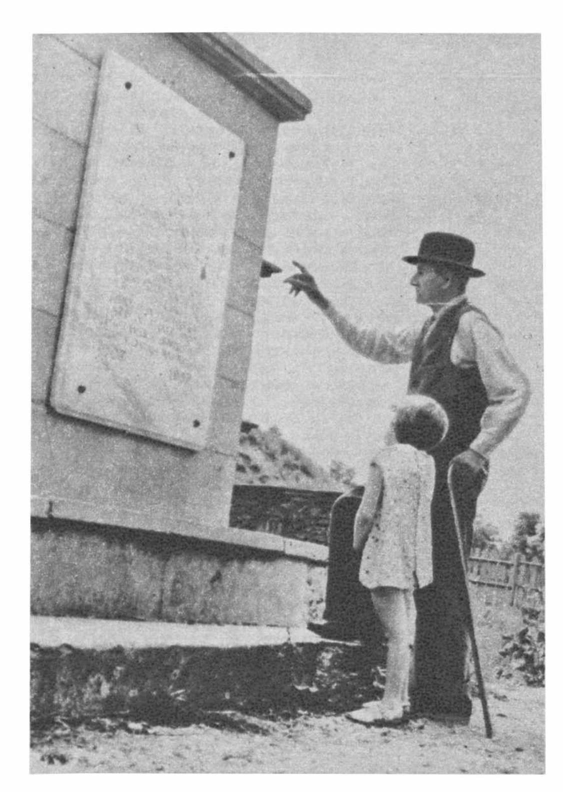
Слушаю учителя и переглядываюсь с переводчиком Николаем Дмитриевичем Пиларино: вот уже третий день, как горюется, плачусь ему в жилетку по поводу того, что не смог попасть из Турну-Северина в село Дента, где процветает кооператив... «Поднятая целина». И вот удача: оказывается, есть в Румынии еще один кооператив, имя которому дала книга-учитель, книга-наставник, советчик, друг...

А в Денту я рвался еще и потому, что знал: в свое время тамошние крестьяне послали М. А. Шолохову письмо, в котором рассказывали о своем житье-бытье. «...Вы нас не знаете,— писали они,— но зато мы с вами знакомы по вашим книгам и особенно по «Поднятой целине», которую прочли и знают почти все коллективисты... В первый раз эта книга попала к нам в село через инструктора районного комитета партии. Это было в начале 1950 года. Село было охвачено волнением. Некоторые из нас подали уже заявление о вступлении в коллективное хозяйство, но еще не представляли себе ясно, как мы будем трудиться и жить в условиях новой жизни. Прислушавшись к словам инструктора, мы взялись за чтение вашей книги. Больше мы с ней не расставались... Нам казалось, что это наши переживания, наши мысли... Ваша книга, как добрый друг, проясняла умы. В эти дни книга переходила из рук в руки... И при организации коллективного хозяйства общее собрание в знак признательности за эту помощь решило присвоить ему имя «Поднятая целина». Вот почему, дорогой товарищ Шолохов, мы, коллективисты из села Дента, считаем вас в некотором роде своим крестным... Были и у нас свои Островновы, которые, пробравшись в хозяйство, пытались подорвать его изнутри, но мы вовремя раскусили их и сорвали их происки».

В письме сообщалась трогательная история про деда Крецу и его коня Пишту, сданного им коллективному хозяйству. Однажды правление решило продать часть коней, среди отбракованных был и Пишту. Вот тут-то старик потерял покой. Он обошел всех членов правления, убеждая их, что нет на свете коня лучше Пишту и продавать его вовсе не резон, а на худой конец он сам найдет покупателя среди своих родственников. Уж очень не хотелось ему терять из виду Пишту, коня, на котором работал девять лет, которого любил, как брата. Но что делать, настал час расставания. И всю ночь дед Крецу провел с Пишту, начистив его на прощанье до блеска...

Легко представить, как я жаждал побывать в Денте, встретиться с авторами письма, повидать деда Крецу. Но не судьба: ох, уж эти транспортные проблемы, машины нет, а железную дорогу размыло. Не попал я в Денту: пришлось довольствоваться телефонной связью. Авторы письма сообщили, что кооператив их шагнул далеко вперед, и они просят передать своему крестному, М. А. Шолохову, слова любви, уважения, и что очень им хотелось бы увидеть писателя в Денте. Я, конечно, поинтересовался судьбой Крецу и узнал, что старик умер, а коллективистом он был отменным и про Пишту если и вспоминал, то с застенчивой улыбкой.

...Внимательно слушают крестьяне села Стэнэшть мой рассказ про письмо их «однофамильцев» к М. А. Шолохову. А когда узнали о деде Крецу, то от души смеялись. Оказывается, и у них был свой дед Крецу, хотя и в ином, более трудном варианте: словно ребенок, плакал крестьянин, сдавая своего любимого коня в кооператив. Я поинтересовался, как зовут того крестьянина, что он делает сегодня. И тогда учитель Воина Тудор, окинув вопросительным взглядом односельчан, будто спрашивая разрешения назвать того крестьянина, несколько торжественно произнес: «Зовут его Петре Кристи, он председатель нашего кооператива и один из самых убежденных коллективистов, самых преданных нашему делу людей». В словах учителя Воина Тудора, в цифрах и фактах, что сообщил мне агроном Георгии Булумак, еще одно свидетельство чудесных всходов поднятой целины в самом широком смысле этих двух слов, намеренно не взятых мною в кавычки. Ибо речь идет и о великой преобразующей силе идеи книги, и о земле, и о душах людей, коллективно строящих новую жизнь на этой земле.

Дед Флоря Симедре с правнучкой у памятного обелиска в селе Стэнэшть.

Фото Евгения Яровича.

Михай БЕНЮК

ЛЕНИН

Я лично Ленина не знал,
Но он мне близок, как волна,
Когда льнет к берегу она.
Так, значит, Ленина я знал!

Ребенком был бы я, юнцом,
Я звал бы Ленина отцом.
Не только мне, он всем родной,
И я зову его отцом!

Летит вперед его рука,
И расступаются века,
И тьму ночную гонит свет,
И страха у народов нет.

Из уст его я слышу: — Мир!
Из уст его я слышу: — Труд!
И дни грядущие за ним
В сегодня смело к нам плывут.

Закрыл ресницы вечный сон.
Несовместимы Смерть и Он!
Стою пред ним.— Отец,— шепчу,—
Поговорить с тобой хочу.

И озарился Мавзолей,
И Ленин ободрил меня:
— Будь мужем, говори смелей,
И знай — я слушаю тебя!

Шагнули по полю лучи.
Над гнездами кричат грачи.
Весенний ветер бьет крылом,
И все бурлит во мне самом.

Он мне сказал: — Ты человек!
И выше званья в мире нет.
Он крылья дал мне, я лечу.
Любой мне подвиг по плечу!

Перевел с румынского Виктор Боков.

CUMTRAESCTA
la 12 km. de Buc

Этот снимок был опубликован в «Скынтейе» двадцать пять лет назад. Мальчик (крайний слева) Ион Дончу — сегодня тракторист, глава большой и зажиточной семьи.

Фото Мартина Чока.

Как сбылась мечта Иона Опри

С. ЛИЛИН

Перелистывая подшивку газеты румынских коммунистов «Скынтейя», среди пожелтевших за четверть века страниц я обнаружил репортаж из села Бучумени. «Вот как тяжело живется крестьянам в 12 километрах от Бухареста!» — с глубокой горечью обращалась к читателям газета. Репортер писал о нищете и лишениях крестьян. Рассказ подтверждали снимки. «Вся семья за голодный паек служит помещику... 12-летний мальчик бесплатно работает на богача. Они спят на соломе... Мать привязывает малыша к топчану, чтобы на весь день оставлять одного...»

Что сталось с этими людьми сейчас?

Со старым скынтейевским фоторепортером Мартином Чоком, тем самым, который тогда снимал голодных и оборванных детей, шагаем мы по мощеной бучуменьской улице. Глаз радуют яркие краски сотен новостроек. Черепичные крыши сменили тростниковую рухлядь. А над каждым вторым-третьим домом — телеантенна.

Конечно, двадцать пять лет — срок в человеческой жизни немалый. Многих из тех, кто показывал Мартину Чоку при тусклом свете коптилок исполосованные хлыстом управляющего спины, теперь в селе нет. Но несколько семей фоторепортер все же нашел. Малыша, которого мать привязывала к топчану, зовут Александром Тату, и ныне он водит скрепер на большой стройке в Михайлешти. А 12-летний мальчик-оборвыш — на фотографии он стоит рядом с ежащимися от холода сестренками — стал главой большой и зажиточной семьи. Это тракторист Ион Дончу, отлично работающий в государственном сельскохозяйственном предприятии «Могошайя». Живет он с семьей в новом доме, как, впрочем, и большинство жителей нового Бучумени. Может быть, я привел бы здесь немало имен и цифр, столь нужных для репортажа. Но еще убедительнее рассказ директора школы Флоря Дикэ о судьбе одного человека из этого села.

— Жил в Бучумени бедняк из бедняков, звали его Ион Опря — в румынских селах Ионов Опрей, наверное, не меньше, чем в русских селах Ивановых или Петровых. Грамоты его семья не знала, сытого желудка тоже. С трудом устроился Ион на службу к помещику сторожить поля. И вот стоит он, бывало, на краю поля и ждет, пока голодные односельчане не нарвут поспелее початков и не убегут в лес варить их. А потом на всю округу в голубей из ружья палит: глядишь, и хозяин доволен — сторож-то какой бдительный! — и люди сыты.

Когда советские войска освободили Румынию, у Иона Опри было два сына-подростка. Вскоре народная власть дала им возможность пойти в школу. Окончили лицей, бесплатно получили высшее образование, стали инженерами.

— Задумался однажды Ион Опря над тем, как в его дом счастье пришло,— рассказывает директор школы.— И решил поставить этому событию свой особый памятник...

Много лет старик откладывал сбережения от пенсии и денежных переводов сыновей. Они к тому времени стали преподавателями в Бухарестском политехническом институте, а один из них, Георге, заместитель декана. Старик ждал момента, когда годовой процент от суммы на сберегательной книжке достигнет тысячи лей. Не дождался он того дня совсем немного, умер. Когда прочли Ионово завещание, все на селе узнали, о чем мечтал этот человек: Ион Опря хотел, чтобы в школе его родного села ежегодно самому лучшему выпускнику присуждали премию в тысячу лей.

Директор показал мне школьный альбом лауреатов премии Иона Опри. В нем уже красуются две фотографии отличников — Анны Фэту и Николае Штефана. Оба получили на торжественных школьных вечерах из рук Опри ценные подарки, оба учатся дальше. Мечта старого крестьянина сбылась.

Бухарест, август 1969 года.

РУМЫНСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Где бы вы ни были в социалистической Румынии — всюду вы встретите на полках сельских библиотек, в палатках геологов, во дворцах культуры и квартирах рабочих томики в темно-коричневом переплете с золотым тиснением. Это бессмертные произведения великого вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, чьи гениальные идеи ныне озаряют жизнь тружеников народной Румынии.

Том за томом получают трудящиеся СРР Полное собрание сочинений В. И. Ленина в 55 томах, издаваемое на румынском языке. Недавно к подписчикам поступил очередной, 52-й том. «Произведения великого Ленина,— заявил в беседе доктор исторических наук Николае Копою, заведующий международным отделом Института исторических и социально-политических исследований при ЦК Румынской Коммунистической партии,— изучаются в современной Румынии с особым интересом. За годы народной власти в нашей стране переведено и издано более 165 названий ленинских произведений, выпущенных почти семимиллионным тиражом. К 100-летию со дня рождения Ленина будут изданы остальные тома Полного собрания сочинений пятого издания, ряд сборников и рефератов румынских ученых-историков о ленинизме.

Новые издания ленинских работ, выпуск научных исследований, биографических материалов, сборников воспоминаний румынских ветеранов — все это не только свидетельство почитания и уважения памяти великого вождя и революционера. Эта работа даст возможность сопоставить вечно живую ленинскую мысль с практикой социалистического строительства в нашей стране».

В Бухаресте вышел сборник воспоминаний румынских интернационалистов об Октябрьской революции «Воспоминания о Великом Октябре». С интересом было встречено воспоминание видного деятеля Румынской коммунистической партии Михая Бужора о его беседе с В. И. Лениным. Во время Октябрьской революции Бужор находился в Одессе, где возглавлял румынский революционный центр. В декабре 1917 года он приезжал в Петроград и был принят В. И. Лениным.

Федор АНГЕЛИ,
соб. корр. АПН в Бухаресте
(специально для «Огонька»)

САЛЮТ «АВРОРЫ»

«Аврора» — это бюллетень посольства СССР в Социалистической Республике Румынии. В номере, выходящем к 25-летию освобождения Румынии от фашистского ига, «Аврора» публикует ряд интересных материалов. Здесь и выступления советских военачальников, участников разгрома фашистов на румынской земле,— начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, первого заместителя министра обороны СССР, Маршала Советского Союза М. Захарова, командующего Дальневосточным военным округом В. Голубко и полковника Н. Барышева; статья председателя Центрального правления Общества советско-румынской дружбы В. Конотопа; интервью с деятелями культуры, в частности с народным артистом СССР, главным режиссером театра имени Моссовета Ю. Завадским,— театр этот коллективный член Общества советско-румынской дружбы.

Поучительные цифры приводит в своей статье министр внешней торговли СССР Н. Патоличев. Товарооборот между СССР и Румынией в 1946 году составлял 47 миллионов рублей, а на 1969 год он предусмотрен в сумме около 815 миллионов рублей. Рост объема внешней торговли между СССР и Румынией сопровождается существенными качественными изменениями в товарообороте. Расширяется, например, обмен машинами и оборудованием.

Номер богато иллюстрирован. На первой его обложке — группа румынских туристов на Красной площади в Москве.

Виктор ТУЛБУРЕ

Слово у ленинградских ворот

У пламени Коммуны моя душа согрета,
Мои надежды зреют под знаком Октября.
Я счастлив: эту песню полдневного привета
Услышала полночная заря!

Где Петр провидел славу и повелел однажды
Забытые болота навек одеть в гранит
И где воспоминанье хранится в камне каждом,
Свидетельствуя, камень говорит;

Где Пушкин, сын России, свое насытил слово
Бессмертной красотою вольнолюбивых сил;
Где питерский рабочий начало эры новой
Нам выстрелом «Авроры» возвестил,—

Я ночью белой-белой, как ясный облик утра,
Сейчас под чистым небом, и свежим и сквозным,
Твои потрогал стены и был пронизан мудро
Твоим сердцебиением живым.

И счастлив я, что в жизни мне суждена дорога
К основе Красной нови, к основе всех основ.
Позволь сказать мне это у твоего порога,
Ты колыбель поэтов и большевиков!

Тобою озаренный, привет карпатской ели
Березе русской белой преподнести я рад.
Звучит мой ямб валашский у невской колыбели
Тебе, тебе во славу, Ленинград!

Перевел с румынского Кирилл Ковальджи.

Бухарест.
Бульвар Магеру.

В парке Херэстрэу.

Фото Аджерпресс.

Румыния.
В долине реки Черна.

Курорт Мамая.

Камал Бахаа ЭДДИН,
заместитель генерального секретаря Организации солидарности народов Азии и Африки

За свободу!..

ФРОНТ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ ТЕТЕ

Все должны уметь сражаться.

Когда заместитель командующего Освободительной армией Мозамбика Рауль Казаль Рибейро, выступавший с докладом о вооруженной борьбе в стране, сказал: «Партизанские отряды открыли новый фронт в районе Тете»,— конференция встретила это заявление овацией.

В воскресный вечер 20 июля 1968 года Эдуардо Мондлане — он был жив тогда — провозгласил начало работы второй конференции Фронта освобождения Мозамбика— ФРЕЛИМО на освобожденной от португальских колонизаторов территории. Для участия в конференции приехало 150 делегатов и наблюдателей из всех девяти провинций Мозамбика.

— Открытие этого нового фронта,— продолжал Рауль Казаль Рибейро,— заставило противника довести количество войск до шестидесяти тысяч человек, снизить призывной возраст в Португалии и увеличить продолжительность военной службы до четырех лет.

То, о чем сказал Рибейро, уже не было для нас — моего коллеги Бахадура Абдурразакова и меня — новым: мы уже многое узнали за эти два дня, проведенные в джунглях Мозамбика. Постоянный секретариат Организации солидарности народов Азии и Африки уполномочил Бахадура Абдурразакова, представителя Советского комитета солидарности при постоянном секретариате, и меня — быть посланцами ОСНАА на форуме борцов за свободу Мозамбика. Преодолев значительные трудности, 18 июля мы прибыли в лагерь, расположенный в Ниассе, и поселились бок о бок с партизанами ФРЕЛИМО. Лагерь находился в глубине леса и состоял из многих хижин, сооруженных из ветвей и покрытых пальмовыми листьями.

Казаль Рибейро сообщил нам о мерах предосторожности: не рекомендовал выходить из лагеря и просил не надевать ничего белого, чтобы разведывательные самолеты противника не могли засечь место проведения конференции.

В тот же день мы встретились с представителями района Тете, которые прибыли сюда прямо с места боевых действий. Среди них был Альфред Вассира, политический руководитель Фронта в районе. Он рассказал нам о том, как началась вооруженная борьба в Тете.

— Достойно восхищения,— сказал он,— то, как все население района откликнулось на наш призыв начать борьбу. Это понятно: весь народ движим горячим желанием и твердой решимостью уничтожить ненавистный португальский империализм. Этот энтузиазм и высокий боевой дух жителей Тете значительно облегчали нашу задачу. Больше того, перед нами даже встали проблемы, связанные с тем, что огромное количество молодых людей хотело стать бойцами. Мы должны были принять их в свои ряды, а наши возможности были в то время весьма ограниченны в первую очередь из-за недостатка оружия как для обучения, так и для ведения боевых действий.

Вассира говорил о задачах руководителей партии по обучению партизан, объяснил, как были распределены между ними военные, организационные и политические обязанности, как налаживалась постоянная связь между руководителями, которая позволяла действовать эффективно и избегать вражеских засад.

— Мы говорили бойцам,— вспоминал Вассира,— как надо соблюдать осторожность и воздерживаться от всего, что может раскрыть подготовку к борьбе до того, как мы начнем действовать. Ведь Тете — богатейший район Мозамбика: здесь множество рудных месторождений и очень плодородная земля. Понимая экономическое значение района, противник направил сюда много солдат, вооружения и, когда начались бои, предпринял серию атак для того, чтобы задушить в самом зародыше борьбу патриотов. Сейчас португальцы используют самолеты, парашютистов, напалм в своих безнадежных попытках уничтожить партизанские базы. Совсем недавно они попытались сбросить парашютистов, но мы справились с обеими попытками вторжения, а в последнем случае нам даже удалось сбить самолет с парашютистами на борту.

Потом пришла очередь рассказывать спутникам Вассиры, молодым парням в военной форме, с оружием в руках. Они старались объяснить нам все как можно подробнее для того, чтобы мы сообщили их братьям в Азии и Африке и всему миру о борьбе Мозамбика, с тем чтобы мировое общественное мнение могло еще крепче поддержать их справедливое дело — борьбу против самого старого колониализма.

Нам рассказали о трудностях, связанных в первую очередь с географическим положением Тете. Этот район граничит с Малави и Южной Родезией. Португальцы предупредили местных жителей, чтобы они не осмеливались слушать «смутьянов», предоставлять им убежища и тем более присоединяться к ним. Но они не запугали население. Несмотря на все трудности, патриоты смогли обучить молодежь Тете принципам стратегии и тактике ФРЕЛИМО. Конечно, им очень помогло и то, что партия имеет хорошие традиции подпольных действий и большой боевой опыт, приобретенный с 1964 года, когда в Мозамбике началась вооруженная борьба.

Тете был разделен на несколько районов. В каждом из них ФРЕЛИМО организовал свой отряд партизан, вооружил и подготовил его. Как были рады бойцы, когда узнали, что пришло время для открытой борьбы! В тот день— 8 марта 1968 года — жители одного из районов покинули свои хижины и деревни и отправились в лес для того, чтобы нанести противнику первый серьезный удар.

— А в моем районе,— сказал другой наш собеседник,— 8 марта партизаны вышли из лесов с оружием в руках и атаковали деревни Малавела, Джионото и Франконго с тем, чтобы освободить их из рук захватчиков.

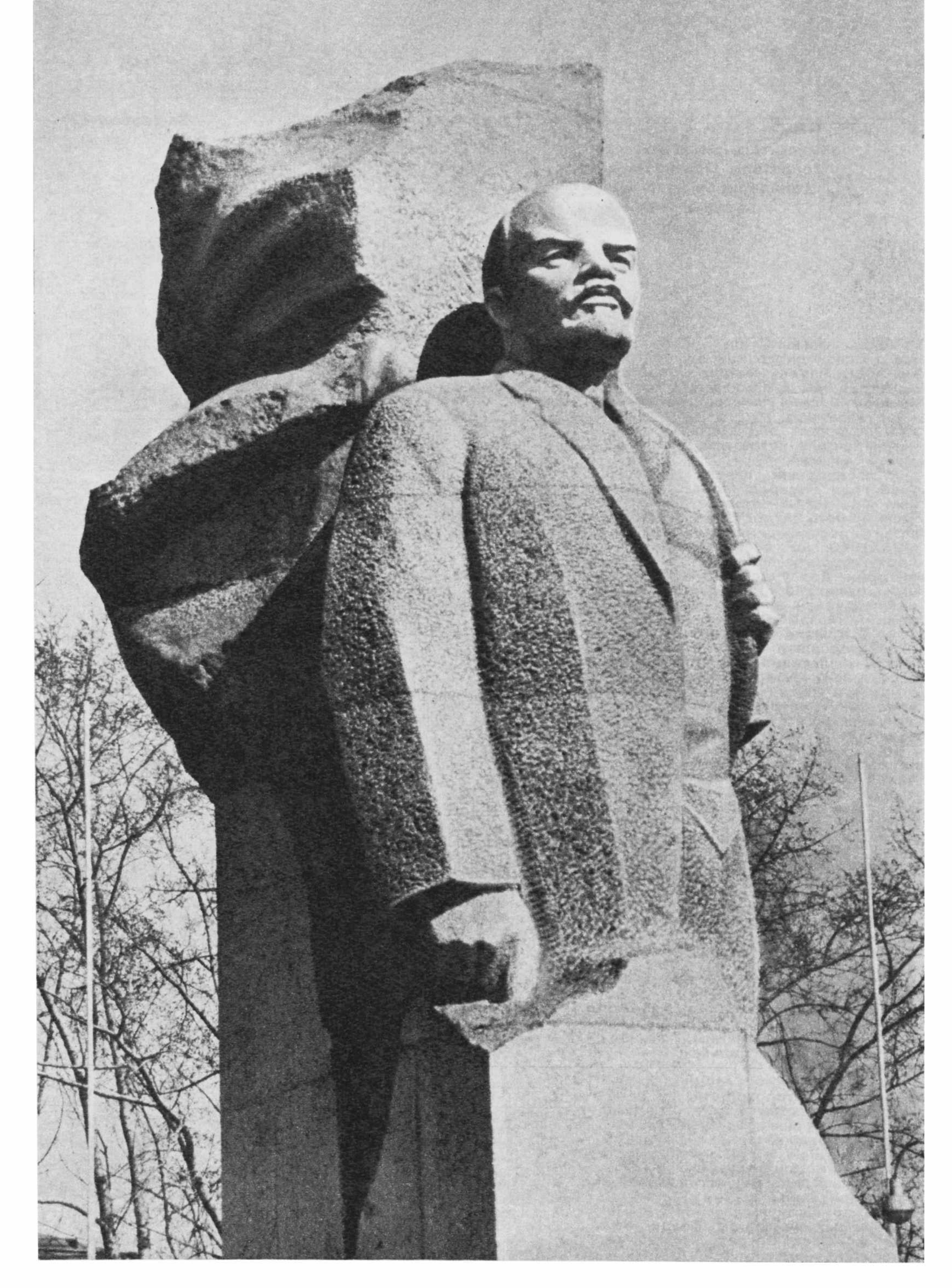
После открытия фронта в Тете португальцы потеряли голову. Они стали жечь деревни напалмом, чтобы терроризировать жителей и заставить их отказаться от помощи силам освобождения. Тем не менее народ Тете сражается вместе с армией, поддерживая ее морально и материально. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что освободительные силы в Тете не испытывают никаких трудностей с продовольствием: жители снабжают свою армию всеми необходимыми продуктами. Это не значит, что все проблемы уже решены. В самом деле, в Тете есть партизанские отряды, которые готовы к борьбе, но не могут начать ее из-за недостатка вооружения. И тем не менее борьба с колонизаторами ширится.

— Самые упорные бои,— сказал нам Альфред Вассира, идут сейчас около реки Замбези, где вместе с португальскими карателями в боевых действиях участвуют военнослужащие из Южной Африки и Родезии. Здесь строится плотина, как в ОАР. Но ваша стройка,— улыбнулся Вассира,— служит делу мира и благосостоянию, а народ Мозамбика стремится уничтожить строительную площадку этой плотины, потому что знает, что проект задуман силами империализма, эксплуатации, агрессии и расовой дискриминации.

Какова история этой плотины? Она должна перегородить реку Замбези. Ее строительство финансируют США, ФРГ, правительства Португалии, Южной Африки, расистский режим Яна Смита в Родезии и правительство Малави. Предполагается, что мощность ГЭС достигнет 17 миллионов киловатт в год. Она будет в основном питать электроэнергией Родезию и Малави. Сооружение ГЭС позволит также превратить в земледельческие районы территорию, равную по величине всей обрабатываемой земле в нильской долине.

Как же может огромное сооружение, которое, казалось бы, несет жизнь и процветание, служить смерти и разрушению? Строительство плотины приведет к консолидации режимов расистского меньшинства, которые угнетают народы Африки. Огромные долины зазеленеют благодаря плотине и будут заселены миллионом португальских земледельцев. Они отнимут земли у африканцев, обратят законных владельцев земель в безземельных беженцев так же, как это случилось с арабами в результате агрессии Израиля.

Знамя вооруженной борьбы поднято Фронтом освобождения Мозамбика; значительная часть страны освобождена. Уже больше года успешно действует славный фронт в Тете. Это — время героических битв и побед мозамбикского народа, время тяжелых потерь и поражений португальских колонизаторов.

Памятник В. И. Ленину в Сыктывкаре.

СИЯНИЕ СЕВЕРА

«Архангельск
Члену президиума ВСНХ Ломову

Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в музее общества изучения Северного края и в управлении государственными имуществами.

Ленин»

А. СТАРКОВ

Фото А. Гостева

Цена отд. № 3 руб.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ПЕЧОРА

Орган Печуездисполкома и Печуездкома Р. К. П. (больш.).

Выходит 1 раза в неделю. Год издания второй.

Плата за объявления строка петита 5 руб. Адрес редакции: с. Устьцильма, Архангельской губ. Средняя улица д. № 41.

№ 44 (64). Понедельник, 11 Июля 1921 г.

Спасибо от т. Ленина.

В марте м-це с. г. т. Забоевым была послана наша газета т. Ленину. Из Москвы пришло следующее:

„В Редакцию газетки „Красная Печора", с. Устьцильма, Архангельской губернии.

Товарищ Ленин просит передать Вам следующее:

„Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газетку „Красная Печора". От души желаю Вам успеха в нашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно также как одолели внешнего.

С коммунистическим приветом заведующий приемной Совнаркома Соколов. Начканц Сорокин".

«СПАСИБО ОТ т. ЛЕНИНА»

Осенью 1920 года в селе Усть-Цильма, ныне районном центре Коми АССР, а тогда входившем в Архангельскую губернию, начала издаваться газета «Красная Печора», «орган Печуездисполкома и Печуездкома РКП(больш.)». Первые номера не сохранились. В республиканском краеведческом музее в Сыктывкаре лежит подшивка за 1921 год. Я перелистывал крошечные, в ладонь величиной, странички и кое-что переписал к себе в блокнот.

№ 12. Суббота, 4 марта.
...Приказ от редакции.
По волостям, селам и деревушкам, по крестьянским избам и лачужкам, всем сознательным, умеющим читать: собрать неграмотных, газету прочитать, разъяснить, внушить, растолковать...

№ 15. Среда, 16 марта.
...Партийная жизнь.
ЦК РКП.
Первая за время существования Совввласти на Севере Уездная конференция Печорской организации РКП шлет горячий привет руководящему органу РКП — Центральному Комитету. Конференция, представляющая собой собрание делегатов недавно возникших ячеек, объединяющих 350 коммунистов, уверена, что общими единодушными усилиями Печорская организация сумеет расширить и укрепить свои ряды ко 2-й конференции...
Да здравствует РКП!
Да здравствует организованное восстание мирового пролетариата для окончательного свержения капитала!..

№ 19. Суббота, 2 апреля.
...В помещении Нардома состоялся спектакль для учащихся-детей. Ставилась пьеса «Трагик по неволе».
То же самое было поставлено для взрослых. В Нардоме было полно граждан, пришедших первый раз в жизни посмотреть на зрелище... Спектакль кончился пением «Интернационала» и возгласами «Да здравствует партия большевиков!» «Да здравствует свет, долой темноту!»

№ 21. Суббота, 9 апреля.
...Порицание.
17 февраля с. г. Гамовская волостная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности вынесла порицание ликвидатору т. Микетову Тимофею за шаблонное отношение к делу...

№ 30. Суббота, 14 мая.
...Начинают организовываться.
Граждане с. Устьухта, учитывая недостаток в сельскохозяйственных орудиях, на общем собрании постановили организовать огород, где работа будет вестись сообща. В настоящее время записались 25 домохозяев. Молодцы ухтинцы! Только организованным путем можно победить разруху.
Артеев...

№ 33. Среда, 25 мая.
...К сплаву леса.
Запасов золота у нас немного. Но вот лесом мы богаты. А за границей в лесных материалах нужда большая...
Товарищи! Вдумайтесь и скажите: «Да, действительно, правда. Если больше сплавим лесу, то самим лучше же будет. Советская власть променяет лес на заграничный товар, а там глядишь, постепенно и жизнь улучшится. Сейчас нужно помочь. От роптания же голоду и недочетов не уменьшится!»
Надо каждому честно, по силе возможности работать. Позовут тебя на сплав леса — выходи и помоги Советской власти.
Дядя Саша...

№ 34. Суббота, 28 мая.
...Труженик.
Узнав, что у т. Тула есть семена, я взял с собою деньги и пошел к нему. Прихожу и спрашиваю: «Нет ли немного семян?» Он меня удовлетворил, дал прекрасно всхожие семена редьки, капусты, брюквы, моркови, репы и еще коекакие. Спрашиваю стоимость, а он мне говорит: «Я уже около трехсот человек обеспечил бесплатно семенами и буду рад, если все они потрудятся и получат пользу».
Привет труженику т. Туле.
Побольше таких—зажили бы хорошо.
Узнавший...

№ 44. Понедельник, 11 июля.
...Спасибо от т. Ленина.
В марте м-це с. г. т. Забоевым была послана наша газета т. Ленину.
Из Москвы пришло следующее: «В редакцию газетки «Красная Печора», с. Устьцильма, Архангельской губернии.
Товарищ Ленин просит передать Вам следующее:
«Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газетку «Красная Печора». От души желаю вам успеха в нашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно так же, как одолели внешнего».
С коммунистическим приветом заведующий приемной Совнаркома Соколов. Начканц Сорокин».

ДИРЕКТОР ПОТАПОВ

Приехать на лесосплав, когда на реке затор, не лучший, конечно, вариант. То есть для нас-то, приезжих, это весьма даже любопытно. А вот каково директору конторы принимать гостей в самый неприятный для себя момент!.. Всю ночь — ночи сейчас белые, далеко видно — он летал на вертолете над Сысолой, над Вычегдой, надо всем своим хозяйством, растянувшимся на 400 километров. Но следов бессонной ночи не приметно: человек свежевыбрит, от него веет хорошим одеколоном, на нем новенький плащ, такой же костюм, модная шляпа. И выглядит он директором выставки в Сокольниках, а не таежной сплавной конторы, к тому же еще в день серьезной аварии. Мы о ней, об аварии, ничего бы и не узнали, поведи нас директор к себе в кабинет и начни обычный с журналистами разговор о достижениях предприятия. И, наверное, был бы прав, потому что заторы в конце концов рассасываются, а достижения остаются... Но он сразу, как только мы сошли с катера, сказал нам:

— Беда на реке...

И повел на реку.

Я думаю, что, помимо желания показать все как есть, ему просто хотелось побыстрее вернуться туда, где были сейчас все сплавщики и откуда он отлучился, чтобы встретить гостей. Там оставались за него опытные помощники, дело уже шло на лад, и он даже домой забежал, чтобы переодеться для беседы с нами. И вдруг вместо интервью у себя в кабинете потащил нас с причала на излучину реки, откуда ветер доносил шум трудной, авральной работы. Потащил, забыв, что переоделся, что на ногах замшевые туфли да и нашу обувку не очень-то принимая в расчет. Правда, мы шли сначала по мосткам по эстакаде вдоль берега. Эстакада кончилась, спустились на берег, на песчаную кромку, но директор сказал: «Подмыло тут, может рухнуть, а вода холодная...» И ступил в сторону, и мы за ним. А там пошла глина, разжиженная недавним дождем, и это несколько задерживало наше продвижение вперед, поскольку приходилось вытаскивать отдельно ноги и отдельно штиблеты.

Вот она, излучина. И теперь мы видим, что случилось на Сысоле. От берега до берега и почти до дна забило ее бревнами, приплывшими с верховья. Они плывут, хотя и не связанные еще в плоты, но густой, плотной массой-пыжом. Есть пыж, который забивают в патрон, а этот — тыщи бревен. Движение их не беспорядочно, оно регулируется специальными ограждениями-бонами, которые сдерживают напор древесины, не дают распространяться ей во всю ширину реки, направляя по строго определенному руслу к главным воротам сплавного рейда, в генеральную запань, где идет рассортировка и сплотка леса. Боны — тоже бревна, соединенные в линию, в бровку,— укреплены на протянутых с берега стальных канатах, на выносах, которые и принимают на себя всю тяжесть напирающих пыжей. Стоит даже не сорвать, а лишь расшатать, ослабить один из выносов—это и приключилось ночью,—как мгновенно сдвигается, скашивается вся геометрия сплава. И лес несет в образовавшийся перекос, в тупик, в мешок, из которого нет ему выхода, потому что он сам себе его перекрывает, дыбясь, заклиниваясь, набиваясь до дна. Чтобы произойти затору, нужны минуты, чтобы расчистить его — сутки, и двое, и трое. Аврал на реке. Люди, работая баграми, вылавливают, выковыривают, разворачивают, проталкивают бревно за бревном, каждое в отдельности — а их в одном-то пыже тыща, а тут с десяток пыжей,— и никакую машину не приспособишь на подмогу, только руки, только багры...

— ...Река повела себя нынче не стабильно, не по расписанию, так сказать. Обычно в мае, после бурного апрельского половодья, межень, тихая вода. Но зима выдалась жестокая, реки промерзли до дна. И пока лед медленно оттаивал, успела сойти вместе с ним и вода с гор. Сысола не разлилась, осталась в своем ложе, нетороплива подавая нам зимнюю вырубку. Мы ждали межени, спокойного сплава. И вдруг дожди, ливни. Река вздулась, набухла, заторопилась. И понесла лес на больших скоростях, гигантскими пыжами. Хоть это было и неожиданно, мы поспевали. Все шло хорошо по всей сплавной системе: и в верховьях, и на подходах к рейду, и на сплотке. Если б не этот затор, сбивший нам суточный график. У нас сплаву на круг два миллиона кубов — из десяти леспромхозов принимаем. План-то годовой, но ложится почти целиком на летние месяцы. Так что в сезон сутки стоят дорого...

Это мы уж в диспетчерской Максаковской сплавной конторы беседуем. И мне интересно все, о чем рассказывает директор Потапов, а еще интереснее мне он сам. Я пробую осторожно, наводящими вопросами направить его рассказ в биографическое русло, но он моих полунамеков не замечает. И тогда я говорю:

— А не рассказали бы вы, Велен Алексеич, свою биографию?

— Биографию? — говорит он, не изображая на лице неудовольствия, как это делают иные в таких случаях.— Пожалуйста, она у меня недолгая.

Он местный, коми. Родился тридцать четыре года назад в городе Сыктывкаре, на улице Пушкина, в доме, который сейчас занимает трест «Вычегдалесосплав». И, таким образом, можно считать, что профессия была ему предопределена уже при рождении... Мать с Печоры, с низовья ее, из села Красноборь, что недалеко от Усть-Цильмы (вспомним газету «Красная Печора»...). Отец матери, Семен Иванович Терентьев,— один из первых в том краю коммунистов, партизанский командир. Когда оккупировавшие Архангельск англичане двинули на Печору карательную экспедицию, он повел две тысячи жителей, среди которых находились и его жена-коммунистка с дочерью, на восток, на Обь. Это был северный «Железный поток», о котором, к сожалению, пока ничего почти не написано. Преодолев пятьсот километров, через тайгу, через реки, колонна, ведомая Терентьевым и комиссаром Протасовым, подошла к Обдорску (ныне Салехард). Но со стороны Урала к этому городу прорвались колчаковцы, отряд генерала Николаева, и пришлось повернуть обратно в тайгу. Белогвардейцы пытались отрезать путь, и партизаны, все, кто имел оружие, вступили с ними в бой, прикрывая отход в лес старикам, женщинам, детям. В схватке на станции Абезь (через нее идет сейчас уголь с Воркуты) Терентьев и Протасов были ранены, схвачены в плен и тут же на станции повешены по приказу генерала Николаева.

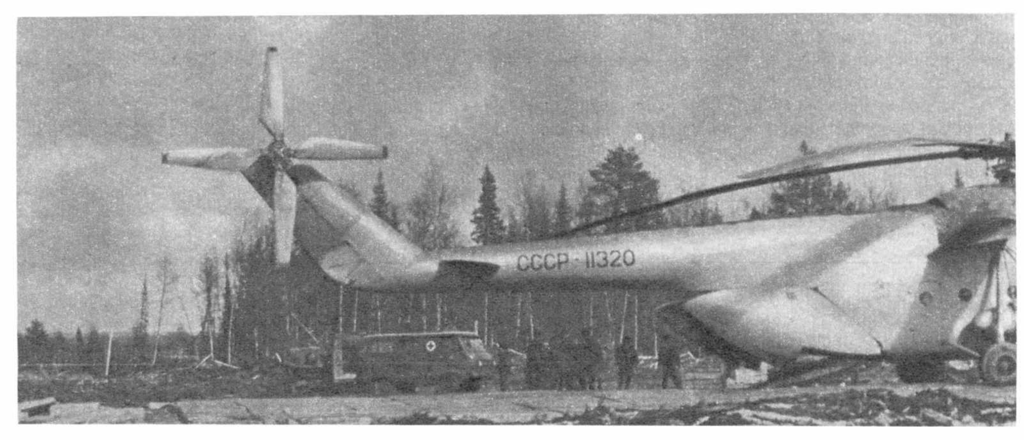
Таким был дед директора Потапова по материнской линии. По отцовской — другая судьба. Молодого неграмотного коми забрали в армию, определили по росту, по здоровью в лейб-гвардию, в войска, охранявшие русские посольства и миссии за границей. Пятнадцать лет прослужил в Рио-де-Жанейро, в Сингапуре и вернулся в свою деревню Додза под Усть-Сысольском таким же неграмотным, каким уходил из нее. Батрачил. На его сына Алешу обратили внимание жившие в Додзе политические ссыльные, и кто-то из них, возвращаясь после Февральской революции в Питер, прихватил с собой и этого парнишку, которому шел семнадцатый год. Юнец был в отца, рослый, сильный и тоже оказался в гвардии, но не в лейб, а в Красной гвардии. Охранял Смольный. И был в охране поезда, в котором Ленин, пра-

Друзья-коллеги (слева направо) Г. И. Стоев, Т. С. Козлов, А. С. Терзов

Директор Максаковской лесосплавной конторы В. А. Потапов.

Вертолет доставляет оборудование и строительные материалы.

вительство переезжали из Петрограда в Москву. Чекистом стал, отправился по специальному заданию в Эстонию, к Виктору Кингисеппу. Дрался с белобандитами, был проткнут штыком в грудь, умирал, но не умер, укрытый и отхоженный хорошими людьми. Полгода залечивал рану в Крыму. Учился в партийной школе в Москве и получил назначение в родной Усть-Сысольск, ставший Сыктывкаром. А в Сыктывкаре жила Тоня Терентьева, дочь повешенного партизана, комсомольский работник... Своего сына Потаповы назвали Велен в память о великом Ленине. Он помнит, как отец приезжал с фронта, из госпиталя. И как они провожали отца снова на фронт. 17 декабря 1942 года командир стрелкового полка Алексей Михайлович Потапов был убит под Ржевом...

Ну, а у него, у директора Потапова, биография действительно короткая. Школа. Лесотехническая академия. Работа на реке...

БОЛГАРЫ НА МЕЗЕНИ

Проходящий через Ульяновск сорок восьмой меридиан пересекает Коми республику по самому западному ее краешку, вдоль нового железнодорожного пути Микунь — Кослан. Правильнее сказать, дорога идет вдоль меридиана, поскольку он давненько появился на географических картах, а дороги еще на картах нет. Так же, как не успели пока занести на них и Усогорск, куда мы прилетели из Сыктывкара в гости к болгарам... Поселок стоит у впадения Уса в Мезень точно на 48° восточной долготы.

— Значит, мы на Ленинском меридиане оказались? Прекрасно,— говорит Стоев.

На карте, висящей у него в кабинете, Усогорск отмечен двумя цветными флажками: советским и болгарским. Георгий Илев Стоев — директор совместного советско-болгарского лесопромышленного предприятия, один из двух директоров. Другого, Юрия Алексеевича Введенского, представляющего нашу страну, нет сейчас в поселке, его вызвали в Сыктывкар, и мы с ним разминулись.

— Ленинский меридиан... Прекрасно! — повторяет Стоев.— Это очень как-то соответствует всей нашей идее, впервые осуществляемой в мировой практике экономических взаимоотношений между странами. Концессия? Нет, это понятие неприменимо в нашем случае даже условно, даже взятое в кавычки. Концессия всегда альянс неравных, всегда эксплуатация слабой стороны, безжалостная игра на ее трудностях. Когда-то вы были вынуждены терпеть у себя иностранных концессионеров, но уже много лет назад, окрепнув, изгнали их. Здесь, в Усогорске, не концессия, здесь деловое содружество в своей новой, как я уже сказал, форме. Эксперимент? Да, если хотите, эксперимент, широко поставленный экономический опыт, в котором участвуют на паритетных началах два партнера, две страны — члены СЭВ. Предмет опыта — заготовка леса. Своего нам в Болгарии не хватает для строительных и прочих нужд. Мы импортируем древесину из СССР. И все равно ее мало. Попросили ваше правительство увеличить поставки. Ответ добрый, товарищеский, как другарь другарю: есть лес на корню, выбирайте любой участок под леспромхоз, дадим технику, все необходимые материалы, но с рабочей силой туговато, стройте сами, рубите сами...

Голос у Стоева тихий, без модуляций, манеры деликатные, ненавязчивые, но за ними вы все время ощущаете твердость характера, готовую немедленно проявить себя в случае необходимости. В Болгарии хорошо знают этого человека, Героя Социалистического Труда, а сейчас его известность еще возросла в связи с Усогорском, который в газетах называют «болгарской столицей в Коми». У многих болгар близкие в этом таежном поселке, многие сами собираются приехать сюда. Стоев показывал мне пачки писем от таких вот доброхотов, не страшащихся тайги и морозов.

— Мы, южане, привыкшие к теплу, оказались на удивление морозоустойчивы,— говорит Стоев, и тонкая улыбка красит его строгое, иконописное лицо.— Вы знаете, у себя в Родопах мы прекращаем работы в лесу при минус семнадцати градусах. Такие дни считаются по нашему трудовому кодексу «актированными». А тут вот в минувшую зиму при минус пятидесяти не актировались. Нижний склад строили, эстакаду, монтировали краны, и ни одного случая обморожения. Наш Христофор даже шапки ни разу не надел...— И он показал на вошедшего в комнату человека, которому шапка, собственно, и не нужна, потому что сквозь его густейшую смоляную шевелюру никакому морозу не продраться. Он показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, где мы виделись. Это был Христофор Русков, помощник Стоева по быту, и интервью пришлось на какое-то время отложить: когда входит Русков, все дела побоку, нет дел важнее и неотложнее, чем у Рускова. Вот и в данный момент: прибывают актеры из Сыктывкара для участия в завтрашнем празднике Кирилла и Мефодия в Доме культуры, целый театр едет со спектаклем, а гостиница задерживается с пуском, и как смотрит другарь Стоев, если разместить труппу в готовом, но еще не принятом комиссией жилом доме без включенного пока парового отопления? Другарь Стоев смотрит на это положительно при условии, что другарь Русков выдаст по два верблюжьих одеяла каждому из гостей, чтобы они не простудились, не дай бог, хоть и конец мая, а ночи холодные, с заморозками...

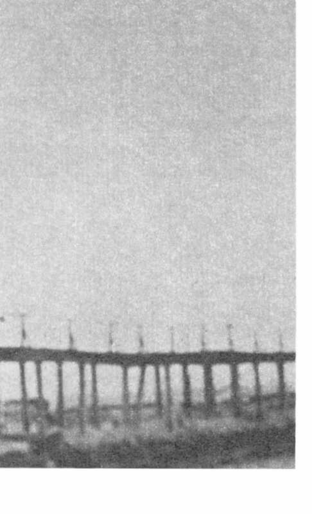
Потом телефонный звонок из Сыктывкара и долгий разговор с Введенским, после чего интервью было продолжено.

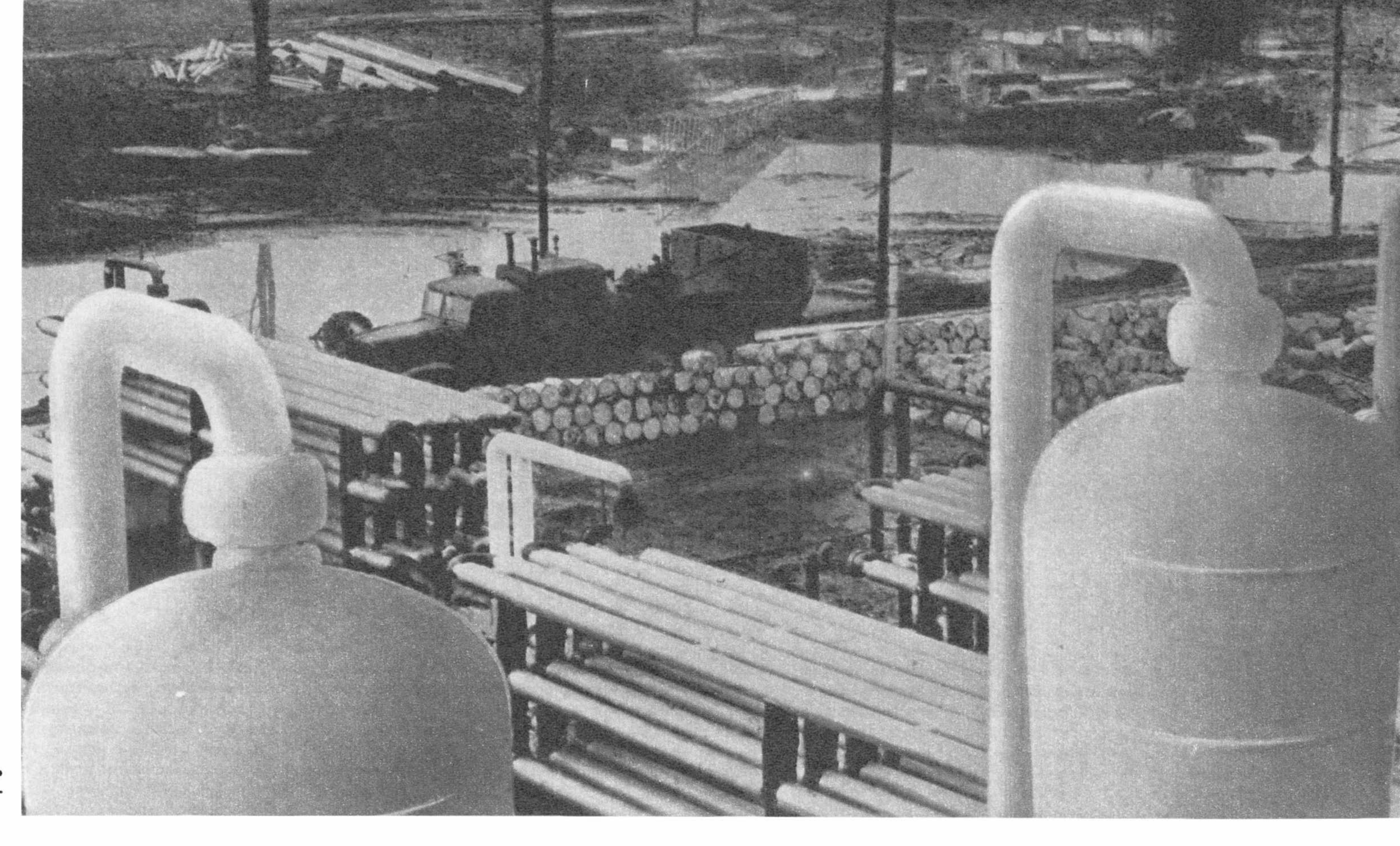
— Жаль, разъехались вы с директором Введенским... Мы работаем вместе год. И делим между собой все поровну в совместном управлении предприятием: и успехи и трудности,— как это у вас говорится: и пышки и шишки — все пополам. Как и должно быть у равных партнеров, из которых ни один не стремится выгадать что-то за счет другого. И если Советский Союз получает из заготовленной древесины чуть больше — 1,33 кубометра на каждый наш кубометр,— то это в точности соответствует его доле в затратах — 56 процентов. Советская сторона безупречно выполняет свои обязательства по соглашению. Мы в достаточном количестве и в назначенные сроки получаем строительные материалы, технику: автомашины, экскаваторы, бульдозеры, трелевочные тракторы, пилы «Дружба», краны, электрооборудование. И все это попадает, кажется, в неплохие руки, болгары умеют работать. Вы видели наш современный поселок, наш механизированный Нижний склад, ТЭЦ. Спроектировано ленинградцами, а исполнено строителями, монтажниками, механиками, электриками, приехавшими из Софии, Пловдива, Варны, из Благоевграда, Самокова. Хорошо исполнено, не правда ли?.. А наши секачи, по-вашему, лесорубы? Я старый лесник, повидал лесорубов и скажу вам, что из Болгарии мы привезли сюда — как это говорится у вас — отменных мастеров... Вы в какой бригаде были сегодня на лесосеке? У Камберова? Знаю, знаю, Халил Камберов, великан из Старооряхова под Варной. Обжигальщик, гончар бывший... Другарь Введенский доволен нашими лесорубами. А он, хоть и молодой еще человек, годится мне в сыновья, но с большим опытом, с Лесотехнической академией за плечами... В этой академии в Ленинграде учится и мой сын Димитр. Мы с женой ждем его, должен приехать на практику...

И еще одно интервью взял я в Усогорске. У своего коллеги взял, у журналиста. Зовут его Христофор Русков. Да тот самый, начальник быта... О том, что он принадлежит к нашему цеху, сказала мне Галия Миткова, работающая в канцелярии у Рускова, темноволосая, темноглазая, типичная болгарка, которая оказалась Галиной Вечоркиной из Горловки. Вышла замуж за механика, приехавшего на шахту из Софии, а теперь вот приехала с ним из Софии в Коми. От нее я узнал, что Русков кончил журналистский факультет МГУ, был аккредитован в Москве как корреспондент газеты «Кооперативное село». И я вспомнил, где мы виделись. в Доме журналиста на Суворовском. А он, как выяснилось, сразу признал меня, войдя в кабинет к Стоеву, но не хотел выдавать себя.

— «Репортер меняет профессию»? — спросил я Христофора.

— Да-да, я знаю эту рубрику в ваших газетах. И в наших тоже есть похожие. Мне нравится такой способ проникновения в жизнь. Но

Вот он Вуктыл, здесь начинается трасса газопровода.

не на неделю, как это обычно делается... Представляя в Москве сельскую газету, я бывал, естественно, в колхозах, в совхозах. А потом попросил советских товарищей послать меня на работу в деревню. Я ведь немножко экономист-аграрник... Меня назначили управляющим отделением совхоза в Одинцове под Москвой. А вскоре и директором, но уже у нас в Болгарии. Мне дали нерентабельное хозяйство, как я попросил. Цель была не книгу написать, а вывести это хозяйство в доходные, и я сделал это за два года, а попутно и книжку написал. Я не собирался уезжать оттуда. Но вдруг прочел в газете о переговорах по поводу лесозаготовок в СССР. И я сказал себе: «Христофор, не опоздай...» Я не опоздал, я приехал сюда, в Мезенскую тайгу, среди первых болгар, в феврале 1968 года. Нас было трое: кроме меня, кочегар и повар. Потому что через неделю нужно было встретить теплом и пищей партию рабочих, сорок человек. Потом стало восемьсот, а сейчас в Усогорске нас полторы тысячи. А будет десять тысяч. Надо обеспечить людям нормальную жизнь, нормальный быт со всем, что входит в это понятие. Напишу ли я книгу? Приезжайте через три года, и я отвечу вам на этот вопрос...

«СИЯНИЕ СЕВЕРА»

...А близ станции Жешарт, на магистрали Москва — Воркута, сорок восьмой меридиан пересекает трасса газопровода «Сияние Севера», берущая начало в двухстах километрах от Ухты, на реке Вуктыл, которая впадает в Печору. И хотя это уже где-то на пятидесятых долготах, нужно было непременно побывать там.

В Ухте у меня состоялся разговор, назначенный летом 1958 года. Я прилетел тогда в Оху и из гостиницы договорился по телефону о встрече с управляющим «Сахалиннефти» Забродоцким. «Завтра утром в десять». А ночью его вызвали срочно в Москву. И мы встретились с Забродоцким, теперь уже начальником Ухтинского геологического управления, через одиннадцать лет.

— Вуктыл...— говорит Николай Титович,— Вуктыл! К этому району мы давно подбирались, давно засекли его как перспективный. Геологи обнаружили здесь структуру, говорившую о больших запасах газа на глубинах. Сейсмологи с помощью приборов, прослушивающих землю, подтвердили догадку. Но в памяти была ошибка со Джеболом, где тоже все предвещало вроде бы крупную добычу и надолго. А оказалась ограниченная, быстро иссякшая линза, которая не оправдала ни труда, ни затрат... Вуктыл не подвел. Скважина-первооткрывательница, давшая фонтан газа с глубины 2 340 метров, не обманула нас. Скважина за скважиной фонтанировали. Мы и сейчас не можем сказать, что месторождение, растянувшееся почти на девяносто километров, оконтурено. Считали, что границей ему на юге станет заложенная недавно буровая № 29, а встретили там новые отложения, которые уводят газоносную складку еще дальше. Извлекаемые запасы на Воркуте, то есть реальные, ждущие выхода на поверхность, занесенные в планы, достигли сотен миллиардов кубометров газа. И в каждом кубике 330 граммов конденсата... О, это совершенно уникальный подарок нам, это сюрприз Вуктыла! Недры его не только гигантское газохранилище, но и нефтеперерабатывающий завод. Что такое конденсат? Продукт перегонки нефти: дизельное топливо, бензин и прочие ее легкие фракции. Да-да, мы получаем с глубины готовое дизельное топливо, готовый бензин. На заводах — аппараты, установки. Сложнейшие, дорогостоящие. А природа, знаете, без шума, вручную, примитивным способом, используя высокие давления и высокие температуры, там, внизу «гонит» из нефти конденсат, перемешивает с газом и подает нам на-гора́ газоконденсатную смесь, которую остается лишь подвергнуть сепарации, а это процесс уже несложный. Оцените сей дар природы! Обычно ведь, чтобы получить тонну конденсата, нужно переработать на заводе четыре примерно тонны нефти... Вуктыл, повторяю, не сразу дался в руки. И Джебол был наиболее болезненной, но не единственной осечкой на подступах к газоносному Вуктылу. Так было и с нефтью в Коми. За 30 лет поисков ее запасы почти не возрастали, а в какие-то годы даже уменьшались, поскольку добыча шла, а новых месторождений не обнаруживалось. И поговаривали о безнадежности здесь нефтеразведки. О передаче отпущенных на нее средств в другие, действительно перспективные районы страны. Всякого наслышались в свой адрес местные геологи, доставалось им на конференциях и совещаниях и в первую очередь, естественно, главному геологу Андрею Яковлевичу Кремсу. Он седел от неудач, но продолжал твердить: будет большая нефть, будет большой газ! И ширил поиск. А успех не приходил... И вдруг — Западный Тэбук, рывок, в один прием, разом к прежним всем запасам равная им прибавка. И еще рывок — Вой-Вож. И уже не вдруг, уже пошло и пошло, как по графику, месторождение за месторождением. За несколько лет четыре прежних запаса. И уже обнаружена Усть-Уса, которая одна перекрывает все ранее разведанное в Коми... Совсем седой стал Андрей Яковлевич, но дождался он большой нефти, большого газа дождался!

Разговор с Забродоцким предшествовал моей поездке по трассе газопровода «Сияние Севера». Не по всей, конечно. Она ушла на юго-запад на тысячу с лишним километров, перешагнув через девять полноводных рек — Печору, Ижму, Ухту, Вымь, Вычегду, Выледь, Северную Двину, Сухону, Волгу,— через 365 малых речушек и совсем близка от конечной своей цели, от Торжка, где вольется в кольцевую сеть мощных магистральных трубопроводов; газ Вуктыла уже подан череповецким домнам и встретился там со своим земляком, воркутинским углем... Трасса смело рассекла тайгу, не устрашилась гиблых болот — трубы, пользуясь их плавучестью, опускали прямо в трясину,—и теперь вдоль трассы во многих местах не то, что в нынешнюю майскую распутицу, а и в хорошую погоду не проедешь. Можно бы пролететь над ней на вертолете, но с вертолета с людьми не поговоришь. И Казаков повез меня на газике на один из участков под Ухтой, на переход через Ижму. Петр Сергеевич — начальник строительно-монтажного управления, которое прокладывает газопровод по территории Коми республики. Прокладывает? А разве он здесь не уложен, коль дошел уже до Рыбинска? Ложится вторая его очередь, вторая, параллельная, нить. Одной мало будет и для Вуктыла, а в перспективе — и совсем недальней — соединение напрямую с газопроводом, который пойдет через Урал с неиссякаемых тюменских месторождений... Казаков работал в тех краях, на Урале, строил трассу Игрим — Серов. На московском кольце работал. На магистрали Саратов — Горький—Иваново — Череповец. В Ухту приехал с «Дружбы», с Дона.

— Мы десантники,— говорит Петр Сергеевич.— Куда забросят, там мигом и обживаемся...

Едем мимо штабелей труб. Пока это гордые одиночки: в дело пойдут соединенные по три, плетьми. Плети варят на механизированной базе, оборудованной тут же, в поле, и развозят по участкам на белорусских «ураганах». Я смотрел на эти трубы с жерлом, сквозь которые пробежит, не согнувшись, мальчонка-первоклашка. И вспоминал, как несколько лет назад приехал на Челябинский трубопрокатный завод, которому только что поручили выпуск труб большого диаметра. Это был трудный технический заказ, который носил к тому же политический характер. Западногерманские фирмы неожиданно прекратили поставку нам стальных труб, сорвав договоры. Удар был рассчитан под ложечку — в разгар строительства магистральных трубопроводов... Для челябинцев широкий профиль был в новинку. Помню, как начальник цеха мечтал: «К метровке бы подобраться». И подобрались, сами справились и дальше пошли. Вот они, толстухи-челябинки!

— Прекрасно ведут себя на морозе! При минус пятидесяти варили, не трещат, терпеливые уралки...— сказал мне Володя Делев, бригадир сварщиков. Он южанин, с Мангышлака...

...Когда мы вернулись с Казаковым с трассы, в конторе ждал его Сысоев, начальник участка в Жешарте.

— Ну как там у вас, Геннадий Савельич, на сорок восьмом меридиане? — спросил я Сысоева.

— Через тайгу идем. Привычное дело,— сказал Сысоев.

Два лица го

Академик Б. Г. ГАФУРОВ

Любители исказить сущность прогрессивных процессов, происходящих в Советской Средней Азии, деятели разнообразных проимпериалистических «центров», проливают крокодиловы слезы по поводу того, что местные народы, дескать, теряют «национальную самобытность», что Средняя Азия, превращенная якобы в сырьевой придаток России, жестоко «эксплуатируется» Москвой, продолжающей-де «колониальную» политику царизма. В этом хоре наших недоброжелателей звучат иногда голоса и тех, кто называет себя объективным исследователем, а на самом деле строит свои научные концепции на поверхностных наблюдениях, воспринятых явно через призму навязанных буржуазными пропагандистами стереотипов. К таким ученым, в частности, относится французский востоковед Венсан Монтей.

Как утверждает сам господин Монтей, в Советском Союзе, куда он был приглашен Академией наук СССР, его окружили «вниманием и заботой», предоставили все возможности для подробного ознакомления с жизнью Советской Средней Азии. Однако это не помешало Венсану Монтею отплатить за гостеприимство заурядной неблагодарностью, о чем свидетельствуют опубликованные им на страницах французского журнала «Политик этранжер», весьма далекого, кстати сказать, от востоковедной науки, «впечатления» о поездке в СССР.

В своих путевых заметках Монтей не может не отметить, что «уровень жизни в Средней Азии гораздо выше уровня жизни в Иране, Турции, Афганистане». Не отрицает он и то, что «каждая республика полностью самостоятельна». Однако тут же он прибегает к излюбленной некоторыми буржуазными авторами формуле «да, но...». Да, республики самостоятельны. Но эта независимость, по Монтею, чисто формальна. Монтей заявляет, что на практике эти республики лишь «колонии, обогащающие Москву». Видимо, Монтей забыл или делает вид, что забыл историю колониализма, хотя бы французского. В какой из французских колоний была такая мощная индустрия, способная конкурировать с промышленностью любой из западноевропейских стран? А процветающее сельское хозяйство? А уровень жизни, который и не снился народам, недавно вырвавшимся из когтей колониального Запада? Проводя знак равенства между положением народов Средней Азии и положением алжирцев в период французского господства, Монтей вновь прибегает к передергиванию фактов. Он не может не признать, что в СССР «каждый человек, относящийся к национальным меньшинствам, рассматривается как человек советской национальности, но он имеет право при переписи указать свою национальность, ему оставляется право иметь свою культуру, свой язык». Значит, в СССР есть национальные языки и культуры, есть свободно развивающиеся нации. В чем же тогда узрел Монтей в СССР «насильственную ассимиляцию», то есть то, что является становым хребтом западных империалистических стран в их колониях? Слово «колониальный» Монтей употребляет и в отношении Ташкента. Что же «колониального» увидел в этом городе «объективный» ученый? Быть может, он узрел колониализм в многочисленных новостройках, в жилых домах, школах, построенных после землетрясения 1966 года усилиями всех народов СССР? Ведь, по его собственным словам, для граждан города «строят современные дома со всеми удобствами». Город без трущоб, город, где все для нужд населения — больницы, школы, детские сады. Где же здесь колониализм? Нам кажется, что от такого «угнетения» не отказались бы и трудящиеся стран так называемого «свободного» мира. Не брезгуя ничем, Монтей клеветнически пытается изобразить братскую помощь советских народов пострадавшему от землетрясения Ташкенту как «русификацию» города.

В Ташкенте Монтей обнаружил много разных национальностей, в том числе неазиатского происхождения. Да, господин Монтей, Ташкент после землетрясения вновь восстановлен всеми народами Советского Союза. И действительно, русские, украинцы, белорусы, представители других братских народов приехали в Ташкент, чтобы помочь узбекскому народу заново отстроить город. И этим мы гордимся, господин Монтей!

Монтей пытается бросить тень на отношения между мусульманами и немусульманами в СССР. Он пишет: «Мусульмане чувствуют свое отличие от русских и не чувствуют себя целиком советскими людьми». Думается, что на это высказывание отвечает вся история советской национальной политики. Эта политика, впервые сформулированная и выработанная В. И. Лениным, направлена не на унификацию народов, населяющих Советское государство, а на всестороннее развитие их национальной самобытности, своеобразия и культуры. У нас узбек чувствует себя узбеком, таджик — таджиком, белорус — белорусом. Но все советские люди, к какой бы национальности они ни принадлежали,— сыны и дочери одной матери Родины. Это подтвердили великие испытания минувшей войны!

Особенно красноречивым становится Монтей, когда он принимается рассуждать о якобы бедственном положении мусульманской религии в Советском Союзе, о мифическом «насильственном отторжении» мусульман от ислама. Он не жалеет красок, чтобы придать убедительность своим аргументам. Но факты — упрямая вещь. И сколько бы их ни притягивали за уши, они все равно оборачиваются против любителей лжи. Монтею не удается свести концы с концами. Он утверждает, будто в Средней Азии от ислама осталась «одна витрина и старики». И здесь же он упоминает о посещении библиотеки при ташкентской мечети, в которой, по его словам, насчитывается «25 000 томов, в том числе много замечательных манускриптов». Монтей побывал и в Бухаре, в высшем мусульманском учебном заведении. Там он встретил «симпатичных, интеллигентных, хорошо воспитанных людей, с которыми можно поговорить на четырех языках: русском, персидском, турецком и арабском». В одну из пятниц в мечети Ташкента «собралось 3 000 молящихся». Вот уж действительно яркое свидетельство насилия над исламом! Нет, ни ислам, ни любая другая религия не преследуются в Советском Союзе. Даже Монтей не в силах это отрицать, даже он признает, что «советская конституция гарантирует свободу вероисповеданий».

Монтей сетует также на то, что в Советском Союзе «ничего не знают об исламе». Это заведомая ложь. В СССР вышли на многих языках народов СССР многочисленные научные труды по исламу, труды как советских, так и зарубежных знатоков мусульманства.

Говорят, утопающий хватается за соломинку. Будучи человеком неглупым и чувствуя всю слабость и неубедительность своей аргументации, Монтей призывает на помощь анекдотические доводы. Вот один из них. «Отвращение к свинине,— пишет Монтей,— у мусульман сильнее, чем к вину. В самолете Ташкент—Москва нам подали на завтрак жирные сосиски. Молодая татарка, сидевшая слева от меня, сразу принялась за них, так же как и другой мой сосед и почти все пассажиры. Один мужчина, лет сорока, отодвинул их в сторону. Я подумал: «Хоть этот не ест». Ничего подобного! Он съел холодную курицу, рисовую кашу, сласти. К концу завтрака он принялся за сосиски. Он оставил их на закуску!» Действительно, есть от чего впасть в уныние французскому «ревнителю ислама». Угнетенный мусульманин ест курицу, сласти, а на закуску — только подумайте! — свиные сосиски!

Но если уж господин Монтей выдает себя за всезнающего востоковеда, то ему следовало бы знать, что Душанбе в переводе с фарси означает «понедельник», а не «базар во вторник», как это написано в его недоброжелательной книге «Мусульманский мир», вышедшей несколько лет назад.

Я столь подробно остановился на высказываниях Монтея, потому что они еще раз подтверждают, как глубоко проникли шаблоны буржуазной пропаганды даже в сознание некоторых ученых-востоковедов, призванных доискиваться до истины. А истиной является следующее: никогда в Средней Азии не расходовались такие крупные средства на подъем национальной культуры, как в годы Советской власти. Никогда в прошлом, при царизме, в городах и селах Средней Азии не существовала такая разветвленная сеть школ, где дети обучаются на родных языках. Никогда ранее не издавалось там столько книг национальных авторов, не ставилось столько пьес, не было столько национальных ансамблей. В Самарканде, Бухаре, Хиве и других городах памятники старины взяты под охрану Советского государства, они бережно реставрируются. Планомерно и систематически изучаются и публикуются старинные рукописи. В свет выходят объемистые тома — тексты памятников литературы и искусства. В частности, не так давно был напечатан текст «Гулистана» Саади. В Институте востоковедения Академии наук СССР

сподина Монтея

было подготовлено и опубликовано десятитомное издание «Шахнаме». Из подобных публикаций можно составить целую библиотеку.

Вчерашние рабы, забитые тяжкой жизнью люди, о страшной участи которых рассказывают бесстрастные исторические документы и произведения классиков советской национальной литературы — Садриддина Айни, Мухтара Ауэзова и других писателей,— всем своим сердцем они потянулись навстречу свету, который несла и несет им Советская власть. Несмотря на увещевания и угрозы мулл, несмотря на жестокие репрессии эмиров и беков, дехкане и ремесленники Бухары и Хивы, Самарканда и Куляба, Пишпека и Ашхабада, Андижана и Ходжента встали в один ряд со своими русскими, украинскими, грузинскими братьями. Это единство трудящихся всех наций в борьбе против эксплуатации, за построение социалистического общества прозорливо предвидел гений В. И. Ленина. Его мысли о братском союзе народов овладели умами и сердцами всех честных тружеников в самых отдаленных селениях Памира и Тянь-Шаня, в оазисах бескрайних каракумских песков.

Наши зарубежные недруги — апологеты империализма и их буржуазно-националистические прихвостни — пытаются доказать, будто Красная Армия насильно навязала революцию народам Средней Азии. В радиоэфире, на страницах буржуазных газет и журналов они оплакивают «бедных» узбеков, казахов, таджиков, киргизов, туркмен, якобы угнетаемых советским империализмом. Нам смешны ваши потуги, господа! Вы хотели бы возвратить прошлое, вновь надеть на советские народы ярмо рабства, чтобы руками ханов и баев грабить богатства нашей земли.

Чем объяснить, что в последние годы буржуазные фальсификаторы истории проявляют столь повышенный интерес к Средней Азии? Это объясняется тем, что наш опыт строительства социализма в Средней Азии вызывает симпатии широких масс трудящихся развивающихся стран. Они хотят больше знать о нашем опыте строительства социализма. Этот опыт для них — наглядный пример того, чего можно добиться на путях строительства социализма.

Дореволюционный Туркестан навсегда канул в Лету. Трудящиеся Средней Азии, как и все народы Советской страны, сплочены вокруг родной Коммунистической партии, под руководством которой они совершили гигантский скачок через целую историческую эпоху, минуя капиталистическое развитие, от феодализма к социализму.

Ныне даже самые ретивые фальсификаторы истории вынуждены признать гигантские революционные преобразования в Советской Средней Азии. Да и как их можно отрицать? Новые молодые города Чирчик, Навои, Алмалык, Ангрен и многие другие — это уже не миф, а реальность. Заводы и фабрики Ташкента, Душанбе, Фрунзе, Намангана, Ашхабада, электростанции, озарившие светом дома, в которых раньше мерцал допотопный чираг,— это же не сказка, а реальная жизнь.

Там, где дехканин, обливаясь потом, ковырял землю кетменем или в лучшем случае омачом, ныне гудят мощные трактора, снуют хлопкоуборочные машины. Достаточно сказать, что к лету 1967 года на полях четырех среднеазиатских республик и Казахстана работало 327 тысяч тракторов (сейчас их количество, естественно, увеличилось). А ведь когда-то Ленин мечтал о ста тысячах тракторов для всей Советской страны. Омач теперь стал музейной редкостью, а электроэнергии любая республика Средней Азии производит больше, чем вся Российская империя в целом.

О какой же «самобытности» нам надо скорбеть? О зиндане и омаче? О чачване и парандже? Или жалеть о тех временах, когда восставшим из-за невыносимых притеснений эмирских властей дехканам и ремесленникам, словно баранам, перерезали глотки либо сбрасывали их с минаретов на плиты городских площадей? Нет, господа, пекущиеся о «нуждах» среднеазиатских народов, мы не сетуем по поводу исчезновения такой «самобытности»!

Наши дни—это дни полного, безоговорочного утверждения политического суверенитета советских республик Средней Азии, расцвета их экономики и культуры. Причем искусство, сохраняя свой национальный колорит, вместе с тем выходит за пределы той или иной республики. Оно превращается во всесоюзное явление, становится частью всесоюзного искусства. И выступления Куляш Байсеитовой и Ермека Серкебаева, Тамары Ханум и Сары Ишантураевой, Халимы Насыровой и Галии Измайловой, Малики Сабировой и Абрара Хидоятова и многих других на сцене Большого и других театров Москвы и Ленинграда — это всегда праздники для ценителей искусства.

Советские люди против идеализации феодальной старины и отсталой патриархальщины. Им претит любование фальшивой экзотикой. Бережно храня все ценное и дорогое, что было в их прошлом — славные традиции освободительной борьбы, мудрые творения Джами и Навои, Бируни и Фараби, Саади и Фирдоуси, обогатившие все человечество,— они с гневом и негодованием вспоминают о мрачных страницах своей истории. У них не вызывают ни восторга, ни умиления холмы черепов, которые складывал свирепый Тимур, бесконечные войны, необузданное своеволие и средневековый гнет эмиров и ханов, беспросветная нищета и бескультурье царского Туркестана.

Я вспоминаю дореволюционное прошлое моего родного кишлака Исипсар, расположенного в Ферганской долине. Грамотных в нем было десять — двадцать человек. И это почти на три тысячи жителей! Правда, в кишлаке имелась школа. Но знаний она практически не давала. Преподавал в ней мулла. Все обучение сводилось к ежедневному бездумному зазубриванию корана, содержание которого ученики даже и не понимали. Немногие выдерживали эту зубрежку. Да и плата за обучение была высокой. Ныне на месте кишлака раскинулся цветущий колхоз имени Ленина с прекрасно оборудованной школой, где преподают знающие учителя. Всего же в районе, где расположен колхоз, 1 360 специалистов с высшим образованием, из них 449 женщин.

В 1960 году мне довелось быть участником XXV Международного съезда востоковедов. Он проводился в Москве. Большинство нашей делегации составляли представители науки республик Советского Востока. Я всматривался в оживленные лица своих коллег, вслушивался в их беседы и дискуссии с зарубежными ориенталистами и мысленно возвращался в недалекое прошлое.

В 1889 году в Швеции собрался международный конгресс ориенталистов. Его организаторы обратились к царскому правительству с предложением прислать в Стокгольм несколько ученых из Бухары и Хивы. Министр иностранных дел России в связи с этим написал туркестанскому генерал-губернатору Розенбаху, что не видит необходимости «поощрять сближение среднеазиатских ученых с Европой». Розенбах с ним согласился и добавил, что в Бухаре и Хиве «едва ли найдутся настолько образованные люди, чтобы присутствие их на конгрессе ориенталистов могло принести пользу науке», да к тому же у него нет желания тратить на это деньги. Теперь нас не удивляет, что по числу учащихся в школах и вузах, по числу врачей, педагогов, агрономов, инженеров на душу населения республики Средней Азии обогнали крупнейшие капиталистические державы, «ученые» представители которых позволяют себе выступать с клеветой на советскую действительность.

В Средней Азии сложился ряд научных школ, получивших мировое признание. Исследования астрономов Казахстана, химиков и математиков Узбекистана, филологов и литературоведов Таджикистана, специалистов Туркмении и Киргизии с большим вниманием изучаются в Соединенных Штатах и Англии, Франции и Западной Германии, Италии и Японии.

Этому немало способствовало создание республиканских академий наук с разветвленной сетью институтов, с многотысячным отрядом научных работников. И здесь напрашивается небезынтересное сравнение. Пожалуй, в любой из этих академий в наши дни плодотворно трудится больше специалистов, чем во всей Российской империи.

Об успехах и достижениях народов Советского Востока можно рассказывать много. Важно подчеркнуть истоки, основу этих успехов. Это — ленинская национальная политика Коммунистической партии. Это — братство, бескорыстная дружба и взаимопомощь наших народов. Это самый передовой общественный строй — социалистический. Это марксизм-ленинизм в действии, на практике.

И сколько бы ни злобствовали наши чужеземные «критики», под какой бы личиной «друзей и доброжелателей» они ни выступали, советские люди знают: солнце полою не закроешь. А тем более — грязной полой!

Совершенно не секретно

МЫСЛИ ВСЛУХ

М. М. БОТВИННИК,
экс-чемпион мира

Конечно, главное событие нашего шахматного сегодня — смена чемпиона. Это не формальность. Казалось бы, безразлично, кто будет чемпионом: Иванов или Петров — был бы лишь наш, советский... И хотя мы патриоты своего советского отечества, такое суждение поверхностно.

Чемпион есть чемпион. Личность, творческая физиономия чемпиона, стремления, преданность шахматному искусству оказывают воздействие на весь шахматный мир, независимо от принадлежности чемпиона Кубе, Голландии или Советскому Союзу... Более того, можно предположить, что великий Капабланка оказал большее влияние на развитие советской шахматной мысли, чем кое-кто из более поздних чемпионов мира.

Поэтому первый вопрос, который сейчас должен быть поставлен,— в чем же состоит суть таланта поверженного чемпиона, чем он удивил шахматный мир за годы своего превосходства? Но прежде чем ответить на этот вопрос, надо объяснить, как автор этих строк представляет себе позиционную игру.

В шахматах все начинается с нападения одной фигуры на другую; конечно, таких нападений много, но, простоты ради, рассмотрим отдельно взятое нападение. Кроме этих двух фигур, которые непременно участвуют в нападении (атакующая и атакованная фигуры), обычно участвуют в подобной игре и другие фигуры. Эти фигуры с точки зрения участия в отдельно взятом нападении могут выполнять лишь две функции: поддерживать нападение или препятствовать ему. Они должны своевременно успеть к месту сражения; комплекс всех этих фигур, а также полей доски, по которым они могут перемещаться, образует определенную зону игры. Будем представлять подобную зону, как зону игры на уничтожение, и в данном случае назовем эту зону, связанную с нападением одной фигуры на другую, нулевой зоной.

Но на этом, однако, дело не кончается. Например, если при возможных перемещениях фигур в нулевой зоне никаких выгод приобрести нельзя, то шахматист ищет на доске новые фигуры, которые можно было бы вовлечь со временем в нулевую зону. Пусть одна из этих новых фигур найдена и следует ее подвести к нулевой зоне — итак, кроме фигуры, найдена и иная цель игры, уже не связанная с нападением непосредственно. Кроме того, обнаруживаются дополнительные фигуры, выполняющие две функции: содействующие и препятствующие вовлечению этой фигуры в нулевую зону. Новый комплекс фигур и полей доски образует новую зону игры на уничтожение, которую условно назовем зоной первого порядка в отличие от уже известной зоны нулевой. И если при возможных перемещениях фигур в зоне первого порядка особых выгод приобрести нельзя, то надлежит искать новую зону, на этот раз второго порядка и т. д.

Скучное занятие, не правда ли? Но, пожалуй, это — единственно возможное представление о позиционной игре. И, может быть, главное содержание эволюции стиля игры выдающихся шахматистов за многовековую историю шахмат и заключается в том, что мастера с течением времени совершенствовали позиционную игру, используя при расчетах вариантов и оценке позиции зоны игры более высокого порядка.

Вот если с этой точки зрения подойти к оценке таланта Петросяна, то оценка должна быть высокой. «Профилактический» стиль бывшего чемпиона, видимо, подразумевает использование зон игры высокого порядка. Стиль этот не является эффектным, его может оценить лишь знаток.

Впрочем, как правило, чемпионы не интересуются своей популярностью, они заботятся лишь о своих достижениях, прежде всего спортивных. Увы, с весны 1966 года практические успехи Петросяна снизились. И вот это уже непонятно. Как может тонкий, прогрессивный стиль игры сочетаться с посредственными практическими достижениями? Оказывается, может. Суть дела, на мой взгляд, состоит в том, что, когда Петросян манипулировал фигурами в зонах игры высокого порядка, он в этих действиях не встречал должного сопротивления со стороны своих партнеров — так высоко другие гроссмейстеры не научились залетать. Поэтому стиль Петросяна является экономным (по расходу нервной энергии) и тогда, когда у молодого Петросяна оставался большой резерв энергии, в решающие моменты партии это оказывалось весьма выгодным. Но шли годы, систематическое неполное использование нервной системы не могло не привести к преждевременному снижению работоспособности.

Сейчас чемпионом стал сильнейший практик наших дней. Да, Спасский именно практик, шахматист, настолько же лишенный иллюзий, как в свое время был лишен их наиболее долгий чемпион Ласкер. Стиль Спасского не представляется оригинальным — в подобном стиле мастера шахмат играли и ранее, этот стиль понятен и близок широкой массе шахматистов. Если при этом учесть универсальность игры Спасского — он все понимает в шахматах одинаково хорошо, хотя, быть может, и не понимает что-либо исключительно хорошо,— то все это делало задачу Петросяна отстоять свой титул почти безнадежной!

Но, может быть, кому-нибудь моя характеристика покажется слишком рациональной? Для тех, кто придет к такому выводу, добавлю, что я сам в свои лучшие годы старался играть именно так. У меня тоже не было в игре слабых мест, но не было и исключительно сильных. Еще 30 лет назад мне пришлось писать о четырех качествах, определяющих силу шахматного мастера,— таланте, характере, здоровье и специальной подготовке. Они, разумеется, не являются чем-то застывшим, находятся в постоянном развитии. Борис Спасский хорошо соответствует этому комплексу требований. Его большой талант говорит сам за себя: в 16 лет молодой мастер, добившийся международного признания, в 19 — участник соревнования претендентов на матче с чемпионом мира. Боевой характер у него тоже есть, иначе он не смог бы добиться столь высокой победы. Стальное здоровье Спасского хорошо известно. А как обстоит дело со специальной подготовкой, с умением в каждом соревновании представать перед соперниками в несколько ином виде? В последнем матче с Петросяном Спасскому это удалось добиться, он избрал тактику упрощения позиции, которая лишала Петросяна возможности использовать свой позиционный талант. Но это только начало. Все же надо считать, что положение со специальной подготовкой у Спасского пока лишь только удовлетворительное.

Итак, новый чемпион! Что даст он шахматному миру? Можно пожелать Борису Спасскому от чистого сердца всяческих успехов, но с ответом на этот вопрос надо подождать. На мой взгляд, многое будет зависеть от того, как разовьет в себе Спасский четвертое качество — специальную подготовку, как беззаветно он будет служить шахматному искусству.

Их адрес — Подмосковье

Много в Подмосковье художников-пейзажистов. Красота здешних мест заворожит, покорит всякого, обернувшись каждому особенной стороной. Так что на выставках подмосковных художников труднее других бывает привлечь внимание к пейзажу. Но вот уже сколько лет на этих выставках — да и на всесоюзных, республиканских — подолгу задерживаются зрители возле поэтичных холстов заслуженного художника РСФСР Андрея Полюшенко — одного из старейших мастеров в Подмосковном отделении Союза художников СССР. На этих холстах плывет над распаханными полями «Осенняя тишина», благоухает настоянный на ароматах горячих трав золотой «Полдень», таинственно светится «Розовый вечер» или медленно тает «Вечер на реке»... И везде узнаем мы сразу полюшенковскую палитру, набранную из тончайших, незаметно переходящих один в другой цветовых оттенков. Ведь «...подлинная оригинальность появляется тогда, когда художник о ней не думает»,— утверждал любимый учитель Андрея Полюшенко Н. П. Крымов.

Достоверную реальность, запечатленную на холсте, умеет Полюшенко дополнить, пронизать теми чувствами, что всколыхнула в нем, художнике, живая картина природы. И зрители, встретясь с таким холстом, невольно заражаются лирическим настроением художника, его поэтическим восприятием красоты земли, исполненным мечтательности, а порою и грусти...

В звонких, порывистых пейзажах младшего товарища А. Полюшенко Юрия Анохина тоже голубеют подмосковные весны, стынет зимний воздух, полыхают летние закаты. Эти пронизанные солнцем и светом холсты многих заставляют отчетливо вспомнить собственные прогулки по Подмосковью. Где-нибудь на Клязьме или Яхроме, в разное время года, во всякую погоду. Ощутить будто наяву запах омытой теплым дождем земли, таинственное дыхание прохлады из-под лохматых еловых лап, услышать, как шумят, вздрагивая на ветру, вершины деревьев.

Зовут Юрия Анохина «живописцем света». Студентом Суриковского института учился он писать у таких мастеров, как Петр Покаржевский, Виктор Цыплаков. А сейчас художник сам перед собой ставит сложные и увлекательные живописные задачи, и подмосковная природа вдохновляет его. Ведь село Коринское, где живет Юрий Анохин, раскинулось неподалеку от Абрамцева — традиционного центра русской живописной культуры.

Заслуженный художник РСФСР Алексей Ратников живет под Ногинском в селе Успенском. Его творчество наполнено беспокойством за человеческие судьбы. И пейзаж в его картинах помогает рассказывать художнику о людях.

...На ромашковом лугу сидит старая крестьянка. Из-под ослепительно белого платка, прикрывшего склоненную голову, почти не видно лица. И мы не знаем, отдыхает ли эта много потрудившаяся на своем веку женщина, отдавшись дремоте, ароматной истоме июльского полдня, или, глубоко задумавшись, погружена в воспоминания?.. На первом плане написаны руки — тяжелые, трудовые руки, и каждый, остановившись на них взглядом, ощутит, сколько они сделали людям добра. На безымянном пальце левой руки обручальное кольцо. Вдова...

В этом портрете матери для Алексея Ратникова не только сходство было целью. Художнику хотелось высказать свои давние размышления о судьбах русских матерей. Тех, что помнят еще японскую, войну четырнадцатого, гражданскую и Отечественную войну с фашизмом. Снова и снова провожали они в бой, на подвиг отцов, братьев, женихов, мужей. После — сынов. И свято исполняли долг свой: растили детей, сберегали жизнь, ее будущее.

Но когда портрет матери был закончен, художник почувствовал, что не высказано все, что хотелось. И тогда к портрету были добавлены еще два холста, составившие триптих «Русская». Левая часть была названа «Горько!», воплотив в образах и красках воспоминание старой матери о свадьбе. О правой части триптиха художник рассказывает:

— Написал я молодую женщину с ребенком на руках, провожающую на фронт мужа. Может, то дочка или невестка старой матери... Назвал полотно «Жизнь», думая о том, что жизнь — всегда бой, борьба. За счастье, за все светлое и прекрасное в ней, за светлое будущее. Ребенок на руках у молодой матери завернут в розовое одеяльце. По бытующей в народе традиции такое одеяльце полагается девочке. Я хотел сказать, что и у этой малышки впереди, верно, та же гордая судьба: растить детей, продолжать жизнь и через все трудности, испытания бережно нести на своих руках будущее!

Почти пять лет работал Алексей Ратников над триптихом «Русская». И все же говорит:

— Сейчас вижу ясно: поднятая тема не исчерпана, разговор мой о русской женщине не окончен. Хочется мне воспеть ее юность, пору весны, цветения. Хочется перенести в свои картины горячее, яркое, пряное полыхание бабьего лета. Над этим сейчас и работаю.

И, конечно, ни один художник не может остаться в стороне от всенародного праздника 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Потому в мастерской Андрея Полюшенко рождается сегодня пейзажная серия «На родине В. И. Ленина», где упали на землю бело-розовые облака весенних садов, широко разлилась Волга... А Юрий Анохин зимой и весной писал Горки Ленинские.

Эльвира ПОПОВА

Ю. Анохин. ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР.

А. Ратников. «ГОРЬКО!»

МАТЬ.

жизнь,

А. Полюшенко. ВЕЧЕР НА РЕКЕ.

М. ЭФЕНДИЕВ

К 100-летию со дня рождения С. Стальского

Великий ашуг Страны Советов

Старая народная мудрость гласит: велик поэт, которого прославила родина, но не менее велик поэт, который сам сумел прославить свою родину.

Таким поэтом явился народный поэт Дагестана Сулейман Стальский. Вся его творческая жизнь была прекрасным образцом истинного служения своему народу. Он не умел писать и читать, потому что его народ до революции не имел своей письменности.

Новая социалистическая действительность, новый советский человек — преобразователь мира, коммунистическое решение проблемы личного и общественного определили содержание и сущность лирики Сулеймана Стальского. Стальский всегда жил интересами своей родины. Глубокой партийностью пронизано все его творчество.

Он слагал стихи и песни на лезгинском языке. Известность его вышла далеко за пределы Дагестана и Кавказа, проникла во все уголки и края Советской страны и за ее рубежи. Произведения С. Стальского переведены почти на все языки народов Советского Союза.

Сулейман Стальский родился 18 мая 1869 года в ауле Ашага-Стал, на юге Дагестана, в бедной крестьянской семье. Детство его было суровым и голодным. Мальчик, исполнявший непосильную работу, рос в хлеву, рядом с буйволом. Тринадцати лет после смерти отца он отправился на поиски работы и счастья.

«Много увидел и узнал я за эти годы,— говорил впоследствии Сулейман.— А главное, я узнал, что везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку, что уйти самому от себя невозможно, что бедные люди и на Сыр-Дарье и в Ашага-Стали одинаково несчастны».

Особенно способствовало пробуждению классового самосознания молодого горца пребывание в Баку, где в те времена было много революционно настроенных рабочих, в подполье работала социал-демократическая организация ленинско-искровского направления.

«Эти люди,— говорил С. Стальский,— видели острее и глубже меня, и я благодарен им, этим лучшим людям, научившим мои глаза видеть».

Всем своим сердцем будущий ашуг был на стороне рабочего движения.

В своих дореволюционных песнях он либо поэт народного горя, либо народного гнева. «Страдание, муки нищеты» — одна из основных тем ранних стихов и песен Сулеймана. В них со всей остротой выражено возмущение поэта несправедливостью, неравенством людей, контрастами бедности и богатства. Те, против кого направлял свои песни поэт, начинают травить и преследовать его. Но, поддерживаемый народом, он слагал все новые и новые песни, продолжая петь о горе народном и воспевать стремление народных масс к освобождению.

Характерной чертой первого периода творчества Стальского является сатира. Он был первым сатириком среди лезгин, высмеивавшим классовые предрассудки своего народа.

Горячая любовь к своей Родине, подлинная народность поэзии Стальского помогли ему выйти на широкую революционную дорогу. Творчество его было связано с революционной борьбой за установление Советской власти в Дагестане. Это явилось основой дальнейшего развития его могучего таланта.

Народ как бы подсказывал Стальскому, о чем надо петь. Народу нужны песни, как воздух. Но нужны такие песни, которые помогали бы в борьбе за светлый завтрашний день. Позднее, получая орден Ленина из рук М. И. Калинина, ашуг признал, что он «подобен зарытому в землю заржавленному оружию, которое Коммунистическая партия и Советская власть раскопали, придали блеск и остро отточили...»

На протяжении последнего десятилетия своей жизни Сулейман Стальский разрабатывал одну всеохватывающую тему современности — тему победившего социализма. Стальский горд тем, что у него в родном Дагестане начинают строиться крупные фабрики и заводы, и он поет об этом с великой радостью:

Дела рабочих и крестьян
Подобны чуду, Сулейман:
Завод среди родных полян!
Ты ждал его — и вот увидел!

Известность поэта особенно выросла после того, как народы Дагестана получили свою письменность. Стихи Сулеймана стали появляться в печати, переводиться на другие языки.

В августе 1934 года в Москве состоялся первый Всесоюзный съезд советских писателей. В числе делегатов была небольшая группа представителей литературы страны гор. Ее возглавлял Сулейман Стальский.

В первые же дни съезда состоялась встреча ашуга с А. М. Горьким, которой они оба давно ждали. Помимо богатого жизненного опыта, приобретенного в трудах суровой юности, помимо чувства теснейшей связи с трудовыми народными массами, Сулеймана с Горьким роднила вера в силу народа. Историческая встреча на съезде писателей послужила началом их большой личной дружбы.

Выступление ашуга вызвало горячий отклик всего съезда. Максим Горький в заключительном слове на съезде сказал: «На меня, и — я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их.

Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

Всем своим творчеством Сулейман Стальский доказал свое право на признание за ним огромной роли в развитии советской художественной культуры. Нисколько не преувеличивая, он как-то заявил о себе: «Я поэт не лезгинский, не дагестанский, я — советский поэт, хотя и пою я только по-лезгински».

Несмотря на преклонный возраст и болезни, он работал не покладая рук. В последние годы жизни он, помимо многочисленных стихотворений и песен, создал три большие поэмы: «Дагестан», «Думы о Родине» и «Поэма о Серго Орджоникидзе».

Пожалуй, самое лучшее в творческом наследии Стальского — это его песни о величайшем вожде человечества — о Ленине и о Коммунистической партии.

В песнях Стальского Ленин — это океан ума, это огромный светильник, освещающий весь мир.

Стальский своей известностью среди русских читателей обязан прежде всего рано умершему талантливому дагестанскому поэту и прозаику, лакцу по национальности, Эффенди Капиеву, который замечательно перевел на русский язык стихи лезгинского ашуга. Он, как никто другой из многочисленных переводчиков Сулеймана, умел передать оригинальность и самобытность поэзии ашуга.

Сулейман Стальский, как яркий выразитель народной идеи своей эпохи, был твердо уверен в торжестве идей коммунизма. В стихотворении «Несколько слов о своей Советской власти» ашуг восклицает: «Нет предела чести и доблести наших Советов. Знамя свободы, поднятое ими, принадлежит не нам одним — оно непременно будет вздыматься над всем миром. Я не знаю, когда это будет,— поздно или рано, но радость российских бедняков — и иначе быть не может — станет уделом всего мира».

ОСЕНЬЮ, КОГДА СО́ВИНО

С каждой ступенькой лестницы становилось все прохладней и прохладней. Когда же Элизбар ступил на дно чана, он всей грудью вдохнул любимый с детства запах отцовского вина.

Лестницу подняли наверх, что-то крикнули ему и ушли. Чан был глубоким, и Элизбар не расслышал слов.

По пояс голый, с подвернутыми до колен штанинами, Элизбар стоял на дне огромного квеври и, крепко сжимая в руках скребок, с силой водил им по стенам.

Шхра... шхри... шхру...

Ритмичный шум этот был похож на рокот убегающей с берега морской волны. И был чем-то приятен Элизбару. Работая, он следовал этому ритму всем своим сильным, мускулистым телом. И мысли тоже улеглись в этот ритм.

Чан был зарыт глубоко в землю, и казалось, он отторжен от всего внешнего мира, от всех его звуков, запахов, суеты. Его узкая горловина была прикрыта сверху лоскутком неба. Живого, синего неба. По нему то пробегала торопливая тучка, то скользила тень растревоженного ветром дерева. Весь огромный внешний мир вдруг как-то сжался, уменьшился до размеров этого крохотного синего лоскутка. Зато в самом чане все казалось Элизбару непомерно большим, могучим. Даже кашель возвращался к нему львиным рыком. А легкие, вдыхая и выдыхая воздух, шумели, словно кузнечные мехи. И будто в детстве, играя с квеври, Элизбар выкрикнул озорное «эгей», и чан девятью разными голосами повторил это слово, и оно, шарахаясь от стены к стене, росло, крепло, наполнялось звонкой, юной силой.

Годы не согнули Элизбара, и, хотя ему минуло шестьдесят, тело его сохранило былую гибкость и стройность. Да что ему шестьдесят! Предки Элизбара и до ста лет молодецки держались в седле. Сто, конечно, для Элизбара многовато, а в восемьдесят и он, пожалуй, сможет гарцевать на горячем коне.

«Но... подкосило меня проклятое горе». Вот уже десять лет, как поселился в его сердце червяк и точит, точит, окаянный, и нет от него покоя, нет избавления. Никуда от него не уйти, нигде от него не укрыться. И точит этот невидимый глазу червь большого, могучего, как дуб, мужчину днем и ночью, летом и зимой, во сне и наяву, и удивляется Элизбар, что до сих пор не подточил он корень его жизни, не опустошил, не свалил.

Но конец есть конец. И не все ли равно, что тебя свалит — ничтожный червь или небесная молния.

Элизбар тряхнул головой, словно хотел отмахнуться от этих назойливых дум. Да разве от них отвяжешься?! Он еще крепче вцепился в рукоятку скребка, провел по стенкам, и словно сама собой в темной утробе чана возникла песня:

Быстротечна наша жизнь,
В суете сменяются дни и ночи.

Голос мужал и ширился, пока ему не стало тесно среди этих стен. И тогда он устремился в горловину чана, к тому лоскутку неба, который хрупким столбиком солнечного света соединял Элизбара со всей оставленной там, наверху, мучительно любимой жизнью. Голос прорвался сквозь толщу синевы в огромный солнечный мир, дрогнул, распался и растворился в нем. И все же дети, играющие во дворе, услышали его.

Они оставили игру, подбежали к чану, присели на корточки и крикнули:

— Дядя Элизбар. У-у!..

— Угу-у,— глуховато, по-стариковски ответил им чан.

Дети удивленно переглянулись. Они хотели продолжить эту забавную перекличку с квеври, но их остановил голос матери.

— Что вы там делаете? Еще свалитесь вниз.

Дети, смеясь, убежали. И вновь лоскуток неба протянул Элизбару хрупкий столбик света.

Элизбар перевел дыхание и продолжал работу. Опять зашумел в подземном чане морской прибой.

Однако песню Элизбар уже не мог продолжить. Она так же внезапно оборвалась, как и внезапно возникла. Но горькие думы не оставили его.

Шестьдесят лет. Удивительное совпадение: шестьдесят ведер вина вмещается в этом чане.

При жизни отца Элизбара чан этот никогда не пустовал. Всегда его заполняли доверху. Виноградник тогда был еще молод, и грузные гроздья каждую осень клонили гибкую лозу к земле. В юности в пору ртвели — светлый праздник сбора винограда — Элизбар больше всего любил давить босыми ногами вино или скоблить в гулкой темноте стены и днище этого шестидесятиведерного чана. А когда у Элизбара окрепли в работе колени и на верхней губе впервые пробились усы, он уже никому не уступал своего права готовить квеври к приему молодого вина. Потом, уже в зрелые годы, когда Элизбар уставал от суеты городской жизни, у него нередко возникало желание отключиться, остаться наедине с самим собой, поразмыслить о горе и счастье, поговорить по-мужски один на один со своим сердцем. И будто сама природа придумала для него этот чан, в котором нет места двум.

В Грузии о рассеянных мечтателях, о людях не от мира сего обычно говорят с улыбкой: «Он, видать, из чана вышел». Но что бы ни говорили его насмешливые земляки, Элизбар, опустившись по лестнице в чан, оставался наедине с собой и зорче вглядывался в тот свой — внутренний — мир, который не дано увидеть никому другому. Этот мир был лишь частицей того большого мира, который оставался там, наверху, таким же сложным, многоцветным.

В молодые годы, уединяясь в квеври, Элизбар видел свое будущее таким же безоблачным, как это небо в горловине чана. Тогда в Элизбаре бродила юная сила, и он не знал сомнений и тревог. Много с той поры утекло воды и много выдавлено хмельного виноградного сока из гроздьев. Постарел, одряхлел отцовский виноградник, непосилен ему теперь обильный урожай. Но пока старела лоза, Элизбара носило по всему свету, и много ртвели праздновалось без него. А этой осенью сердце позвало Элизбара в родные места. И как раз вовремя. Как говорится, счастливой ногой ступил он на землю предков — на старом винограднике созрел давно не виданный урожай. Застигнутый врасплох брат Элизбара Соломон радостно суетился у марани, снимал крышки с малых чанов, чистил и мыл их и все боялся, что не хватит жилья для молодого вина. А к давно заброшенному шестидесятиведерному квеври он и подступить не осмелился. Куда Соломону в его годы справиться с этакой махиной! Глубоко в землю зарыл когда-то Бардзим этот огромный квеври. Даже глубже виноградного корня. Удивительной жизнью живет лоза: одна, наземная, ее половина поглощает солнечный свет, другая, равная ей по величине,— соки земли. И в этом ее необоримая сила.

Много лет не виделись братья. Соломон не знал, чем угодить Элизбару, и так легко бегал от кухни к марани, от марани к кухне, что казалось, этот семидесятилетний старик не касается ногами земли.

Соломон зарезал индюшку, но тут же решил, что для такого гостя этого будет мало, и погнался по двору за теленком. И настиг бы его, не вмешайся Элизбар. Он предупредил брата, что уйдет и не оглянется, если тот хоть пальцем тронет теленка. Теленка удалось спасти, но Соломон не угомонился: он то и дело приносил брату в подоле чохи виноград, персики, завернутые в зеленые листья горячие початки кукурузы, то поджаривал на тлеющих углях грибы.

— Старые наши лозы словно с ума сошли,— сказал Соломон,— боюсь, наводнение будет, все вином зальет. Малые чаны не справятся с этим бешеным потоком. Надо бы и большой подготовить, но...

— Что «но»? — оживился Элизбар.

— Да то но...— Соломон тяжело вздохнул и отвел глаза от брата.

Элизбар заметил, как у него дрогнули губы.

— А то, что человек не имеет права дожить до того дня, когда сам уже никуда не годишься и нет у тебя никого, кто смог бы надавить вина и почистить квеври,— сказал Соломон, и Элизбар понял, о чем скорбит его старший брат. Понял, и у самого сердце защемило.

Соломон вырастил славного сына. Но он не вернулся с войны. Зато оставил ему в утешение двух мальчуганов. Это они играют сейчас во дворе под старым орехом. Хоть это оставила война Соломону. Элизбару же...

«Все забрала у меня война».

Кто знает, сколько раз Элизбар, потеряв единственного сына, повторял про себя эти слова.

— Эх, что поделаешь, Соломон,— сказал Элизбар,— живым в могилу не ляжешь... Урожай стучится в нашу дверь, так неужели мы вдвоем не окажем ему достойную встречу?

Элизбар шутливо, как бывало в молодости, схватил брата за пояс и потащил его к марани. Соломон понял, что затевает Элизбар.

— Ты и думать об этом не смей! Да разве я позволю тебе чистить квеври! Что у нас, добрые соседи перевелись?

— Когда я жил дома, никто, кроме меня, не чистил этот чан, и сейчас никому не уступлю,— заупрямился Элизбар и, обмыв водой ноги, стал спускаться по шаткой лестнице.

— Ну что ж, тебя, как видно, не переспоришь. Да и то... может, последний раз балует тебя наш старый виноградник. Я так думаю, не бывать уже такому урожаю.

Слова брата отозвались болью в сердце Элизбара. Кто знает, может, и вправду в по-

следний раз чистят этот чан. Может, и сам Элизбар в последний раз спускается на его прохладное дно.

Шестидесятипудовый этот чан отец врыл в землю в день рождения Элизбара. Сейчас и чану шестьдесят лет и Элизбару столько же. Может, и вправду последний раз моется и чистится в честь праздника урожая его сверстник-чан, товарищ его юности. Может, и вправду виноградник, посаженный его предками, не даст больше урожая, чтобы заполнить доверху квеври?

Нет, и вина будет вдоволь, и чан будет чиститься и мыться! Но мойщиком кто будет?

Скребок застыл в руках Элизбара. Он с хрустом расправил плечи и переступил на правую ногу. Левая, на которую он до этого упирался, гудела от усталости. Он отдыхал недолго и опять принялся за работу.

Элизбар не может оторвать взгляда от стены, которую он с таким рвением скоблит. А внутренний взор его обращен куда-то назад, в давным-давно прожитое. В солнечную пору детства и юности.

Григол АБАШИДЗЕ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

ЗРЕЛ ГРАД

Вот во двор въехал на коне его отец. Дети бросились к нему, и Бардзим, посмеиваясь, отдал им коня. Элизбар не уступил старшим братьям поводья. Он разнуздал коня и, чтобы тот остыл, стал медленно прогуливать его по двору.

Уставший отец приласкал детей, расстегнул пуговицы архалука и подставил руки под холодную струю. Не успел он бросить полотенце младшей дочери, которая поливала ему из кувшина, как во двор вбежала какая-то женщина и, заломив руки, рухнула Бардзиму в ноги.

— Помоги, бога ради, сын у меня умирает. Кроме тебя, во всей вселенной ни человек, ни бог его не спасет!

Отец поднял, успокоил отчаявшуюся женщину, подробно расспросил, чем болен ее сын.

— Сейчас поеду к нему. Не волнуйся.

Он велел Элизбару подвести еще не остывшего коня и, уже продев ногу в стремя, сказал жене:

— Еду на тот берег. Обедайте сами.

Для матери это не было неожиданностью. Она давно привыкла к тому, что Бардзима могут вызвать к больному в любой час дня и ночи. Екатерина накормила детей, сама же не притронулась к еде. Иногда до первых петухов ждала она возвращения мужа. Нередко Бардзим возвращался домой сытый и хмельной. Когда же он видел, что стол накрыт для двоих, то целовал ее в лоб, усаживал рядом с собой и ел с притворным аппетитом.

Бардзим был сельским фельдшером. Он лечил от туберкулеза и коклюша, тифа и кори, оказывал первую хирургическую помощь. Словом, был мастером на все руки. Врачи в городе, до них так просто не доберешься, крестьяне все надежды возлагали на своего фельдшера. Бардзим работал без устали, нередко ему удавалось вздремнуть только лишь в седле.

У Бардзима росли четыре сына и три дочери. Старший сын, Александр, учился в Тбилисской духовной семинарии. После поражения революции пятого года Александр вместе со своим другом тайком приехал в родную деревню. Но и здесь было небезопасно. Молодые люди ушли в лес.

Однажды под вечер в лесу возникла перестрелка. Элизбар видел, как по их винограднику бежал какой-то человек, лицо которого было закрыто башлыком. Перепрыгивая через канавы и продираясь сквозь кусты, он лишь изредка оборачивался назад, чтобы послать пулю в преследователей.

Этому человеку удалось уйти от стражников, и те потом долго сокрушались, что упустили главаря. Это верно, главарь-то ушел, а Александра принесли домой мертвым. Ценой своей жизни он помог товарищу уйти от врагов.

Навсегда запомнились Элизбару строгое, неподвижное лицо брата, распущенные волосы матери, ее горестные причитания и то, как отец молча до крови кусал губы.

Стражники лишь потому не сожгли дом фельдшера и отдали ему тело сына, что побоялись возмущения крестьян.

Горе сломило Бардзима. Но злая судьба не угомонилась. В самом начале первой мировой войны погиб на Западном фронте второй сын Бардзима — юный прапорщик Джамбакур. Мать вновь распустила волосы, достала из сундука одежду Джамбакура и оплакала похороненного в чужой земле сына.

Двое сыновей остались у Бардзима — Соломон и Элизбар. Дочери были замужем, за их судьбу он уже не беспокоился. А вот как сложится жизнь сыновей, которых Бардзим, уже сломленный и стареющий, так и не успел довести до заветной цели? И вот что он решил: одного из сыновей не пущу учиться, оставлю дома, чтобы не погас родной очаг. Кого же из двух оставить? Выбрать было нетрудно. Соломон все равно не дружил с книгой. Целыми днями он пропадал в поле, на виноградниках и любил землю, как истинный крестьянин.

Войне не было видно конца. Потрясенный смертью Джамбакура, отец рано женил Соломона: если и этого заберет война, то хоть внуки останутся.

Вторая мировая война унесла Отиа — единственного сына Соломона. Он пропал без вести. Двое сыновей остались от Отиа, и сейчас они беззаботно гоняют мяч по двору.

Нет, не угас и не угаснет очаг старого Бардзима. Элизбар всегда радуется при виде этих мальчуганов, открывая в них сходство с их прадедом. Но радость эта омрачается сожалением, что ему-то сын не оставил внука.

В чан что-то упало. Элизбар нагнулся и поднял резиновый мячик. Он посмотрел наверх, ждать пришлось недолго. Внуки Соломона склонились над квеври.

— Дядя Элизбар, у тебя наш мячик?

— Нет, но если найду, что дадите?

— Что пожелаешь, дядя Элизбар.

— Ладно, я подумаю, что с вас взять. Тогда позову,— сказал Элизбар и бросил детям мяч. Они погнались за ним, и вскоре голоса их затихли.

Элизбар был в таком же возрасте, как эти дети, когда Бардзим определил его в Кутаисскую гимназию. Мальчика взяла в нахлебники семья знакомого чиновника. Сын хозяина Леван был сверстником Элизбара, а девочка Тасико младше лет на пять. Мальчики сразу подружились. А маленькая Тасико просто души не чаяла в Элизбаре. Она без него и за стол не садилась и играла как-то неохотно. Элизбар баловал девочку, потакал ее капризам. Он любил прогулки с маленькой Тасико и всегда говорил с ней доверительно и серьезно, как со взрослой.

Шли годы. Элизбар возмужал, окреп, превратился в красивого юношу. И Тасико выросла, в ней уже угадывалась стройная, привлекательная девушка. Элизбара стали стеснять их прежние отношения, ему уже было неудобно сажать ее, как раньше, на колени. Ему почему-то уже казалось стыдным подставлять Тасико щеку для поцелуя. Он всячески избегал теперь неловкой, смущающей его близости, старался держаться от Тасико на расстоянии. А веселая, резвая девочка не могла понять этого и по-прежнему тянулась к Элизбару. Она еще не стеснялась его.

Однажды Екатерина, приехавшая навестить сына, обратила внимание на необычные отношения между Элизбаром и Тасико. Умная женщина поняла, что опасно оставлять рядом огонь и солому. И так как Леван с будущего года должен был учиться в Тбилиси, она задумала отправить с ним сына. Ей это было нелегко, но она все-таки решила увести Элизбара подальше от греха.

Элизбар тяжело вздохнул, прислонился обнаженной спиной к холодной стене чана и, запрокинув голову, посмотрел вверх. Горловина чана все еще была накрыта голубым лоскутком. С детства Элизбар привык видеть небо в этой горловине, когда вся его безбрежность умещалась в маленьком круге. Даже в Тбилиси, сидя, бывало, на уроке, он подолгу смотрел в окно. Небо, замкнутое в прямоугольник окна, казалось необычно прозрачным и глубоким.

Элизбар всегда с нетерпением ждал летних каникул. В деревне ему легче дышалось. Там все было другое: и земля, и воздух, и небо. Он вспомнил, как, приезжая домой, с ружьем уходил в лес. И сердце его забилось так же тревожно и юно, как, бывало, в лесу, когда, прислонившись к дереву, он поджидал осторожного зверя. А как здорово выйти после охоты на луг, положить под голову охапку дурманно пахнущего сена и наблюдать, как возникают и исчезают в темноте маленькие звездные галактики — мириады светлячков.

Элизбар почувствовал, как затекла нога, которой он уперся в стенку чана. И когда он ступил ею на холодное дно, то вдруг с улыбкой вспомнил, как, разувшись, переходил когда-то по острым камням бурную горную речку. Напуганная шумом, крапчатая форель проносилась мимо его ног.

Элизбару стало холодно. Казалось, что спина начинает примерзать к стене. Он подался вперед и снова принялся за работу.

Леван с детства писал стихи. В гимназии он считался признанным поэтом. Пример друга был заразителен, и Элизбара тоже потянуло к бумаге. Товарищам стихи понравились. Может быть, из него и вышел бы поэт, но Элизбар почему-то уверил себя, что поэзия не его призвание. И бросил писать стихи.

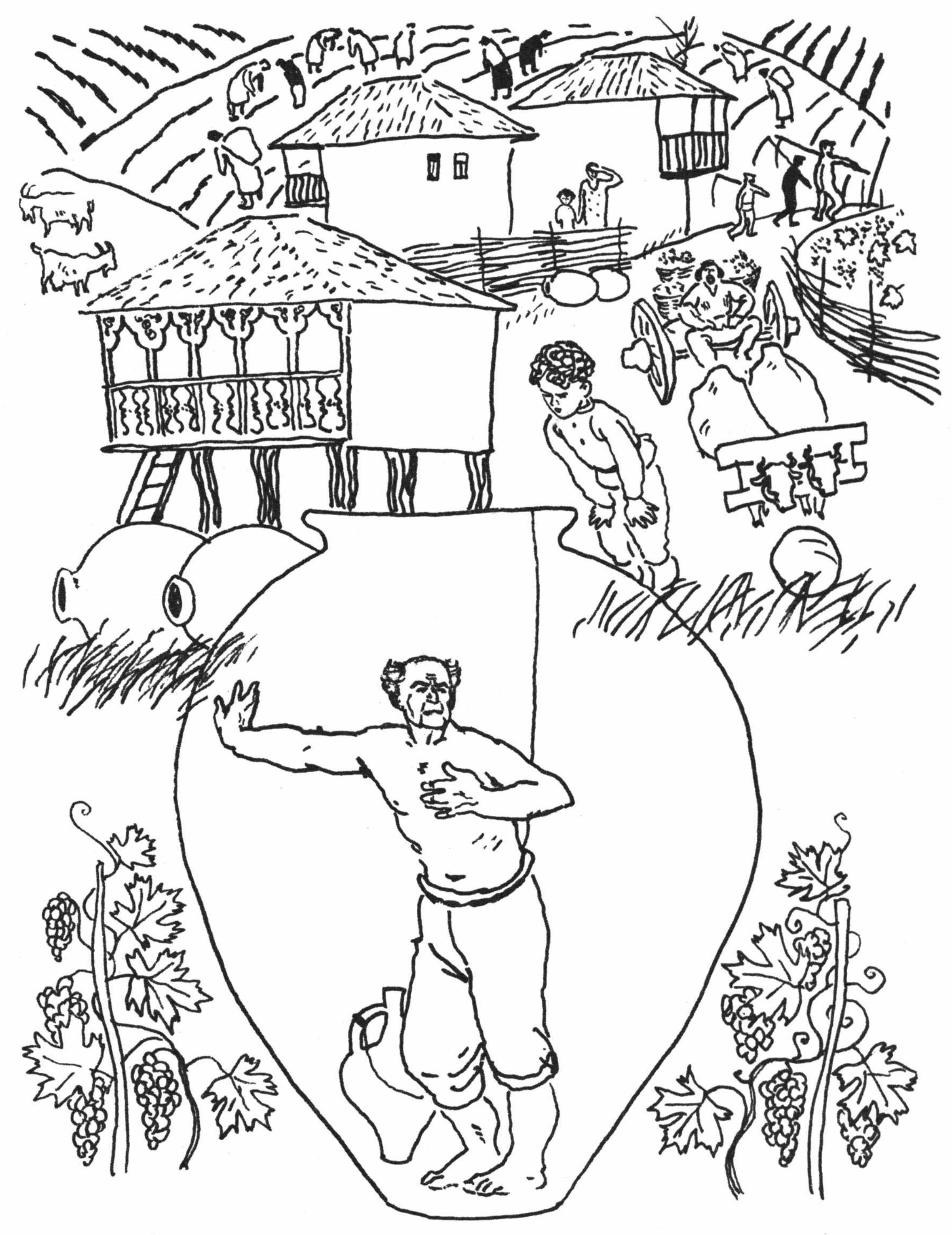
Учителем рисования в их гимназии был неплохой художник, поляк по национальности. Заброшенный на чужбину, человек этот восхищался грузинской природой и внушал ученикам любовь к неповторимым краскам их родины. Этот романтически настроенный художник увлек Элизбара. После занятий Элизбар убегал с этюдником на гору Баграта и рисовал предзакатное небо. Иногда он оставался дома, и терпеливая Тасико покорно позировала ему.

Но вскоре Элизбару наскучили краски и холст, и, хотя польский художник считал его способным учеником, Элизбар бросил рисование.

В то время на кутаисской сцене играли большие грузинские актеры, и молодежь увлекалась театром. Однажды Элизбар увидел спектакль с участием великого Ладо Месхишвили и после этого забыл обо всем на свете. Теперь каждый вечер он затаив дыхание слушал монологи Гракха или Моора и сам жил мятежной и бурной жизнью этих героев. Когда опускали занавес, Элизбар громче всех выкрикивал имя своего кумира, дольше всех хлопал в ладоши и позже всех выходил из зала. Возвращаясь из театра, он ночи напролет читал Шекспира и Шиллера, Гауптмана и Ибсена и вскоре знал весь репертуар любимого актера назубок.

Как-то летом к Бардзиму заехал в гости другой знаменитый артист, гастролировавший в округе с бродячей труппой. Этот сильный человек с львиной гривой и могучим, как колокол, голосом, с мужественным и добрым лицом произвел на юношу неизгладимое впечатление. За ужином Элизбар набрался смелости и прочитал знаменитому гостю монолог Гамлета. Гостю понравилось, он посоветовал юноше пойти на сцену. Бардзим нахмурился. Он хотел было сказать артисту: «Хватит и того,

что ты сам осрамил доброе имя своего отца»,— но закон гостеприимства этого не допускал — гостю такого не скажешь. Желая прекратить неприятный разговор, Бардзим велел сыну сбегать в марани за вином, хотя в кувшине вина было вполне достаточно.

После окончания гимназии Элизбар уехал в Москву и, выполняя волю отца, поступил на медицинский факультет. На лекции-то он ходил, но все эти науки были ему не по сердцу. Тогда в Москве бурлила театральная жизнь, и студента-медика тянуло куда сильней в прославленный Московский Художественный, чем в анатомический театр. Элизбар скоро обзавелся знакомыми в артистической среде и по совету новых друзей поступил в театральную студию.

Некоторое время он еще посещал лекции в университете, но затем убедился, что двум богам одновременно молиться нельзя. Элизбар знал, конечно, что Бардзима приведет в ярость своеволие сына. Не хотелось огорчать отца, и он долго скрывал от Бардзима, что связал свою жизнь с театром.

Только на этом свете ничего не утаишь: настало время, когда тайна Элизбара открылась отцу. Какой-то пациент Бардзима, побывав в Москве, случайно увидел Элизбара на сцене. Он был восхищен игрой земляка и по возвращении домой поспешил обрадовать Бардзима.

У Бардзима сердце оборвалось от этой «радостной» вести. Он тут же послал сыну телеграмму и, сославшись на мнимую болезнь матери, приказал немедленно приехать.

Россия была охвачена гражданской войной, и телеграмма Бардзима не дошла до Москвы. Еще долгое время не было от Элизбара никаких вестей.

На фронтах гибли тысячи людей, и тяжело больной Бардзим мечтал: «Только бы повидать Элизбара, прежде чем сойду в могилу». А до того, вернется его сын доктором или комедиантом, ему и горя было мало.

Революция победила, страна успокоилась, и Элизбар вернулся в Грузию. Это был уже известный всей России артист, и грузинская публика с нетерпением ждала встречи с ним. Его первые выступления в Тбилиси прошли с огромным успехом, а спектакли в городах Грузии превращались в подлинно народные праздники. Элизбар был в зените славы и теперь, вспоминая о том времени, нередко с горечью думает: «Почему не оборвалась на том взлете моя жизнь?.. Я ушел бы из этого мира, полный сил и надежд, и ни о чем мне не пришлось бы жалеть».

Наверху раздались громкие голоса. Элизбар прислушался. Он отчетливо слышал каждое слово.

— Осрамил ты нас, Соломон. Зачем такому гостю разрешил мыть чан?

— Не я виноват, соседи. Он меня не послушался.

Говорившие подошли к самому квеври. Один из них опустился на колени и заглянул вглубь.

— Обидели вы нас, уважаемый Элизбар. Мы так ждали вашего приезда, а вы спрятались в чане. Да что нам стоит его помыть, в нашем колхозе столько ребят.

Над чаном склонилась еще одна голова.

— Вы только подымитесь наверх, уважаемый Элизбар. И через час ваш квеври будет как новенький.

— Нет, друзья, не могу.

— Я ведь вам говорил,— вмешался Соломон,— его не переспоришь.

— Хоть в этой просьбе не откажите нам, уважаемый Элизбар. Пожалуйста, вечером испробовать нашего маджари из раннего винограда.

— Вот это другое дело,— весело отозвался Элизбар,— непременно приду.

Соседи поднялись на ноги.

— До встречи.

— До свидания,— сказал Элизбар.

— И мне пора,— крикнул ему Соломон.— Председатель просит в третью бригаду сходить. Винограда там много, а рук не хватает. Если задержусь, иди к ребятам без меня, не обижай добрых соседей.

И вновь забегал скребок по стенам чана. И вновь вернулся Элизбар к прерванным воспоминаниям.

...Еще будучи в России, Элизбар видел себя в мечтах на сцене Кутаисского театра, где впервые потряс его душу Ладо Месхишвили. И вот мечта его сбылась.

После окончания спектакля к нему за кулисы пришел друг его детства Леван и пригласил к себе.

При встрече с Тасико Элизбар почему-то растерялся, она тоже смутилась. Тасико робко и почтительно пожала ему руку и так быстро скрылась в другой комнате, что Элизбар даже не успел как следует ее разглядеть. И все же он заметил, что Тасико очень изменилась. Встретив ее на улице, Элизбар, пожалуй, и не узнал бы подругу своего детства. Ей, должно быть, уже за тридцать, но стан не утерял еще девичьей стройности, а глаза... глаза остались прежними. Элизбар узнал от Левана, что Тасико окончила медицинский институт, работает в кутаисской больнице и почему-то не помышляет о замужестве.

Когда сели за стол, Элизбар охотно согласился быть тамадой и пил лихо, беззаботно из старинного турьего рога. А вино оказалось коварным. Элизбар сильно опьянел.

Проснувшись утром, Элизбар никак не мог понять, почему рядом с ним в постели лежит Тасико.

Некоторое время он лежал неподвижно, боясь шелохнуться, и мучительно соображал: что же это со мной произошло... И вдруг вспомнил.

...Когда Тасико проводила его в эту комнату и, приготовив постель, пожелала спокойной ночи, одурманенный вином Элизбар притянул девушку к себе для поцелуя. Тасико прильнула к нему.

«Что я натворил!» — с ужасом подумал Элизбар и резко повернул голову к Тасико. Она лежала с открытыми глазами.

— Почему... Почему ты не остановила меня?.. Я артист, бездомный кочевник, какое я имею право обзаводиться семьей?!

— Ты не можешь жениться? Я это знала... Не бойся, я не собираюсь стать твоей женой.

— Что ты говоришь, Тасико, опомнись. Твои родные... Леван...

— Это их не касается, Элизбар. Я хочу иметь ребенка. И только от тебя. Я столько ждала тебя.— Она помолчала немного и, по-прежнему не глядя на Элизбара, спокойно, как о чем-то давно решенном, сказала: — Ты ни о чем не беспокойся. Ребенка я воспитаю сама.

Большую часть своей жизни Элизбар провел в гостиницах. Привыкнув к бродячей жизни актера, он и не думал об устройстве семейного очага, хотя иной раз увлекался женщинами. Элизбар так же легко расставался с ними, как и сходился. Они не оставляли в его сердце следа. И ни одной из них он никогда не давал никакой надежды на иные, более прочные отношения. А вот с Тасико все как-то странно, неясно, запутанно. Ведь она подруга детства, сестра товарища.

Элизбар уже был готов отказаться от своей независимости, от всех радостей и удовольствий холостяцкой жизни. Но Тасико не приняла этой жертвы, не захотела быть в тягость любимому человеку. Она искренне верила в то, что жизнь его безраздельно принадлежит искусству.

Элизбар уехал. Через несколько лет стороной он узнал, что Тасико ушла из отчего дома

и родила сына. Мальчика она назвала Солико и дала ему фамилию отца.

Только через семнадцать лет Тасико напомнила Элизбару о сыне. В коротком письме она писала, что тяжело больна и хочет еще при своей жизни показать сыну отца. Элизбар немедленно поехал в Кутаиси, встревоженный ожиданием чего-то нового и непривычного, сильного и незнакомого. Сын...

У постели больной сидел спиной к двери какой-то человек. Элизбар нерешительно пошел к кровати и тихо позвал:

— Тасико.

Женщина открыла глаза и внятно, чуть ли не по складам, сказала:

— Солико, вот твой отец.

Юноша повернулся, вскочил на ноги, и Элизбар увидел себя таким, каким он был в семнадцать лет.

Через несколько дней больную туберкулезом Тасико отправили в Абастумани.

Элизбар возвращался в Тбилиси вместе с сыном. Солико взял с собой самое необходимое. В один чемодан он сложил белье и книги, в другой — лампы, шнуры, конденсаторы, инструменты.

В купе, кроме Элизбара и Солико, никого не было. Вначале они сидели молча, исподтишка изучая друг друга. Разговор не клеился. Элизбар понял, что пустыми, необязательными фразами этого серьезного мальчика не проймешь. Немного помедлив, он разделся и лег. Сквозь дрему Элизбар услышал музыку. Он приподнялся, огляделся — в купе репродуктора не было, а голос радио слышался где-то очень близко, совсем рядом.

Солико лукаво улыбнулся. Он вынул из кармана миниатюрный приемник и поставил его на откидной столик.

— Я его недавно сделал,— застенчиво сказал Солико. И вдруг спохватился, покраснел: — Может, ты спать хочешь? Я выключу.

— Нет,— сказал Элизбар,— я люблю музыку.

Элизбар подвинулся к столику, с интересом оглядел аппарат и даже потрогал его рукой. Очень осторожно.

— Какой маленький,— удивился Элизбар и еще раз, уже более смело, погладил полированный верх приемника.

— Правда, мальчик, ты сам его сделал?

— Вот этими руками,— смутился Солико.— Конечно, он еще не классный, это мой первый приемник.

— Молодец,— похвалил Элизбар. Ему хотелось сказать сыну еще что-то очень душевное, ласковое, но он, знающий тысячу проникновенных чужих слов, не нашел самого нужного, своего. Они молча слушали музыку.

Элизбару не хотелось приучать сына к безалаберной жизни в гостиницах. На другой день Элизбар снял небольшую квартиру.

Солико был почитателем отцовского таланта и не пропускал ни одного спектакля с участием Элизбара. Из театра они всегда возвращались вместе. Всю дорогу до дому Элизбар рассказывал сыну о любимом искусстве, расспрашивал о его впечатлениях, интересовался его взглядами. Иногда они спорили, и не всегда Элизбару удавалось победить Солико. Это был вдумчивый, несколько замкнутый парень. Целыми днями он либо читал книги, либо паял, перематывал катушки сопротивления, собирая новый приемник. Но чем больше приглядывался Элизбар к сыну, тем большим уважением он проникался к материнскому подвигу Тасико.

Она вырастила Человека.

И всю свою нерастраченную любовь Элизбар как-то сразу в едином порыве отдал сыну.

Осенью умерла Тасико.

Элизбар увез сына в деревню, надеясь отвлечь его от горьких мыслей.

Там, в деревне, Солико подружился со своим двоюродным братом Отиа, сыном Соломона.

Солико впервые попал в деревню. Здесь все ему было по душе. И одряхлевший дедовский дом, и старый виноградник, и хмельной запах марани. Если бы не занятия в институте, Солико не уехал бы так скоро в город.

Элизбару нравилось, что сын его увлекается радиотехникой, не пропускает ни одной лекции и до утра засиживается над книгами, когда готовится к докладу в студенческом научном кружке.

Элизбар не сомневался, что сын стоит на верном пути.

Будь проклят тот день, тот черный день, когда началась война.

Солико был призван в армию и вскоре уже летал стрелком-радистом на тяжелом бомбардировщике.

Через несколько месяцев Элизбар получил извещение о том, что сын его погиб как герой.

— Эй, держи правей, куда на плетень прешь! — сердито крикнул кто-то во дворе. Элизбар прекратил работу и услышал тягучий, натужный скрип колес. Элизбар догадался, что арба доверху нагружена виноградом.

Какой радостью было для него в детстве, когда в их двор к марани подъезжали арбы с только что срезанным виноградом. Как радовался, бывало, Элизбар скрипу колес. Он бежал вприпрыжку, пританцовывая впереди неповоротливых буйволов, указывая им дорогу, чтобы арба не задела ненароком раскоряченными колесами плетень в узком проулке.

А теперь, честно признаться, его не радует, а даже почему-то раздражает этот назойливый скрип, словно арбы везут не виноград, не праздничный подарок ртвели, а прелую прошлогоднюю солому.

Элизбар отер мокрое от пота лицо. И в наступившей тишине услышал частые, глухие удары своего сердца. Он удивился: с чего бы это? Видно, все-таки устал.

Его мучила жажда.

— Соломон,— позвал Элизбар.

— Со-ло-мон,— отозвался чан.

Не прошло и минуты, как в квеври стало темно.

Элизбар услышал детские голоса.

— Дядя Элизбар. Мы здесь!

Элизбар посмотрел наверх: над чаном склонились, упираясь друг в друга лбами, внуки Соломона.

— Где ваш дед?

— Он еще не вернулся. Вам лестницу подать?

— Рано еще. Принесите мне воды.

— Сейчас, дядя Элизбар.

Когда дети спустили на веревочке кувшин и Элизбар утолил жажду, он рассмеялся:

— Эх вы, чертенята. Это же вино.

— А мы не знали, это дедушка для вас приготовил. Когда устанете, крикните нас, мы тут недалеко. Дедушка не разрешил нам уходить со двора, он на нас лестницу оставил.

«Эх,— тяжело вздохнул Элизбар,— оставил бы мне Солико внуков. Играли бы сейчас они с этими мальчишками во дворе. Помощники...»

— Хотя бы одного,— сказал он вслух.

И квеври повторил за ним:

— Одного.

Элизбара испугал этот голос. Он огляделся: не подслушивает ли кто его мысли? И с остервенением стал скрести стены чана, словно желая заглушить безжалостное предательское эхо.

Когда Солико ушел на войну, в доме стало пусто. Раньше Элизбар искал одиночества, а сейчас оно угнетало его.

С бригадой актеров Элизбар уехал на фронт. Может, там он встретит Солико. Ему бы только взглянуть в родные глаза сына. Ему бы только знать, что мальчик жив и невредим.

Не встретил.

Пришло известие о гибели сына, и Элизбар позавидовал судьбе Тасико, не дожившей до этого страшного дня. Для Элизбара было бы благом умереть за день до начала войны. Он ушел бы из жизни по горло сытый счастьем, и любимый сын бросил бы горсть родной земли на крышку его гроба.

«Я жил на день больше, чем должен был жить»,— вспомнил Элизбар чьи-то стихи. Если бы люди могли предвидеть, когда наступит этот лишний день.

Элизбар потянулся к кувшину. Снова пересохло во рту, в ушах шумело, его слегка мутило от внезапной слабости, словно он летел в самолете, резко теряющем высоту.

В чане было сыро и душно. Элизбару хотелось глотнуть свежего воздуха, и он невольно посмотрел вверх. Небо было цвета густой, почти морской синевы, и золотистый столбик света уходил куда-то далеко, в бесконечность.

Левой рукой Элизбар взял кувшин, пальцы немели, с трудом сгибались, весь левый бок казался чужим, нечувствительным, будто его заморозили. Элизбар жадно пил, пока не перехватило дыхание, и, когда оторвался от кувшина, ему показалось, что чан качается из стороны в сторону. У Элизбара кружилась голова, потемнело в глазах.

«Еще половины работы не сделал, а уже вымотался»,— с обидой подумал Элизбар.

Вместе с молодостью прежняя сила его покинула. Незаметно ушла, как вода между пальцами.

Левый бок будто свинцом налился и тянет Элизбара вниз.

Постарел Элизбар.

Сам Элизбар еще не верит в это, но другие уже заметили, как он постарел. Всему свое время.

Недавно в театре ему осторожно намекнули, что пора уходить на пенсию. Мол, будешь почетным членом труппы, и когда захочется играть, пожалуйста, играй. Элизбар обиделся: пока жив, сцены не оставлю. Если я вам не нужен, уйду в другой театр или, как в давние годы, буду кочевать по стране.

О пенсии ему больше не напоминали. Но теперь у Элизбара оказалось много свободных вечеров.

А недавно его посетила группа артистов, мол, юбилей тебе хотим справить. Элизбар, как чуму, ненавидел все эти юбилеи, похожие на панихиды.

— Не приведи меня господь сесть в высокое кресло, протертое любителями юбилеев,— решительно отказался Элизбар.

И вновь потемнело в глазах, качнулись стены чана, и Элизбару показалось, что днище уходит из-под ног, что земля и небо поменялись местами.

Добрался все-таки проклятый червь до самого больного места, впился в сердце, не дает вздохнуть!

Холодный пот выступил на лице Элизбара. Скребок выпал из его слабеющих рук. Нестерпимая боль поднималась от сердца все выше и выше, тысячами иголок пронзила мозг, сковала язык. Элизбар хотел, но уже не мог крикнуть мальчикам: «Лестницу, скорее лестницу». Он скорчился, опустился на дно чана, закрыл глаза и крепко, из последних сил сжал ладонями виски. На какой-то миг боль отступила, и тогда Элизбар с пугающим его самого спокойствием подумал:

«Так вот когда она пришла! Невидимая, неслышная, бесплотная. От нее не отобьешься, ее не оттолкнешь руками, не свяжешь, не повалишь. В старину хевсуры, почуяв приближение смерти, брали в правую руку обнаженный меч. Неужели этим они надеялись испугать и одолеть ее, бесплотную и коварную?»

В былые времена предки Элизбара, виноградари, хоронили своих покойников в квеври. На археологических раскопках в Мцхете Элизбар видел однажды такую древнюю усыпальницу. А он сам по своей воле, своими ногами спустился в квеври, которому, видимо, суждено стать его склепом. Да, наверно, на роду написана мне такая смерть. А умирать не хочется.

Сколько раз после гибели сына Элизбар призывал к себе смерть. Но сейчас, когда она пришла исполнить его давнее желание, вдруг вернулась к нему неистребимая жажда жизни. Там, наверху, солнце и играющие в мяч дети, светлый праздник ртвели, пьянящий запах маджари и женский смех... Жаль, подведу соседей. Не пить мне с ними сегодня вечером маджари.

Откуда-то издалека, должно быть, с сельской площади, послышалась музыка. Она теплой волной обмыла холодеющее сердце Элизбара. Он вспомнил вагон, купе, миниатюрный приемник, собранный руками его сына, и тот грустный, бередящий душу мотив.

Элизбар посмотрел наверх и увидел столбик света, протянутый ему жизнью.

— Хорошо,— сказал Элизбар,— хорошо!

Он порывисто встал, схватился обеими руками за этот золотистый столбик и медленно-медленно, словно жизнь не хотела отпускать его, сполз на дно квеври.

И никто никогда уже не узнает, к чему относилось это последнее слово Элизбара — к жизни или к смерти.

Перевели с грузинского
Э. Фейгин и Б. Гасс

Дирижирует Мухтар Ашрафи.

Власть музыки

С неизменным успехом шли в Москве гастрольные спектакли Государственного Большого театра оперы и балета Узбекской ССР имени Алишера Навои.

Публика восхищалась мастерством исполнителей. Каждая постановка радовала высоким творческим уровнем коллектива, музыкальной культурой.

Татьяна ЛОТИС

Застать по телефону, а тем более увидеться с Мухтаром Ашрафовичем Ашрафи в дни, когда театр оперы и балета имени Алишера Навои гастролировал в Москве, было нелегко. То он на репетиции, то дирижирует спектаклем, то у него срочная деловая встреча. Наконец, после многих коротких, и все больше на бегу, разговоров мы договорились встретиться всерьез. И вот сидим в одной из комнат Зеленого театра в Парке культуры имени Горького: здесь теперь будет выступать коллектив, закончив цикл спектаклей в Большом театре. День кончился, а ночь еще не началась; отсветы заходящего солнца бросают кругом свои блики, чувствуется свежесть реки, по-особому остро пахнут земля и деревья.

Ашрафи очень моложав; кажется, что ему не более сорока лет. Потом только с изумлением выясняешь, что за тридцать уже его детям.

Он — народный артист СССР, лауреат Государственных премий, профессор, композитор, дирижер и художественный руководитель Государственного Академического Большого театра оперы и балета Узбекской ССР имени Алишера Навои,— родился в Бухаре. Мухтар был сыном народного певца Ашрафа, и это не могло не повлиять на его судьбу и будущность, потому что уже с юного возраста он научился играть на узбекских инструментах — дутаре и тамбуре, а самое главное, музыка притягивала, завораживала его... И все-таки судьба складывалась не сама собою. Отец был музыкантом высокого класса, а не просто уличным певцом, к тому же человеком довольно состоятельным, но он все же не хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Слишком уж равнодушным, пренебрежительным было раньше, в Бухарском эмирате, отношение к людям искусства. Ашраф и его жена видели, каким огромным уважением пользуется в городе учитель, поэтому-то они хотели, чтобы сын их получил профессию такую же солидную, уважаемую; они мечтали о педагогическом поприще для Мухтара и отдали его учиться в Бухарский институт просвещения.

Однажды летом учитель взял Мухтара с собой в Ташкент.

Гуляя по городу, мальчик зашел в парк. Звуки незнакомой красивой музыки привлекли его внимание. На площадке сидели полукругом музыканты, в руках у них были какие-то незнакомые инструменты, а перед ними стоял человек с палочкой. Словно от движений его руки рождалась музыка, то медленная и грустная, то веселая, удалая... Как зачарованный, приходил Мухтар слушать музыку каждый вечер. В те дни он и сказал себе, что будет дирижером.

Теперь жизнь его приобрела смысл и цель: одной только музыке захотел он посвятить себя, больше ничто его не манило, не волновало... Не желая расстраивать отца, юноша продолжал учиться в педагогическом институте, а в музыкальном училище занимался вечерами. Но вот он окончил институт. Получил назначение на работу. Как быть дальше? Невозможно стало скрывать свою страсть, свое призвание... И Мухтар убежал из дома. Юношу нашли, вернули в семью, однако отцу пришлось смириться: через три года Мухтар стал дирижером. В сентябре нынешнего, 1969 года исполняется сорок лет с того дня, как впервые встал он за дирижерский пульт. Мухтару Ашрафи принадлежат первые узбекские сюиты и симфонии; вместе со своим педагогом Сергеем Никифоровичем Василенко Ашрафи написал первую узбекскую оперу — «Буран».

«Быть первым» — эти прекрасные слова, к сожалению, как-то стерлись из-за долгого употребления... Но те, кому ведомо творче-

Праздник весны. Сцена из балета Ашрафи «Амулет любви».

ство, знают, сколько души и мысли надо вложить в дело, чтобы оно стало **первым.** Сколько понадобилось сил, чтобы доказать непоколебимым хранителям традиций, что симфонизм еще ярче подчеркивает народный характер мелодии. Ведь до Ашрафи в Узбекистане существовала только одноголосная музыкальная культура. Поэтому-то с каждым новым произведением у Ашрафи появлялись не только сотни друзей и единомышленников, но и враги. Появлялись противники, люди недовольные. Свою вражду к творчеству, к музыке они переносили на ее творца, музыканта. Но он упрямо шел своей дорогой.

— Симфонический оркестр не выдумка одного чудака,— оркестр создавался в Европе столетиями. И то, что я ввел его в узбекскую музыку, не моя заслуга, это—веление времени. Иначе сама жизнь развенчала бы новаторство. За границей,— рассказывает Мухтар Ашрафович,— особенно на Всемирной выставке в Монреале, мне довелось слышать много авангардистов, представителей всяческих современных «измов». Надо отдать им должное: нередко они великолепно владели техникой игры. Но публика не шла к ним на концерты. Зал, как правило, оставался пустым. Только в первый день приходили слушать «новаторов» из любопытства, но потом слушатели быстро исчезали, понимая, что все это выдумки, однодневки...

Листая как-то старые газеты, я увидела на пожелтевшей уже странице слова благодарности И. В. Сталина узбекскому композитору. Ашрафи в 1942 году написал «Героическую симфонию». Музыка была посвящена борьбе советского народа с фашизмом. Премию, полученную за симфонию, Мухтар Ашрафович передал в фонд обороны, за это и благодарил его Сталин. Композитор гордится этим до сих пор.

Все произведения Ашрафи глубоко национальны. Композитор умеет передать особыми, свойственными ему мелодическими сочетаниями неповторимый звуковой колорит Средней Азии: шелест и свист песка, перегоняемого ветром, протяжные песни погонщиков, звон колокольчиков верблюжьего каравана...

В основе опер Ашрафи лежат разнообразные сюжеты. В опере «Дилором» он рассказывает о судьбе певицы-невольницы, загубленной жестоким ханом. Опера «Сердце поэта» воссоздает образ Фурката, узбекского мыслителя прошлого века. А содержанием оперы «Великий канал» послужил действительный случай из современной жизни. Когда театр оперы и балета приезжал с гастролями на строительство Ферганского канала, композитор познакомился со стариком рабочим; сын старика, испугавшись трудностей, сбежал со стройки, и тогда вместо него пришел работать отец.

Самоотверженность человека, способность к самопожертвованию, духовное богатство личности, характеры мужественные и смелые, талантливые всегда в центре творчества композитора.

— Меня привлекает музыка, передающая сильные человеческие страсти,— говорит Мухтар Ашрафович.

В Индии в 1955 году композитор записал много народных песен и танцев, появилась книга Ашрафи о древней стране — «Индийские дневники». А романтическая легенда, услышанная композитором в Пенджабе, превратилась в балет «Амулет любви», который Ашрафи посвятил памяти Джавахарлала Неру. Этот балет — премьера театра — пользовался в Москве особым успехом у зрителей.

— Я видел в Аджанте древние росписи, видел скульптуры в Элоре. Сравнивал их с современной одеждой и танцами Индии. И казалось, что танцы застыли в тысячелетиях, казались нетронутыми временем, вечными... Это изумляло, но и огорчало. Я много спорил со своими индийскими друзьями, убеждая их, что искусство не может, не должно стоять на месте, что это противоестественно. Но тогда это были только слова. Мне же хотелось убедить друзей еще и танцем — иным, динамичным, говорящим о жизни...

В балете «Амулет любви» в Индию приезжает Иззат, юноша из Бухары. Случайно он встречает на площади девушку. И жизнь его наполняется счастьем: к нему пришла любовь. Сонни тоже полюбила Иззата, но по воле родителей она должна выйти замуж за другого. Влюбленные бегут, но толпа разъяренных преследователей нагоняет их, и в последнем объятии молодые люди бросаются в море.

Я видела, как шел этот балет на сцене Большого театра в Москве. На лицах зрителей светилась радость от встречи с высоким искусством. Никто не хотел уходить. Зрители еще и еще вызывали танцоров и постановщиков спектакля: Б. Кариеву — обаятельную Сонни; страстную цыганку Чундари, которую танцует Г. Измайлова; Иззата, доброго и нежного в исполнении В. Васильева. Выразительный образ жестокого, грубого Чанду — жениха Сонни, которого девушка не любит и боится,— создал А. Абдурахманов. Все они органично живут в спектакле, в той экзотике Индии, которую передает на сцене художник Мели Мусаев.

Узбекские и индийские мелодии причудливо переплетаются в балете. Музыка, навеянная Индией, написана Ашрафи, как современный балет. И в танцах используется современная классическая хореография балетмейстером-постановщиком, народной артисткой СССР Галией Измайловой.

— Вот этот балет и есть доказательство друзьям из Индии, что можно взять за основу древние танцы и преобразовать их... Мне думается, танцы от этого только выиграют,— улыбается Мухтар Ашрафович.

Впрочем, не только он так думает. После первого же просмотра индийское посольство в Москве устроило прием в честь создателей чудесного спектакля. Индийский советник-посланник Р. Бхандари утверждал то же, что и Ашрафи своей музыкой. Согласились с ним и актрисы, танцовщицы из Индии, приезжавшие на кинофестиваль и гостившие в это время в Москве.

...Рассказ Ашрафи прервал телефонный звонок.

— Наверное, дочка! — обрадовался Мухтар Ашрафович. И снова повторил: «Дочка!»,— когда положил трубку.

Дети Ашрафи не стали музыкантами, но выбрали специальности, близкие музыке: сын — архитектор, дочь — искусствовед. Зато если перечислять дирижеров из всех театров республик Средней Азии, то почти все они, за редким исключением, ученики Мухтара Ашрафовича. Много лет руководит он кафедрой по подготовке оперных дирижеров в Ташкентской консерватории. Под его руководством работает в театре имени Навои первая женщина-дирижер во всем «мусульманском мире» — Дильбар Абдурахманова.

Я спрашиваю Мухтара Ашрафовича, как у него на все хватает времени: он композитор, художественный руководитель театра, дирижер, педагог, администратор...

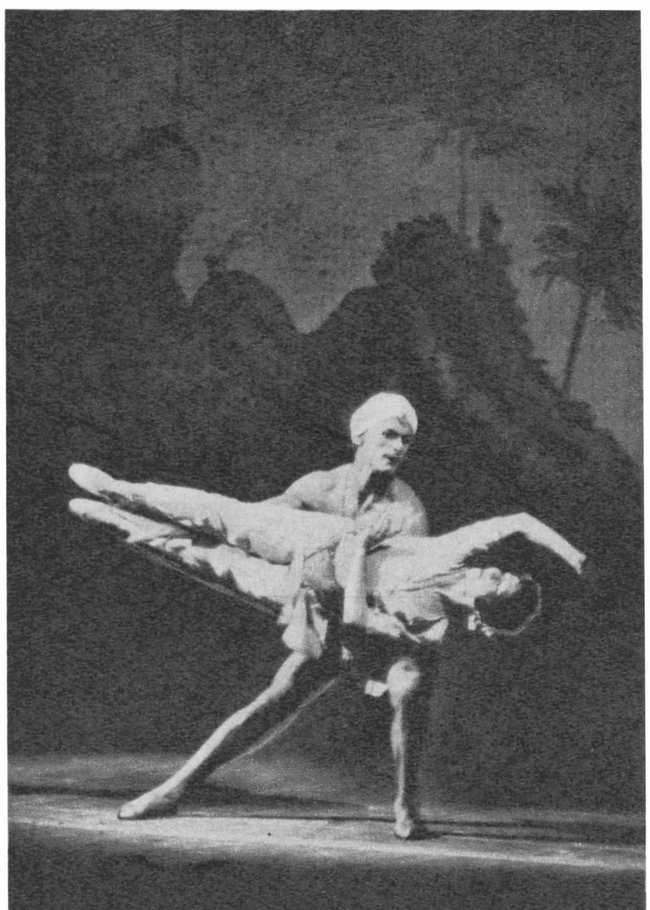
— А я не понимаю,— отвечает Ашрафи,— как может не хватать времени на творчество! Ведь если есть что писать,— надо писать! Ссылаться на нехватку времени могут только ленивые...

Прошло всего лишь несколько спектаклей нового балета Ашрафи. А у него уже новые планы. Он вдохновлен поэмой Фирдоуси «Шахнаме». Музыка уже звучит в душе композитора, владеет им.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина театр возобновит постановку первой узбекской оперы «Буран». Либретто к этой опере Ашрафи писал Камиль Яшен. Буран — так зовут главного героя — простой дехканин. Опера рассказывает о среднеазиатском восстании в 1916 году, о дружбе русского и узбекского народов, их единстве в борьбе с самодержавием...

Фото Е. УМНОВА.

Сонни — народная артистка УзССР Б. Кариева, Иззат — заслуженный артист УзССР В. Васильев.

Сцена из оперы Верди «Трубадур». Леонора—заслуженная артистка УзССР Р. Лаут, Манрико—В. Хвалев.

Феликс ЧУЕВ

СТАРЫЕ ПИЛОТЫ

Уважаю старых пилотов.
Как начнут про былые дела!
Потускнели их анекдоты,
не привинчены ордена...
Только вера не устарела!
Убежденность их такова,
что горело, да не сгорело
то, на чем держалась Москва.
В них сидит такое упорство,
что словами не проведешь,
и, как взгляд, по-лётному острый,
беспокойство за молодежь.
И, летать ее научая,—
в небе — руку ей на плечо,
сами плачут перед врачами,
чтоб не списывали еще.
Носят гордо старые куртки,
все торопятся по утрам
и на улице вспомнят жутко:
а спешить-то некуда нам.
И отметит —
в новеньких птичках —
паренек небесной красы
эту кожанку в электричке,
эти «штурманские» часы...
Потому что наши ребята
будто видели, сорванцы,
как на «пешках», «эсбэ»,
«эр-пятых»
начинали небо отцы.

ПЕСНЬ О ЛЮБВИ

1

— До свиданья,— говорю я,—
Галя.
Тихо «до свиданья» говорю,
будто это женщина другая,
будто не с тобой по февралю
мы такую песню начинали —
музыку забыли поберечь,
и она, как улица ночная,
притушила озаренность встреч.
Милая, пока еще на свете
жгут дожди, метелит снегопад,
на ладони этого столетья
нету нам с тобой пути назад.
Я к тебе не смею прикоснуться,
памятью обидеть не могу,
я хочу лишь тихо оглянуться
в давнюю февральскую пургу.
Чтоб узнать премудрость
человечью:
кто тебя придумал и зачем,
кто сейчас твои целует плечи,
чья потом ты станешь — насовсем?
В тишине, глухой, необитаемой,
становлюсь я строже и прямей,
я лечу сквозь медленное таянье
серебристой выдумки моей.
Оставайся, солнце-недотрога,
атакую жизнь свою — таран!
Я такую выскал дорогу —
через самый пятый океан.
Чтоб не ты —
к забытому, пропащему
падала, когда я прилечу,—
к моему усталому,
пропахшему
небом и кабиною
плечу;
чтобы стерла,
жалости не чувствуя,
лезвиями памяти скользя,
имя неожиданно нерусское
и мои славянские глаза.

2

В тиши окраинных ночей
пустынных улиц Лиепаи
я выходил один, ничей,
свое призванье забывая.
Я тихо к небу выходил,
где море светит у обрыва,
и небо мне дарило диво
среди разрозненных светил.
Как будто два живых крыла
просили бури за спиною,
и бурю женщина несла
в руках светящейся волною.
Еще далекая, вдали
всходила та, совсем иная,
моя, до лучика земная,
хоть в небе не было земли...
Я так люблю твое лицо
с такими черными бровями,
с такими синими ветрами,
тебя объявшими в кольцо.
Походку гордую твою —
казачьей верности рисунок,
в котором чисто, как спросонок,
ты утром светишься;
люблю
твои полночные глаза,
невыносимые, родные,
какие только образа
хранят нетленными доныне...
Любите тех, кто любит вас,—
скажу в конце стихотворенья,
как будто этих слов значенье
насквозь увидел в первый раз.

ЛОЗУНГ ОТЦОВ

Командир принимает решенье.
— Есть возможность,— сказал
командир,—
в предпоследние эти мгновенья
одному только выйти в эфир.

Самолет не щадил пассажиров,
и вот-вот уже должен упасть,
и тогда пронеслось по эфиру:
— Берегите Советскую власть!

Что он думал, обычный рабочий,
на краю, перед самой землей,
чтоб сказать только важное очень,
не успев попрощаться с семьей?

Как бы знал — по какому
наитью? —
он восторженных слов
не терпел —
мол, желаю здоровья и дел,
но Советскую власть
берегите...

Это лозунг отцов.
Жить ему, как сынам.
Ни забытым не стать,
ни избитым,—
Он с Вапнярки и Волхова
ринулся к нам,
сокрушая бетон Моабитов.

Точно тысячный гром боевых
голосов,
он безмолвно впаялся в знамена,
чтоб мильонами
красных, разбуженных слов
нашей правды шагали колонны.

Алым стягом
Отчизну
на карте не зря
океанские ветры полощут,
и не зря
в раскрасневшийся день
ноября
мы выходим на Красную площадь.

Чем бы в будущем мире
ни жил человек,
и куда бы душа ни рвала́сь,
как бессмертье страны,
завещаю навек:
— Берегите
Советскую
власть!

ЛАКОНИЗМ И ФАНТАЗИЯ

Был конец 1946 года. В аудитории Московского художественного института в этот день защищали дипломные работы Д. Дубинский, Н. Пономарев, Н. Шеберстов, В. Цигаль...

Виктор Цигаль к защите представил иллюстрации к «Белому клыку» Джека Лондона и зарисовки из военного альбома.

Начало биографии художника В. Цигаля складывалось до войны: ученик профтехшколы в Пензе, ученик энергетического ФЗУ в Москве, монтер-электрик на заводе «Электросталь», на стройках Москвы. И везде, где бы Виктор Цигаль ни учился, ни работал, он — главный художник стенгазет. Молодые друзья-строители не проглядели талант. И в 1934 году по комсомольской путевке Виктор Цигаль поступает в Московское художественное училище имени 1905 года. А через несколько лет — Московский художественный институт.

Но вскоре началась война. Виктор Цигаль — рядовой боец, художник политотдела танкового корпуса. Орловско-Курская дуга, Брянский фронт, Западная Украина, Польша, Венгрия...

И первая послевоенная защита дипломных работ...

Теперь признанный художник, Виктор Цигаль занимается и графикой, и живописью, и прикладным искусством. Он много путешествует, был за Полярным кругом, в Крыму, Донбассе, на Урале, Алтае, Ставрополье, во многих странах: Италии, Англии, Франции, Америке, Голландии...

Но были края нашей страны, которые имели особенное значение в творчестве Цигаля. Пожалуй, нигде не раскрывалась так творческая индивидуальность художника в живописи, как на земле Дагестана. Как будто специально берег он для этого маленького народа свои пластические открытия. Сдержанный, четкий контур, открытые цвета — живопись на основе графики.

И Север. Север дал художнику много тем, вылившихся в декоративную форму прикладного искусства.

Сначала появилась среди занятий Виктора Ефимовича керамика. А потом другое увлечение — произведения из проволоки, где линией изображается контур, а воображение зрителя рисует объем. Изображение очень лаконичное, а лаконизм привлекателен своей емкостью: он возбуждает интерес, приводит в действие фантазию.

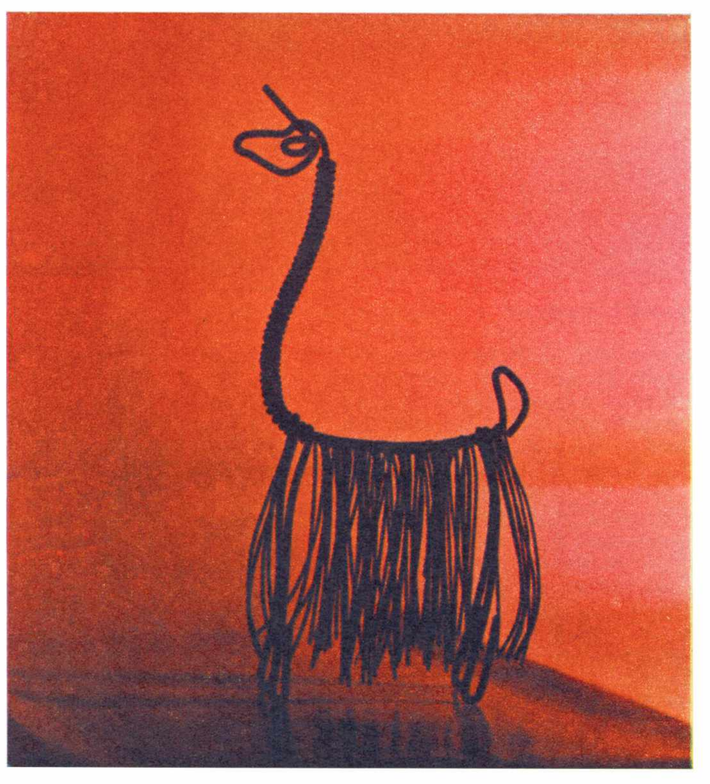
Декоративные произведения Цигаля полезны в быту: вазочки для цветов, подсвечники и пепельницы. Они красивы, современны и веселы.

Виктор Цигаль — отличный анималист. Уже в дипломной работе в его иллюстрациях к «Белому клыку» проявилась любовь к животным, интерес к их характерам. Его анималистические рисунки удивительно точны, нередко он привносит улыбку в эти произведения, и получается как бы дружеский шарж на зверей. Его олени, ламы, львы, ослики живут своей веселой жизнью и украшают наш быт.

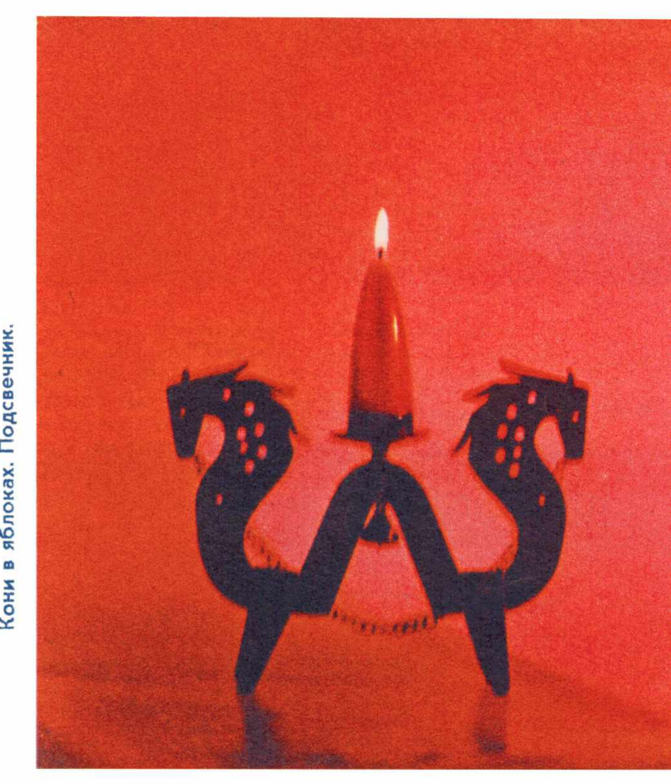
Н. СВЕТЛОВА

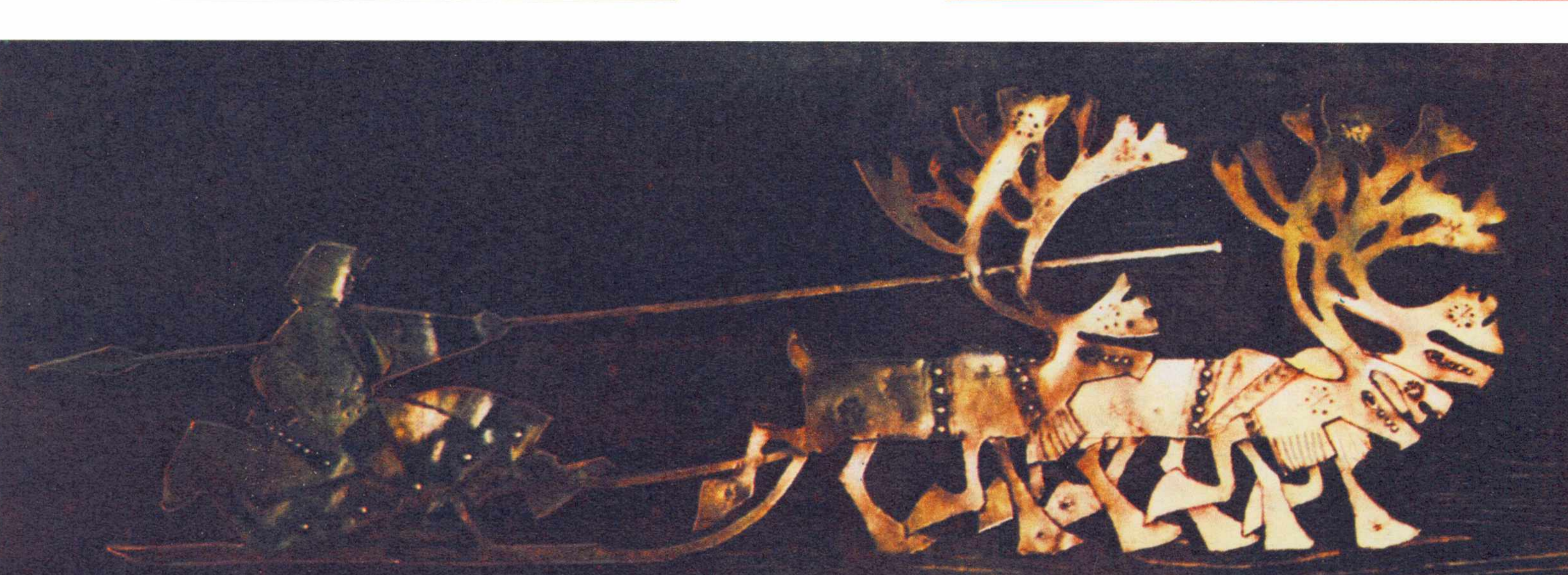
В. Цигаль. Чайки кричат. Акварель.

Лама. Декоративная фигурка из железа.

Кони в яблоках. Подсвечник.

Полярная ночь. Чеканка.

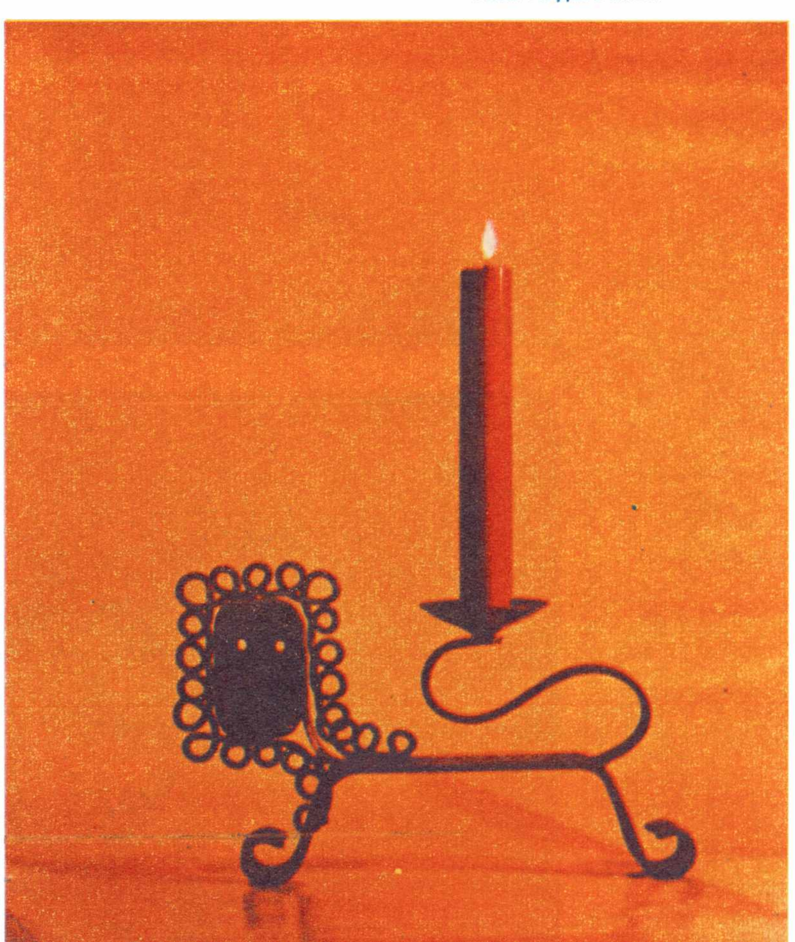
В. Цигаль. Северное сияние. Подсвечник.

Красный светильник.

Лев. Подсвечник.

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Начинать Иван Иванович любил с мелких свидетельских показаний — обычно с людей, непосредственного отношения к происшествию не имевших. Выяснял общую картину, так сказать, фон. Случалось, что на первый взгляд пустяковые детали проливали свет на все дело.

Взять хотя бы следствие о неопознанном трупе в кювете у Минского шоссе. Давнее, правда, дело... Раскрытием этого зашедшего в тупик дела Иван Иванович до сих пор гордится. Тогда его кропотливость сыграла решающую роль.

Дело, в котором сейчас предстояло разобраться, ни в какое сравнение с тем не шло. Собственно, настораживал пункт второй: не подсунута ли боевая граната Зырянову с злой целью?

Уже у Жолудевых за чайком Мефодиев разузнал не пустое.

Выяснились некоторые существенные обстоятельства. Главное, что с отцом у Спартака — особенно в последнее время — отношения были тяжелые. Не так давно Зырянов обвинил сына чуть ли не в предательстве. Многие видели, как он, схватив Спартака за плечи, стал его трясти «прямо в исступлении».

Не было согласия и между супругами Зыряновыми. Менее опытного человека, чем Мефодиев, это могло бы удивить. Супружеская чета всем казалась дружной, а в первые годы прямо-таки образцовой.

Потом подгадила статейка в райгазете — однако могли написать и по злобе. Недаром же вмешался сам Климов, не дал делу хода, больше того, продолжал поддерживать дружеские отношения с Зыряновым.

Важно было установить: не настраивала ли против отца Спартака мать? Не взвинчивала ли сына? Тем более что, по полученным сведениям, мальчик он нервный.

А что многое, особенно в семейной жизни, при ближайшем рассмотрении оказывалось иным, к этому Мефодиев давно привык. Следователь невольно усмехнулся, вспомнив вздорную историю: одного гражданина обвинили, мол, так бьет свою жену, что соседям даже через стенку удары слышны, а у нее синяки то под одним глазом, то под другим, только молчит, бедная, скрывается... А оказалось, что муж-то спортсмен, на мешке с песком тренируется, а у жены тушь плохая, вот и синяки под глазами.

Да, всякое бывало!

Положив перед собой список свидетелей, задумался: кого же вызвать первым? Целесообразнее всего начать с второстепенных, ну хотя бы с завпрачечной Губановой Д. А.

Это к ней почти сразу же после взрыва зачем-то притащили окровавленную гимнастерку, нижнюю рубашку пострадавшего. Впрочем, Иван Иванович учитывал, что в такие минуты люди почти всегда делают нелепости.

Приоткрыв дверь кабинета, он мягко, не повышая голоса, вызвал Губанову Дарью Алексеевну.

Была Губанова вся точно застиранная... Застиранная да еще крепко, в жгут, отжатая. Такие перестиранные, с извечным испугом в мутных глазах никогда против начальства не покажут. Мефодиев знал это: о Лакриной решил Губанову особо не расспрашивать. Были у него к ней и другие вопросы — лишь бы рев не закатила. Пока дело не дошло до нашатыря, Иван Иванович сразу же применил иной, но также испытанный прием.

Пол, возраст? Где родилась? Имела ли судимость?

Особенно действовал последний вопрос.

Вместо рева Губанова, словно булыжник заглотнув, на вопросы ответила толково: и пол, и возраст, а судиться — бог спас! — не привелось.

Одежду Василия Андреевича ей какой-то мальчишка приволок, фамилию-то не спросила, а в лицо, может, и признает... Не знала и чье это. Уж потом, что Василия Андреевича... Не успела она все это тряпье — что было в крови да в щепе — замочить, как прибежал завхоз Жолудев.

— Жолудев? Яков Егорович?

— Он самый. Яков Егорович.

— Зачем же прибежал?

— Приказал ничегошеньки не трогать, а ждать, когда милиция прибудет.

— Так, так. А супруга Зырянова Антонина Степановна к вам не заходила? Распоряжений никаких не давала?

— Распоряжений? Это об чем же? Раз уж такое стряслось... Видать, округ покойни...

— Пострадавшего,— поправил Мефодиев.

— Да, округ его хлопотала, докторов скликала... Инергичная. И тут не потерялась!

О Лакриной завпрачечной отзывалась не только хорошо, но восторженно.

— В работе ничем не брезгует, не белоручка какая-нибудь! Если надо, куда угодно своими руками залезет, верите ли, одеялки самолично помогала вытрясать! Чтобы выпаривали их ежемесячно, тоже лично следила... Садики лазоревые, а не постельки! Людям Антонина Степановна тоже условия дает... К Дню Восьмого марта прачечной всегда премиальные. Сейчас комнату обещала дать отдельную, а пока жить приходится вместе с... одной.

— С кем же?

— Так, с девчонкой одной... С Синицыной...

— С Синицыной Раисой? — уточнил следователь.

— С Раисой.

Мефодиев помолчал, потом спросил как бы вскользь:

— Как у Антонины Степановны с мужем отношения? Нормальные?

— Разное говорят, товарищ судья...

(Мефодиев поправил ее, но она так и продолжала называть его судьей.)

— Кто ж рассудит мужа с женой? — Потом решительно, с отчаянностью человека, бросающегося в воду: — Обижал ее Василий Андреевич!

— Как обижал?

Губанова потупилась. Затеребила край передника.

— Разное...

— Вы смелее, Дарья Алексеевна. Для пользы дела.

— Промежду... С этой Синицыной Райкой, говорят, у него б ы л о. И в Москву отлучался часто. Антонина Степановна тоже против этого скандалила.

Подтвердила свидетельница, что у Зырянова и с сыном нелады. Своими глазами видела, как совсем недавно тряс он Спарташку за плечи, «ровно душу с него выбивал».

Не скрыла и того, что выпивал Василий Андреевич. Особенно последнее время...

— Последнее? Это когда же?

— Можно сказать, перед... бедой.

Мефодиев помолчал.

— А в тот день, когда это случилось? Не замечали, Дарья Алексеевна, трезвый он или выпивши был?

Губанова затеребила передник...

— К делу, Дарья Алексеевна. Так как? Вполне был трезвый?

Подняла глаза — встретилась с острым, как гвоздь, глазом следователя. После легкого инсульта веко на другом глазу было у Мефодиева опущено.

— Видала его поутру, как на работу шла. Мыло два килограмма получила, несу. Будто пошатывался он малость...

Потом заторопилась, будто спохватившись.

— Человек-то Василий Андреевич добрый был (она уже говорила о Зырянове в прошедшем времени), простой, для всех откровенный!.. Меня, можно сказать, жалел... Как заболела, он в больницу-то... мне... ва-вафли...

Лицо Губановой дернулось, поползло.

Как всегда, бабий вой следователь успел вовремя предотвратить. Еще не проводив Губанову, внушительно, громко вызвал следующего свидетеля.

В основных интересующих его пунктах почти все дальнейшие показания сходились: и то, что Лакрина — руководитель «сильный», и что

Продолжение. См. №№ 31—33.

у ее мужа с Синицыной «что-то» было, и что выпивал Зырянов, и с сыном ссорился.

Особое внимание Мефодиев обратил на показания двух очевидцев, лично слышавших, как после последней отцовской встряски Спартак Лакрин-Зырянов говорил, что отомстит отцу.

Оценка личности потерпевшего была весьма разноречива. Но в практике старого следователя чаще всего так и случалось. И все же в данном случае характеристики были уж слишком крайними, резко противоречивыми, запутанными: то выходило, что Зырянов — человек хороший, отзывчивый, честный, прямой, то чуть ли не забулдыга и грубиян.

Если бы не привычка крепко держать основную нить следствия, Иван Иванович мог увязнуть в непроходимых дебрях. Он же методически и спокойно через эти дебри продирался.

Жолудева он допрашивал с подчеркнутой отчужденностью, тем более что по предыдущим показаниям уже знал о его неладах с Зыряновым. Яков Егорович все вытирал платком свое схожее с выменем полнокровное лицо, на котором, словно слезы, проступали капельки пота. О пострадавшем говорил благодушно, почти сочувственно, порой даже покровительственно. Последнее не понравилось Мефодиеву, видевшему Зырянова не один раз.

Главное, что подчеркивал завхоз, было полное неумение Василия Андреевича разбираться в практических делах, даже в таких, что, по его мнению, доступны «пацаненку малому».

А это, по его мысли, происходило потому, что «зашибал беленькое». Делал же Зырянов это из зависти к жене, которая «высоко над ним поднялась». Антонина Степановна — человек с головой, хозяйка всему делу, а он... одним словом, пустой номер, а не человек. Может, в свое время, под военный духовой оркестр, он и хорош был, а вот теперь...

— Вы, гражданин Жолудев, военной характеристики Зырянову не давайте: это для специалиста... Только свои знаки отличия он не за одни парады заслужил,— резко оборвал Мефодиев.

В войну Иван Иванович потерял сына.

Большим, проглаженным платком с голубем мира Жолудев еще раз отер лицо.

— Товарищ следователь, да разве я против подвигов?! Я со всем уважением к товарищу Зырянову... Не смотрел на то, что он меня, можно сказать, столько раз в грязь втаптывал! Сам слаб, а мне то одно, то другое пришивал... Помните, с яблоками-то? Будто я налево... Да еще полуторатонку! Куда хватил! А оправдался ли наговор его? Не оправдался! И так во всем... Сам в деле, простите за прямые слова, нуль без палочки, а в бутылку лезет, цепляется! С тарой тоже — ящики его любимчик Мазилов Мишка с Семкой Хазиным на кострах пожгли, а он обратно клеит на Жолудева... На таре, мол, Жолудев наживается! А что на ящиках-то наживешь? Смех один! Лучше бы сказал, как по прямой его вине Мазилов с дружками своими клуб чуть не спалили! Вот что белая головка-то делает!

— Это как понимать «чуть не спалили»? — Мефодиев вонзил острый взгляд в завхоза.

— Буквально, буквально, товарищ следователь! Только благодаря Антонине Степановне дело наружу не вышло. Эти мальчишки-то до того обнаглели, что рисунок какой-то неприличный... парне... парни...

— Порнографический,— уточнил Мефодиев.

— Одним словом, грязь развели.— Жолудев отерся платком.— Невыносимую! Их выгнать порешили, а кое-кто высказался, чтобы прямиком в трудоисправительный... Как эту... Битюгову Машку. Она, сучка, вздумала здесь проститу...

— К делу попрошу ближе.

— Дело-то уж больно некрасивое, товарищ следователь! Не знаю, говорить ли?

— Говорите.

— После решения-то об исключении их как сдунуло. Ни Мазилова, ни Хазина, ни Черных Витьки не доискались. Да еще с ними двух-трех... А их, голубчиков, оказывается, сам Зырянов укрыл. У себя, можно сказать, под крылышком! Ключ-то от клуба у него как у культурника был. Так он им открыл. Нанизу, в подвальном помещении, сгрудились... Ночью-то им холодно, что ли, стало... До чего додумались: костерчик из стружек, что со стройки-то остались, разложили. Выпили дружки, и сон их сморил. Хорошо, что жена моя Катерина мясо в холодильник пошла относить,— почуяла, гарью из подвального оконца тянет!.. Сами чуть не сгорели и клуб чуть... Он-то подороже всякой там тары... В общем, вышли тары-растабары!

Яков Егорович любил пошутить, ценил в себе это качество, особенно если удавалось в рифму.

— А этот случай произошел задолго до несчастья с Зыряновым?

— Нет, можно сказать, впритирочку. И сейчас, товарищ следователь, подите взгляните, проемы в нижних-то оконцах подкопченные... И Губанова Дарья и моя Катя с содой оттирали — не берет! Я им — каустиком надо! Он ядучий да везучий. И дерет и спуску не дает!

Мефодиев раздумывал, глаз свой устремив куда-то поверх жолудевского с толстой складкой лба.

— Вы не заметили, что этот случай на Зырянова тяжело подействовал?

— В каком смысле?

— Переживал он?

— Никакого переживания не заметил. Был как всегда.

— Выговор ему дали? Или с работы сняли?

— Этого тоже не было. Тут Антонина Степановна, видно, прикрыла. Шума не любит. И с работы не сняли.

— Значит, случай этот спокойно прошел?

Свидетель задумался: шевельнулась толстая складка на лбу.

— На Спарташку своего зверем накинулся: это, мол, ты на ребят донес? А чего доносить-то, когда, говорю, моя Катерина, проходя, гарь почуяла? Огнетушитель, слава богу, в клубе был... пеной-то пламя сшибли... Пены-то на копейку, а брехни-то на шубейку...

Следующим был инспектор районо Гусаков. Человек высокий, с небольшой головой на длинной шее и маленькими твердого взгляда глазами, он как бы оправдывал свою фамилию. По его словам, о пожаре в клубе известно ему не было. Рисунок же, или, как он выразился, «гротеск», видел и находил действительно грязным. Мазилов попытался изобразить кого-то в виде гуся. И что, по мнению Гусакова, было особенно бестактно,— в вышитой по-украински рубашке.

На этот раз следователь совершенно непроизвольно взглянул на его ворот, но инспектор был при галстуке и, несмотря на теплую погоду, очевидно, соответственно моменту, в строгом черном костюме.

Гусаков, поймав этот взгляд, чуть улыбнулся.

— Вы, Иван Иванович (он уже знал имя и отчество следователя), не подумайте, что мной руководят, так сказать, узколичные мотивы. Скажу даже, что имеются в этом Мазилове Михаиле кое-какие задатки. Меня беспокоит моральная сторона вопроса, и хотя я скорблю по поводу несчастья с Зыряновым, не могу по долгу, ну хотя бы службы закрывать глаза на теневые стороны его личности. Когда пародия Мазилова появилась, а вместе с ним подпись сочинял Хазин, надо было сразу же отсечь от коллектива этот, так сказать, заболевший орган, а не скрывать его, как сделал этот Зырянов! Сделал непедагогично!

Мефодиеву по-своему понравилась плавная, грамотно звучащая речь. Он даже ощутил в ней что-то обволакивающее. Поэтому напрямик спросил о криминальном рисунке:

— Похабное в этом гротеске было?

— Повторяю, что прямо похабного, как вы выразились, не было.

Гусаков на секунду, как бы собираясь с силами, задумался:

— Но, Иван Иванович, разве люди все прямо в лоб выкладывают? Вся соль в том, чтобы под любой оболочкой истинную суть учуять.

— А если поконкретнее?

— Начну прямо с личного, дабы у вас не было основания заподозрить меня в необъективности. Подумав, в рисунке можно было узнать живых, конкретных людей. Рука некой чернобровой и, как видно, волевой гражданки протягивает на блюде хлеб-соль. С обручальным кольцом, замечу, рука; а к даровому, как надо понимать, угощению тянется клюв... Это еще полбеды. Главное, что есть символы, над которыми потешаться — дело непростительное. Ведь даже при въезде сюда большие слова можно прочесть: «соль... хлеб...» А ведь этот хлеб прежде всего заработать своими руками надо. Своими, гражданин следователь!

Гусаков даже вытянул свои бледные, костистые руки.

Эта мысль была близка Мефодиеву, и он не удержался, кивнул одобрительно.

— И еще малевали-то, допустим, мою грешную персону, мол, кто за рядового работника вступится?! Пешка, не больше! А метили в ином... Не у меня одного, простите, этакие, с вышивкой рубашки.— Подобие улыбки шевельнуло узкие губы инспектора.— При поощрении Зырянова этот Мазилов до того распоясался, что не захотел клумбу-портрет оформлять.

— Какую клумбу? — спросил следователь изумленно.

— Клумбу-портрет. Видели?

Мефодиев промолчал — не хотелось говорить. Да, как видно, этот Мазилов да и его покровитель в искусстве и впрямь не того...

— Но бог с ней, с эстетикой. Повторяю, на другое был у мазиловской компании поход... А уж мимо этого пройти мне гражданская совесть не позволяет! Понимаете, о чем я, товарищ следователь?

Мефодиев заметил, что Гусаков по-настоящему взволнован. Кивнул молча, но основную линию допроса не оставил. Спросил о Лакриной, о ее отношениях с мужем.

О Лакриной Гусаков отозвался положительно, хотя и отметил, что характер у нее несколько тяжеловат и общей культуры немножко недобор. Однако все это искупается ее энергией, волевыми качествами и выдержкой. Синицыну и ту не выставила, стерпела.

— Что же с Синицыной? — вонзил глаз Мефодиев.

Хотя в Барышевке он пробыл считанные часы, а красивую девушку заметил. Мимо той примечательной клумбы прошла, чуть с ним не столкнулась. И верно, такая, из-за каких обычно вся каша и заваривается...

— Синицына, блондинка? Глаза голубые и

платье голубенькое? — озабоченно спросил Иван Иванович.

Гусаков печально кивнул.

— В печати заговорили... Читали, может, фельетон?

Иван Иванович не ответил. Чего-чего он только за свой век не читывал! Научился относиться критически. Тем более что сейчас интересовало его другое.

— Не заметили, что Зырянов эту статейку тяжело воспринял?

— Сказать точно не могу.

О Спартаке инспектор показал, что мальчик он способный, развитой, только излишне впечатлительный, нервный, склонный к индивидуализму и с «заскоками».

К версии о том, что Спартак умышленно подсунул отцу боевую гранату вместо учебной, Гусаков отнесся неопределенно.

Сказал только, что дурной пример отца мог нравственно покалечить и сына.

— Поверьте, больно мне за Василия Андреевича. Но масштабней смотреть надо! Шире! Не в его личных качествах дело, а в пагубном примере, в аморальном влиянии на молодежь!

— У вас какие отношения с Зыряновым были? — спросил следователь.

— Лично, повторяю, никаких. Но я не мог по делу службы смотреть сквозь пальцы на выходки, которым вольно или невольно Зырянов содействовал. Против его кустарщины также, как мог, боролся.

— В чем же она?

— И в организации своего так называемого актива, и в выборе — помимо рекомендованного — репертуара для кружка самодеятельности, и в комплектации библиотеки — всего не перечислишь! Анархические замашки, если взять суть! А результат,— Гусаков вздохнул,— как говорится, налицо!

С этим Мефодиев не мог не согласиться. Потом перед Мефодиевым замелькали другие свидетели. Понравилась ему Лакрина. Не нюнила, не юлила, не рисовалась. Что бы там у нее в семье ни было, а мужа своего не чернила. Только на вопрос о Спартаке словно вся запылала.

— Не могло этого быть, товарищ следователь! Не могло!

Вглядываясь в ее чернобровое, все еще свежее, крепкое лицо, Иван Иванович подумал, что такой женщине прямо грех изменять! Вот его Надежда Васильевна ни в какое сравнение с ней не идет, а ведь за всю свою с ней сорокалетнюю жизнь он ни разу плохого себе не позволил! Ни разу!

На вопрос о том, как муж насчет спиртного, Лакрина совсем просто, ничего не размазывая и не жалуясь, кратко ответила:

— Сами знаете.

И про Синицыну тоже: «Сами знаете».

На одном стояла крепко, непоколебимо: когда случилась беда, муж был нетрезвым. Если надо, это и местный врач Зайцомский подтвердит.

Когда заведующая ушла, в кабинете остался даже приятный запах духов...

Срочно вызванный Зайцомский подтвердил. Картина уточнялась. И, главное, не противоречила здравому рассудку старого следователя. Был он человеком, реально видевшим мир, не из фантастов. Товарищи по работе недаром звали его «буквалистом» и, хотя не числилось за Иваном Ивановичем особо эффектных дел, относились к нему с уважением. Было известно, что даже в особенно трудные для работников юстиции времена следователь Мефодиев строго придерживался фактов и дел не «лепил».

Он выслушал уже многих и трезво, чуть отдаленно рассматривал собранный материал. Независимо от личных его оценок, симпатий или антипатий — а это не могло не иметь места,— следователь старался через мусор сплетен, слухов, своекорыстной заинтересованности и даже присущей кое-кому глупости добраться до истины.

Хотя Лакрина и произвела на него хорошее впечатление, он не совсем верил показаниям зависимых от нее людей. На то они и зависимы! Он понимал, что самое тяжелое для себя Лакрина хотела отвести — предумышленность в поступке сына.

Спартак на допросе держался волчонком. Почти каждый свой ответ начинал с «ну».

— Ты нашел гранату?

— Ну, нашел.

— Отцу принес?

— Ну, принес.

— Подал ему?

— Ну, подал.

Глядя на подергивающееся, изжелта-бледное лицо мальчишки, Мефодиев, не повышая голоса, сказал:

— Ты меня сперва оседлай, тогда и нукай.

Нечто схожее с улыбкой дрогнуло у губ Спартака, черные, странного разреза глаза сверкнули, напомнив следователю его отца.

Зырянов-младший ни от чего не отпирался, только был крайне немногословным.

— Знал ли, что граната могла оказаться не разряженной?

— Знал.

— С отцом ссоры бывали?

— Бывали.

— Последнее время тоже?

— Тоже.

Спросил Мефодиев и о той ссоре, когда отец, по показаниям многих, его «тряс».

Спартак угрюмо кивнул: да, тряс.

— Верно ли, что после этого случая говорил, что отомстишь отцу?

— Верно.

— И не раз это говорил?

— Да.

Ни одной лазейки не пытался, дурачина, найти. П р о с т о к в а ш а! (Это словцо в иных случаях и, конечно, не вслух возникало у Мефодиева.)

Не в мать он... Нет, не в мать!

Осторожно, почти нежно подкрадывался Иван Иванович к основному вопросу. Сначала спросил о боковом, несущественном: из-за чего была ссора, когда отец «тряс»?

Произошло неожиданное: мальчишка и впрямь чуть ли не в припадке затрясся.

— Какое ваше дело?! Пошли вы... знаете куда?

Мефодиев ждал худшего. Но Спартак совсем по-школярски звонко выкрикнул:

— На фиг!

Мефодиев, наконец, задал центральный вопрос: зачем он передал отцу гранату?

Спартак словно не расслышал — мутно, а при подобных обстоятельствах и непристойно ухмыльнулся.

Старый следователь знал, что если найдет на человека этакая мутная ухмыльчивость, ничего толкового ждать не приходится и надо отложить допрос на следующий день, а может быть, и больше.

Глядя на это потускневшее, как мгновенно смазанный рисунок, лицо, Мефодиев разрешил Спартаку уйти. Предупредил только, что еще продолжит с ним беседу.

Спартак смотрел все так же безучастно.

Когда он неровной походкой вышел, следователь в списке свидетелей красным карандашом подчеркнул фамилию: «Мазилов М.». Напарника Спартака надо найти как можно скорее!

Тип этот, конечно, был не из положительных, недаром удрал! Несомненно, имел разлагающее влияние на младшего товарища. Прав Гусаков и в том, что Мазилов Михаил совершенно не понимает искусства.

Одна трещина (а Мефодиев не позволял себе эти трещинки замазывать) возникла в стройном здании. По словам того же Гусакова, Мазилова любил, выделял изо всех Зырянов. Мог ли тот относиться враждебно к своему покровителю?

Почему же тогда?..

Следователь устало прикрыл и второй свой глаз. Годы давали себя знать.

Наедине он позволял себе быть простым дедушкой. С улыбкой нащупал во внутреннем кармане пиджака осколочек из примечательной клумбы. Представил себе радость Верушки...

В кабинете возник кургузенький, в белом мятом халате человечек — детдомовский врач Зайцомский. Он был явно взволнован.

— Товарищ Мефодиев, Василий Андреевич наконец пришел в себя. Может говорить...

Следователь мгновенно, по-молодому поднялся. Показание Зырянова почти все разрешало.

Продолжение следует.

У истоков важнейшего из искусств

К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Ал. РОМАНОВ,
Председатель Комитета
по кинематографии
при Совете Министров СССР

В 1947 году вышла из печати книга известного советского искусствоведа и организатора кинопроизводства М. Н. Алейникова «Путь советского кино и МХАТ», посвященная проблеме взаимоотношений театрального и кинематографического искусства, а точнее — попыткам организованного внедрения в фильмопроизводство в условиях немого кино системы Станиславского, творческих методов художественной школы МХАТ. Ныне эта любопытнейшая книга стала библиографической редкостью. А жаль! В книге собраны суждения о кино, о взаимоотношениях драматурга, режиссера и актера выдающихся деятелей советского театра и кино: К. С. Станиславского, В. И. Пудовкина, И. М. Москвина, Я. А. Протазанова, Л. М. Леонидова, В. И. Качалова и других художников, рассматривавших кинематограф как новый вид искусства, безусловно, родственный искусству сценическому, но обладающему своими особыми законами.

«Киноискусство,— писал В. И. Пудовкин во вступительной статье к этой книге,— утверждалось как вполне самостоятельное искусство, но его правильное развитие не могло быть оторвано от драгоценных источников культуры: театрального искусства, литературы, живописи, музыки».

Кажется, что в наше время все эти положения выглядят само собою разумеющимися и никем не оспариваются. Между тем в течение нескольких десятилетий, пожалуй, со времени открытий Т. Эдиссона и Л. Люмьера, шел спор о том, является ли кино искусством. И хотя, как утверждает М. Н. Алейников, «русский кинематограф не встретил со стороны театра противодействия (как это случилось на Западе) и не был встречен театром как сила враждебная», потребовались годы и главным образом советские годы, достижения советского киноискусства — искусства социалистического реализма, чтобы утвердить в творческой среде отношение к кинематографу как к искусству, причем искусству самостоятельному, прокламирующему свою эстетику, своими чисто кинематографическими средствами выражения раскрывающему сущность реальной действительности.

Нельзя, однако, не отметить, что и объективные условия для развития кинематографии в нашей стране как искусства высокого и благородного для подлинно свободной творческой деятельности выдающихся мастеров советского, революционного киноискусства были самыми благоприятными.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение государства, подписанный В. И. Лениным 27 августа 1919 года, положил начало развитию советской кинематографии как общенародной, государственной отрасли промышленности и культуры. Кончилось господство хозяйчиков и торгашей, рассматривавших кинематограф как средство личного обогащения. Коммунистическая партия и Советская власть сообщили нашей кинематографии те морально-политические и экономические стимулы, которые позволили ей в течение двух последующих десятилетий приобрести свои собственные, неповторимые черты.

Конечно, фильмопроизводство и прокат фильмов существовали в России и до Октября. Наряду с европейскими и американскими кинокомпаниями и в России существовали кинопредприниматели и киноателье, оснащенные преимущественно импортной аппаратурой и на импортной пленке выпускавшие хроникальные и игровые «туманные картины» самого различного содержания, в которых, по словам А. М. Горького, отражалась не жизнь, а тень жизни. Увы, в массе своей это были картины действительно «туманные», действительно «теневые», весьма далекие от истинного искусства.

Только Великий Октябрь, только социалистическая революция превратили кино в искусство, способное просвещать и воспитывать, учить жить по-новому, поднимать и воодушевлять миллионы людей в борьбе за высокие и гуманные идеалы.

Кино — самое важное из искусств, как охарактеризовал его В. И. Ленин,— потеряло свой первоначальный характер аттракциона, рассчитанного на неразвитый вкус, став орудием ленинской культурной революции, действенным средством познания жизни и художественного осмысления действительности.

На киностудии Москвы, Ленинграда, Киева, Ялты, Одессы, Еревана, Тбилиси, ставшие достоянием государства, пришли люди, воодушевленные желанием создавать новое искусство, способное служить трудовому народу, социалистической революции.

В сентябре 1919 года открылась Московская государственная киношкола (ныне Всесоюзный государственный институт кинематографии), призванная готовить творческие и технические кадры советского кино.

«На долю нас, советских кинорежиссеров,— писал впоследствии Сергей Эйзенштейн,— выпала задача не только делать фильмы, но еще и осознавать, строить и формулировать первичные принципы кинематографической культуры и эстетики вообще».

В небольшой комнатушке старинного особняка в Малом Гнездниковском переулке в Москве монтировал свою знаменитую «Киноправду» Дзига Вертов. Производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающих советскую действительность, как и советовал В. И. Ленин, начиналось с хроники.

Появление «Броненосца «Потемкин» Сергея Эйзенштейна и «Матери» Всеволода Пудовкина стало подлинной революцией в игровом кино, в художественной кинематографии. Триумфальное шествие этих фильмов по экранам Европы и Америки сопровождалось признанием кинематографии как высокого искусства в самых, казалось, консервативных и даже реакционных творческих кругах. Эйзенштейн и Пудовкин открыли не только необозримые возможности кинематографического монтажа, построения кадра, формирования образа, новых средств актерской выразительности. Они открыли человечеству новый мир — мир социализма, народ в революции, вдохновенное искусство первого в мире государства трудящихся.

«Революционность Эйзенштейна с его гигантским экспериментом,— писал кинорежиссер Сергей Герасимов,— заключалась в том, чтобы выделить из существовавших в то время признаков кинематографа такие, которые выражали его суть. И он из маленького интерьера, где разыгрывались любовные мелодрамы с самоубийствами, заламыванием рук, с черными кругами вокруг глаз у звезд первого, начального периода кинематографа, шагнул к броненосцу с революционными матросами, с лестницей, которая стала классической для образа социальных сражений, и дошел до красного флага, который он дерзко нарисовал, словно угадывая и будущий цвет, как своеобразную силу нового искусства».

Необычайной силой эмоционального воздействия обладала «Мать» Всеволода Пудовкина — новаторская работа мирового масштаба. Фильм покорял правдой и благородством характеров, остротой и достоверностью положений, динамизмом действия, глубокой авторской взволнованностью и вдумчивым, настойчивым проникновением в рабочую жизнь. Теоретиков же кино фильм поразил новым пониманием задач режиссуры, тщательной работой с актерами, оригинальностью композиции и образного строя фильма.

Вслед за Эйзенштейном и Пудовкиным появился Александр Довженко. Родоначальник украинского советского киноискусства, он создал ленты, пронизанные подлинной поэзией и воинствующей мыслью художника-большевика. В «Звенигоре» и «Арсенале» содержались яркие открытия художественного познания жизни, сочетались глубокая философия, патетика и лирика, фольклор и ораторский пафос. «Земля» Довженко стала крупнейшим событием в мировом кинематографе. Не случайно кадрами из этой чудесной картины, исполненными особой живописной выразительности, теперь иллюстрируют книги по режиссуре.

Примерно в то же время Григорий Козинцев и Леонид Трауберг основали студию ФЭКС. Из этой студии, где сталкивались разные мнения, течения и творческие устремления, вышли многие видные деятели советского кино. Их фильмы, сыгравшие значительную роль в становлении советского киноискусства, были пронизаны юношеским задором, особенно в поисках новых форм кинематографической выразительности и одновременно вдумчивого, серьезного отношения к времени и искусству.

В тридцатые годы — уже в пору звукового кино — Г. Козинцев и Л. Трауберг поставили трилогию о Максиме — три фильма о судьбе

простого русского парня, рабочего-революционера, исполненные простоты и глубочайшей жизненной правды. Молодой актер Борис Чирков создал в этих фильмах образ питерского рабочего, ставшего большевиком-ленинцем, активным бойцом Коммунистической партии, строителем Советского государства.

В 1934 году на экраны страны вышел знаменитый фильм Георгия и Сергея Васильевых «Чапаев».

«Чапаев» не был обычным фильмом о гражданской войне. Это был фильм о человеке из народа, ставшем полководцем, о народе, взявшем власть в свои руки и с оружием в руках отстаивавшем эту власть от многочисленных врагов революции. Сложный самобытный характер, в котором крестьянская «хитринка» сочеталась с удивительным пониманием людей, их стремления к лучшей жизни, создал в этом фильме Борис Бабочкин. Миллионы людей верили и верят, что именно таким и был Чапаев, каким его создал Бабочкин: такова сила истинного искусства.

В тридцатые же годы, которые вошли в историю советского кино как годы его художественной зрелости, Сергей Герасимов поставил «Семеро смелых», «Комсомольск» и «Учитель» — фильмы о новых людях, строителях социализма, покоряющие правдой образов, достоверностью деталей, точностью общей картины народной жизни того времени. Политической страстностью, глубокой разработкой психологии персонажей заявили о себе Фридрих Эрмлер в фильмах «Крестьяне» и «Великий гражданин», Александр Зархи и Иосиф Хейфиц — в фильмах «Депутат Балтики» и «Член правительства», Ефим Дзиган — в фильме «Мы из Кронштадта».

Именно в эти годы советская кинематография воссоздает на экране события Октября, вдохновенный образ Владимира Ильича Ленина. Сергей Юткевич ставит фильм «Человек с ружьем», Михаил Ромм — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Этими замечательными произведениями было положено начало художественной Киноленинианы. Талантливейшее исполнение Максимом Штраухом и Борисом Щукиным ролей В. И. Ленина в этих фильмах стало классикой советского актерского мастерства.

Радовало жанровое разнообразие советского киноискусства, в особенности тридцатых годов, когда на экран пришел звук и цвет.

Григорий Александров, друг и соратник Эйзенштейна, ставит комедии «Веселые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга», Иван Пырьев — комедии «Богатая невеста», «Трактористы» и «Свинарка и пастух», Александр Ивановский — «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится».

Владимир Петров экранизирует знаменитый роман Алексея Толстого «Петр Первый», Юлий Райзман — «Поднятую целину», Марк Донской воссоздает на экране горьковскую трилогию: «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

Ряд значительных кинопроизведений создают кинодокументалисты: Дзига Вертов — «Три песни о Ленине» и «Шестую часть мира», Эсфирь Шуб — «Падение династии Романовых» и «Страну Советов». Она же, используя уникальные фронтовые съемки Р. Кармена и Б. Макасеева, создает фильм «Испания», с огромным успехом демонстрировавшийся по всему миру. Илья Копалин на материале съемок В. Ешурина создает фильм «Абиссиния». Михаил Кауфман выпускает свою «Весну», Александр Згуриди — «В глубинах моря».

Расширяется география советского фильмопроизводства. Заметным общесоюзным явлением становятся фильмы украинского режиссера Игоря Савченко, грузинских режиссеров Николая Шенгелая, Сико Долидзе и Михаила Чиаурели, армянского — Амо Бек-Назарова, белорусских Владимира Корш-Саблина, Юрия Тарича и Миколы Садковича, узбекских — Камила Ярматова и Малика Каюмова и многих других мастеров киноискусства союзных республик.

Художественные, документальные, научно-популярные фильмы замечательных советских кинорежиссеров, стоявших у истоков советского киноискусства: Григория Александрова, Бориса Барнета, Георгия и Сергея Васильевых, Дзиги Вертова, Владимира Гардина, Сергея Герасимова, Ефима Дзигана, Бориса Долина, Юрия Желябужского, Александра Зархи, Александра Згуриди, Александра Ивановского, Романа Кармена, Григория Козинцева, Ильи Копалина, Льва Кулешова, Леонида Лукова, Александра Медведкина, Ивана Перестиани, Якова Посельского, Якова Протазанова, Всеволода Пудовкина, Ивана Пырьева, Юлия Райзмана, Абрама Роома, Михаила Ромма, Григория Рошаля, Леонида Трауберга, Иосифа Хейфица, Владимира Шнейдерова, Сергея Юткевича, Сергея Эйзенштейна, Николая Экка, Фридриха Эрмлера,— разные по стилистике и образному строю, но близкие по духу, создают общую картину развития социалистического киноискусства за первую четверть века Советского государства.

Это все художники-новаторы, бесконечно преданные партии и Родине, партийные и беспартийные большевики, избравшие своим идеалом беззаветное и бескорыстное служение народу, революции, коммунизму. И они создавали произведения, разные по темам и мастерству, но охватывавшие наиважнейшие проблемы современности, глубоко и достоверно отражавшие жизнь народа в суровые, трудные, полные массового героизма предвоенные годы — годы развернутого строительства социализма.

«Как художник,— писал Сергей Эйзенштейн,— разве могу я рассказывать что-нибудь другое о жизни, в которой я живу вместе с моими товарищами, о том волнении, которое я от этого испытываю. Я не состою в Коммунистической партии, но это не значит, что я должен отказаться от изображения на экране тех чувств, которые вызывают у меня мощный порыв и воля масс, совершивших и продолжающих революцию,— тех чувств и идей, которыми так богата новая Россия. Разве художнику не свойственно выражать свою эпоху? Так вот, в СССР не существует ничего другого, достойного отражения, кроме революционной эпохи».

Лучшие фильмы предвоенных лет — и немого и звукового периодов — сыграли поистине неоценимую роль в формировании мировоззрения, мировосприятия, морального облика и характера советского человека. В 1939 году общее число кинозрителей в нашей стране превысило 1 200 миллионов человек, то есть выросло за 10 лет в четыре раза. Эта цифра превзошла общее число посещений кинематографа за 1939 год во Франции, Италии и Германии, вместе взятых. Это был невиданный процесс всенародного признания кино как самого важного из всех искусств, процесс глубокого проникновения искусства в народную жизнь, непосредственного воздействия искусства на сознание и историческое творчество миллионов.

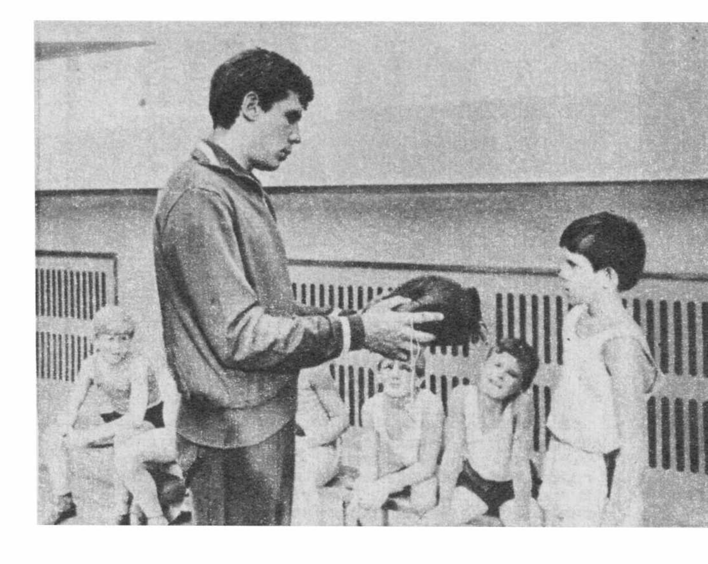
Многие советские художественные фильмы, созданные в 1934—1940 годах, вошли в золотой фонд советского кино, в нашу кинематографическую классику. И короткометражные игровые, хроникально-документальные, научно-популярные фильмы создавались в те годы на всех киностудиях страны. Открывались новые киностудии и новые кинотеатры, создавались киномеханические и кинопленочные предприятия, развертывалась научно-исследовательская работа. К началу 1941 года в сельской местности, где в 1919 году действовало немногим более 140 киноустановок, насчитывалось уже 15 020 киноустановок — стационарных и передвижных. Советская кинематография обретала зрелость и силу.

Живой явью стало ленинское предвидение, высказанное им в разговоре с А. А. Богдановым на даче в Куоккала задолго до революции: «Когда массы овладеют кино и когда оно будет в руках настоящих деятелей социалистической культуры, то оно явится одним из могущественнейших средств просвещения масс».

Таким и вступило советское киноискусство в 1941 год. В его истории, как и в истории всей страны, наступал новый период — период тяжелых испытаний, лишений и трудностей, связанных со злобным и вероломным вторжением в нашу страну фашистской Германии.

Но это уже был новый исторический период. И это особая тема.

Ялта, Севастопольская, 4

Крым. Его живописные просторы давно привлекали кинематографистов. Летом 1918 года в Ялте обосновалась было частновладельческая кинофабрика «Товарищество на паях И. Н. Ермольева», затем сюда начали съезжаться и другие кинопромышленники, но ненадолго Крым оказался для них пристанищем. Уже 22 мая 1919 года «Известия» Ялтинского Военно-революционного комитета опубликовали постановление о национализации кинематографических фабрик, обосновавшихся на Южном берегу Крыма. И вот пятьдесят лет здесь работают, сменяя друг друга, киноэкспедиции.

— Наша студия,— рассказывает директор Владимир Сергеевич Алешин,— живет как бы в двух ипостасях. С 1964 года мы являемся филиалом Московской киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького. А кроме того, мы производственно-техническая база для экспедиционной работы всех киностудий, какие только есть в стране. В прошлом году студия приняла у себя более тридцати съемочных групп, среди них «Мосфильм», Киевская студия имени Довженко, «Беларусьфильм», Куйбышевская телестудия и другие. У нас снималась одна из картин, показанных на VI Московском кинофестивале. Это «Колония Ланфиер», сделанная творческой группой «Мосфильма» и студии «Баррандов» (Чехословакия).

Сейчас в одном из павильонов Ялтинской киностудии заканчиваются киносъемки нового фильма, «Тренер». Его выпускает киностудия имени Горького (режиссер Я. Базелян). Это кинорассказ о мальчишках и девчонках, которым спорт поможет вырасти сильными и здоровыми.

Одновременно снимаются фильм об Аркадии Гайдаре, фильм-сказка Карло Гоцци «Король-Олень»...

В коридоре киностудии висит большой чертеж — план новой киностудии в Ялте. Построенная, она займет большую часть восточной окраины города.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: снимается фильм «Тренер».
Фото А. Туркова.

НЕОБЫЧНЫЙ ЭКСПОНАТ

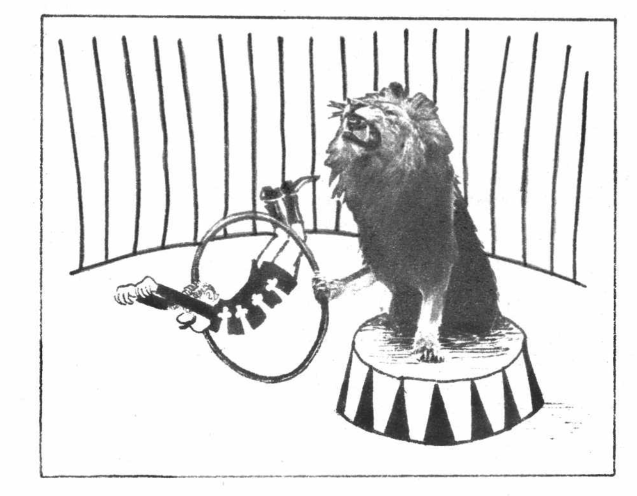
В 1908 году из России в Хиву приехал Худайберген Диванов. Это был замечательный человек — первый хивинский фотограф, первый узбекский кинематографист. В те времена, когда мусульманская религия запрещала изображение человека, Диванов фотографировал, снимал на кинопленку. Кадры, снятые Дивановым, и сегодня смотрятся с огромным интересом, а многие из них входят в фильмы узбекских документалистов. Большое впечатление производят кадры, включенные в документальный фильм «От весны до весны», который рассказывает о тяжелом, изнурительном труде хлопкоробов в дореволюционное время. Нельзя без волнения смотреть, как тысячи крестьян, подгоняемые плетками надсмотрщиков, под палящими лучами солнца выполняют нечеловечески трудную работу. Съемки Диванова — это единственные кинодокументы тех лет о тяжелом, изнурительном труде узбекского народа. Советские люди высоко чтят память Худайбергена Диванова. Ныне в Хорезме, областном центре Ургенче, высится здание нового широкоэкранного кинотеатра, носящего имя первого узбекского кинематографиста. Диванов был прогрессивным человеком, высоко ценившим братскую дружбу узбекского и русского народов. В далекую Хиву из России он привез граммофон («шайтан-трубу») и несколько пластинок с записями революционных песен и гимна большевиков «Интернационала». Более шестидесяти лет назад из раструба «граммофона-агитатора» звучали революционные песни, звавшие народы Хорезма на борьбу с угнетателями. Сегодня граммофон Диванова — один из самых ценных экспонатов историко-революционного музея Хивы.

М. КОСЫХ

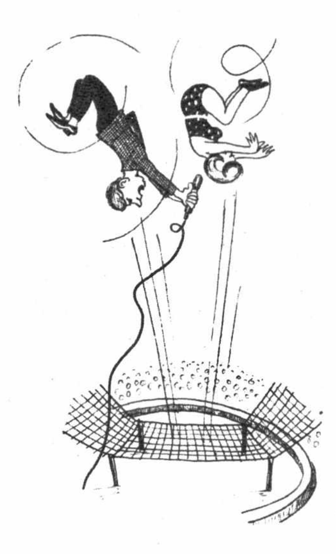
На снимке: «Граммофон-агитатор» Худайбергена Диванова.

ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

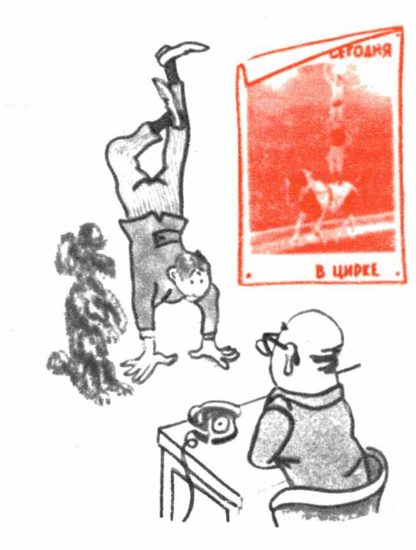
Рисунки Н. ЕЛИНСОНА.

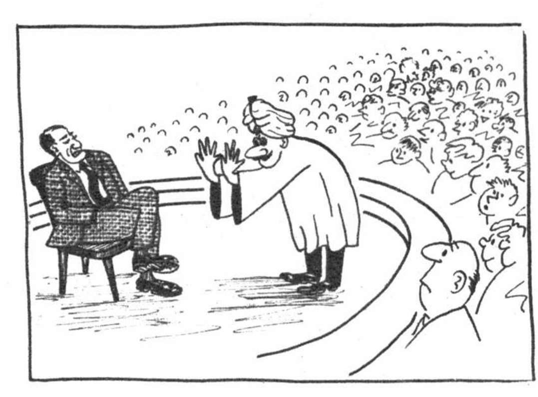
Без слов.

— Скажите, вам не страшно, когда вы делаете этот трюк?

— Кто же все-таки из вас дрессировщик?

— Вы уже спите. Вы в лесу...
— Может быть, но почему вы строите мне нос?..

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ •

ФЕЛЬЕТОН

Мих. АНДРИАСОВ

ЛЕШАЧИЙ СЫН, ИЛИ ЭФИР ПРЕДМЫСЛЕЙ

Нельзя сказать, чтобы Вася Сообразительный тяготился своей фамилией. Наоборот, в ней даже было что-то необычное, этакое военно-морское звучание (недавно он читал книгу о моряках с линейного корабля «Сообразительный»). Тем не менее Васина фамилия требовала от него особых интеллектуальных способностей. А в данном случае у бедного Васи как раз на этом участке и застопорилось дело.

В июне он с медалью окончил школу. Выпускные экзамены наложили на одухотворенное лицо юноши трепетную бледность, но книжка, которую он по наивности купил, поверив ее шепотно-интимному названию — «Я люблю тебя», повергла паренька в тягостное уныние, положила его, как говорится, на обе лопатки.

Истекая потом, Вася читал:

Тончайшие движения души,
эфир предмыслей и
предощущений,
микросистема сумерек,
где это
уже не это, но еще не то...

И в сумерках — светящиеся
нечто,
оранжевым светящиеся,
алым,
зеленым,
голубым.
Иные нечто —
Как пятна пред закрытыми
глазами...

Сообразительный ничего не мог сообразить. Юноша задыхался. В зобу дыханье сперло. Дрожащими пальцами перевернул он страницу:

...и сирень, и сирены
о белужьих хвостах,
и как сирин — свирели
во перстах и устах;
и все прямо и прямо
чрез ржави и ржи,
и все правда и правда —
ни капельки лжи...

«Да что же это такое?— отчаянно думал Вася.— Пушкина понимаю, Лермонтова разумею, Некрасова одолел, в Маяковском разобрался, а тут...»:

Мир мне предстал,
и спросил я его:
— Кто ты?
Зачем ты?

Глобальная поэзия. Глобальные масштабы. Мир рискнул представиться поэту, и поэт не остался в долгу:

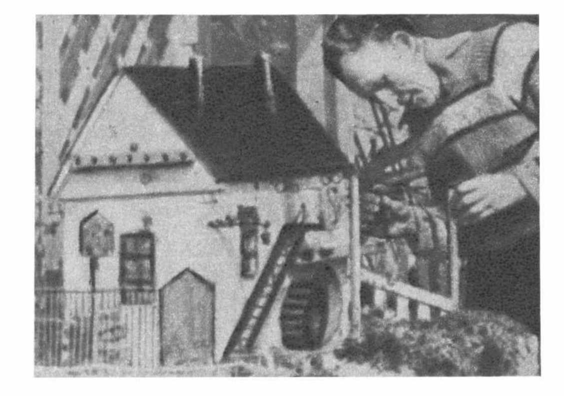
Я миру предстал,
и спросил меня мир:
— Что ты?
Зачем ты?

Вопросы были справедливые. Но Вася еще держался. Почва окончательно ушла из-под ног, когда он дошел до лирического рывка поэта:

Слушай, пусть мне тебя
не хватает.
Пусть тебя мне всегда
не хватает.
Пусть уж лучше тебя
не хватает!
Я боюсь переизбытка тебя.

«Так вот где зарыта собака,— решил Вася,— в переизбытке». В переизбытке околесицы и в явной недохватке редактуры. Только от этой недохватки у автора могли появиться такие «переизбытки»:

...Самым главным лешим
был родитель мой.

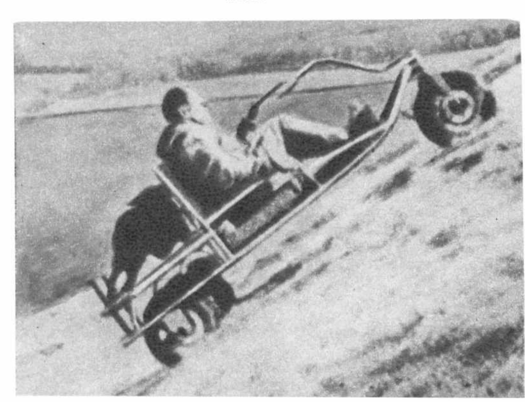

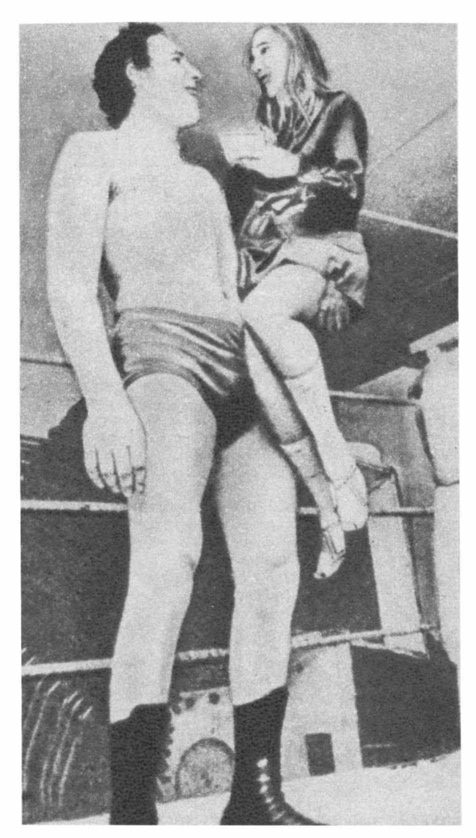
МУЗЫКАЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА

Имре Домян, кузнец из города Папа (Венгрия), в свободное время мастерит разные миниатюрные вещицы. На снимке: мельница, которая мелет зерно под аккомпанемент музыки.

ГОРНЫЙ ТРАКТОР

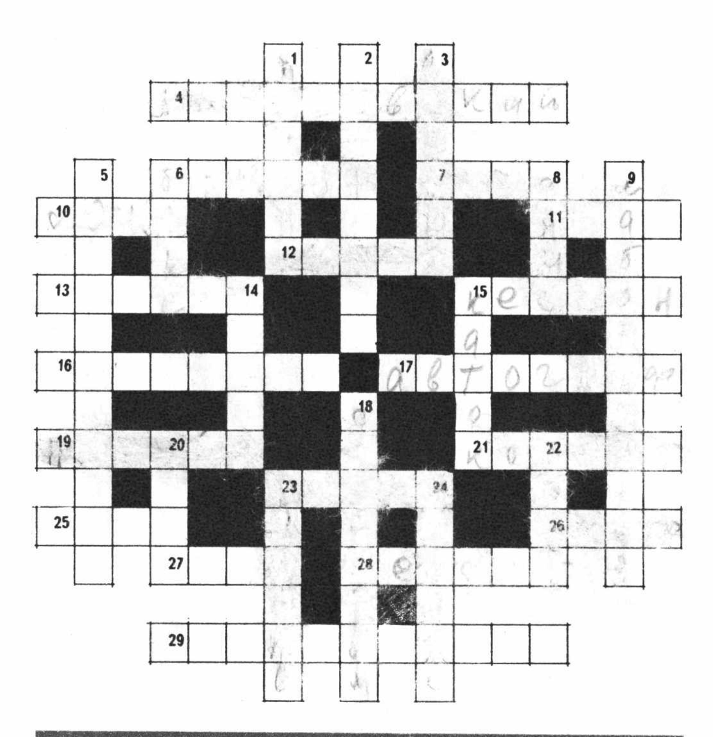
На полях Шотландии появились маленькие трехколесные тракторы, преодолевающие склоны до 45 градусов.

ИНТЕРВЬЮ НА РУКАХ

Рост французского борца Жана Фера — 216 сантиметров, а вес — 150 килограммов. Чтобы взять у гиганта интервью, журналистке пришлось забраться к нему на руку.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский математик. 6. Сыр из овечьего молока. 7. Места в зрительном зале. 10. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 11. Остров в Индийском океане. 12. Областной центр в РСФСР. 13. Советский поэт. 15. Приспособление для работ под водой. 16. Графическое украшение в книгах. 17. Собственноручная надпись. 19. Горизонтальное перекрытие судна. 21. Сладкое кушанье из фруктов и ягод. 23. Торговая палатка. 25. Озеро в Африке. 26. Гоночная лодка. 27. Плотная ткань. 28. Высадка войск на территории противника. 29. Город в Туркменской ССР.

По вертикали: 1. Укрытие для выращивания рассады и овощей. 2. Циклический индукционный ускоритель заряженных частиц. 3. Точильный брусок. 5. Взаимосвязь, согласование, приведение в соответствие. 6. Вид спорта. 8. Сорт яблони. 9. Помещение для научных исследований. 14. Приток Камы. 15. Машина для уплотнения грунта. 18. Площадка для взлета и посадки самолетов. 20. Река в Хабаровском крае и Якутии. 22. Сооружение для перехода, переезда. 23. Промысловая рыба. 24. Название серии советских искусственных спутников Земли.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 5. Параллелепипед. 6. Импорт. 8. Амга. 10. Треска. 14. «Крокодил». 15. Атлас. 17. Паром. 18. Секундомер. 20. «Белка». 22. Кашне. 24. Меркурий. 25. Бейрут. 26. Квас. 28. Гранит. 29. Великобритания.

По вертикали: 1. Халва. 2. Смета. 3. Таволга. 4. Беседка. 7. Местоимение. 9. Микрон. 11. «Коробейники». 12. Трускавец. 13. Писемский. 16. Сосна. 17. Парик. 19. Дикуша. 21. Квартет. 23. Аэрарий. 26. Кроки. 27. Сюита.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

Было тихо-тихо,
и, лешачий сын,
слушал я, как тикают
на руке часы...
...Июль. Полуодета,
в серебряном, как альт,
соитии планета.

Пойти из дома. Как на дно,
На улицу пойти.
Декабрь. Темнеет рано. Но
Не ранее пяти.

Пойти из дома топором,
Опередить луну,
И дождь опередить, и дом,
Идущие ко дну...

«Почему ко дну?— попытался сообразить Вася.— Разве начался всемирный потоп?! Он же давно прошел».

Васе стало дурно.

—Эфир предмыслей... Микросистема сумерек... Во перстах и устах... Чрез ржави и ржи...— исступленно шептали потрескавшиеся губы.

— Сыночек, миленький, что с тобой?— переглядываясь с главным лешим, то бишь с мужем, тревожно спросила Васина мама.

— Это уже не это, но еще не то...—глядя куда-то в космос, сумрачно ответил сын. И зловеще присовокупил: — Холодные очи Иуды под нашими веками спят...

— Хватит, Василий,— изменил тон отец.— Не ерунди!

Васю уложили в постель.

Из ослабевших рук его выпала книжка. Папа взял ее. Прочел: «Владимир Сидоров. Я люблю тебя. Ростовское книжное издательство. 1969».

Книжку стихов В. Сидорова папа читал вместе с мамой. Им все стало ясно.

— За что?— спросила мама.

— Что за что?— не понял папа.

— За что тебя лешим обозвали?— И обреченно добавила:— Всю жизнь скрывал от меня...

Папа-леший не сопротивлялся. Он только снова обратился к поэту. Тот писал:

А бог — он есть.
Он просто не у дел,
в отставке он...

— Верно говоришь, дорогой автор «переизбытков», — сказал отец.— Если бы бог не был в отставке, разве позволили бы тебе этак глумиться над читателями? Поэт-то ты молодой, начинающий, а редакторы-то в издательстве уже, небось, насидевшиеся... Да если бы бог был у дел, разве он позволил бы поэту Н. Скребову писать в послесловии к приведенным стихам: герой новой книги Сидорова — «живое продолжение того интересного, жизнелюбивого, нравственно и физически здорового человека...»? Разве бог позволил бы Н. Скребову так настойчиво и старательно гипнотизировать читателей: Сидоров «остро чувствует красоту природы», пишет «пронзительные стихи об апельсинах и картошке», стихам его присуща лапидарность? Н. Скребов уверяет читателей в том, что автор точно выразил ваши чувства. Наконец,— продолжал папа,— если бы бог был у дел в Ростиздате, разве он позволил бы в эпиграфе к стихам утверждать, что Первая Конная армия освободила Ростов от деникинцев 10 февраля 1920 года? Ростовские октябрята, и те знают, что это произошло в ночь с 7 на 8 января двадцатого года.

— Нет,— решительно закончил папа,— бога действительно нет.

Ростов-на-Дону.

На первой странице обложки: Ученик 8-го класса 10-й школы Волгограда Юра Мельников — помощник машиниста Детской малой Приволжской железной дороги имени 50-летия ВЛКСМ.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Встреча в Японском море. Аквалангист Михаил Истратов из московского клуба подводников «Дельфин» встретился с «хозяином моря» — осьминогом.

Фото А. Рогова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00384. Сдано в набор 5/VIII-69 г. Подп. к печ. 19/VIII-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1408. Заказ 2 242.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

Николай БЫКОВ

Фото А. Гостева.

Коллеги из Всесоюзного радио поселились напротив прорана, они то и дело выходят в эфир, чтобы весь мир знал о событиях на строительстве Усть-Илимской ГЭС, в котловане, на правом и левом берегах Ангары. За радиосигналами не угнаться нашему брату — летописцам с шариковыми карандашами; быть может, поэтому за семь тысяч километров от Толстого мыса в Москве нас встретили подчеркнуто спокойно. Ну и что?.. Перекрыли Ангару? Слышали... Да, в третий раз. Мы, газетчики, журналисты, фотокорреспонденты, в общем-то предчувствовали такую встречу с москвичами; в стране первых спутников перекрытие сибирских рек — уже не сенсация.

И все-таки, и все-таки... Это было прекрасно. Зодчие с Толстого мыса! Вашей работы и самих вас мне не забыть. Три усть-илимских дня были как возвращение в страну романтики и неостывающего энтузиазма, как мое прощание с молодостью. Почему прощание? Да потому, что другие, совсём другие комсомолята штурмуют сегодня горы и реки... Нет, в том-то и дело, что не штурмуют, как когда-то штурмовали целину или Ангару у мыса Пурсей. Другие времена, другие темпы, другой расчет и взрыва и отсыпки перемычек. И другие нынче сенсации. А Третье Перекрытие Ангары — обыкновенное перекрытие обыкновенной сибирской реки в теперь уже обжитых местах. Кстати, когда-то американцы строили свою гидроэлектростанцию Грэнд-Кули четверть века. Тринадцать лет прошло после перекрытия Ангары под Иркутском, и всего десять — после штурма в Братске. Да, там был штурм... Вот почему у моего поколения иные представления о трудоемкости и значимости подобных событий.

Но праздник есть праздник. И 8 августа, и 9 августа, и 10 августа люди шли, ехали в котлован, к прорану, лезли к соснам высоченного Толстого мыса — с песнями, цветами, чтобы своими глазами еще и еще раз увидеть трех Лосят — три острова, три чуда-юда, которые уйдут под воду, увидеть котлован, где столько работали, где будет бушевать (уже бушует!) Ангара.

...В кабинах самосвалов — жены, детишки, любимые, и ведь не высадишь: они не поймут, обида будет законная. Я видел, как водитель подсаживал молоденькую беременную жену в кабину грейдера — и туда же, к прорану, которого больше нет. Нет его, вольного, но в последние дни уже и невмоготу тесного естественного русла Ангары! А тогда, в 19 часов 10 минут 10 августа, Ангара, как только грянул взрыв на верхней перемычке, рванулась через водосливы будущей плотины.

Работница бетонного завода Надя Куклина написала:

Почетные грамоты и подарки
памятные
Оставим подрастающим
на обозрение,
Но останется лучшее в нашей
памяти —
10 августа, воскресение.

...5 августа 1969 года. «Молния» на дверях столовой в котловане сообщила: вчера, 4 августа, в 9 часов утра бригада В. Юргенсона уложила свой последний кубометр бетона...

«Молния», 7 августа: бригада Николая Корначева к перекрытию готова!

Бригада Николая Корначева — имени 50-летия ВЛКСМ. И вся стройка Усть-Илимской ГЭС носит имя Ленинского комсомола. А улицы в поселке за Толстым мысом, в шести километрах от темнобревенчатой деревушки Невон, называются так: Солнечная, Комсомольская, Романтиков, Счастливая. А клуб в поселке — «Гренада». И обязательно когда-нибудь и где-нибудь назовут комсомольцы свой клуб «Усть-Илим» (звучит!).

На среднем из Лосят рвут диабаз. На глыбах развалившейся скалы парень пишет слова. Глыбы — их здесь называют «негабарит» — уйдут (уже ушли!) на дно Ангары, в проран у правого берега. Вот что я прочел на «негабарите»: «Нам речки прудить не ново!», «Мы из АТУ-8», «Мы покорим тебя, дочь Байкала», «От Усть-Илима и меня», «От Оленьки», «Мы!», «Богучаны! Доберемся и до Вас!». Богучаны — район, где Ангару перекроют четвертый раз, но пока устьилимцы с Богучанами «на вы». Придет время, заговорят «на ты». Как здесь, у Толстого мыса.

Перед взрывами на перемычках цепи милиции освободили котлован, средний Лосенок, правый берег. Ни одного человека не оставили даже на Толстом мысе, даже на специально и заранее оборудованных смотровых площадках: видимо, в подобных делах у усть-илимских руководителей опыта не было, и они попросту перестраховались. Люди, естественно, уходили неохотно. Взрывы задержали, но все-таки оттеснили в тайгу всех, даже тех, кто хотел запечатлеть исторический момент для фотокинолетописей. И вот тишина. В котловане никого. Последний самосвал вывел оттуда бочку с... морсом. Огромный 25-тонный, он тащил ее, как отец уводит белоголового любознательного мальчишечку подальше от беды. Тихо. А я знаю, что там, за эстакадой, в бревенчатом балке́, где смена получает монтажные пояса и каски, остался том И. Бунина, он раскрыт на 399-й странице, и там есть строки:

Гул бури за горой и грохот
отдаленных
Полуночных зыбей, бушующих
в бреду.
Звон, непрерывный звон
кузнечиков бессонных.
И мутный лунный свет
в оливковом саду.

Не говорите мне: ну, и что? Ничего. Было все так — и гул бури над диабазом, и грохот аммонита... Только оливкового сада не было — тайга, тайга по берегам Ангары.

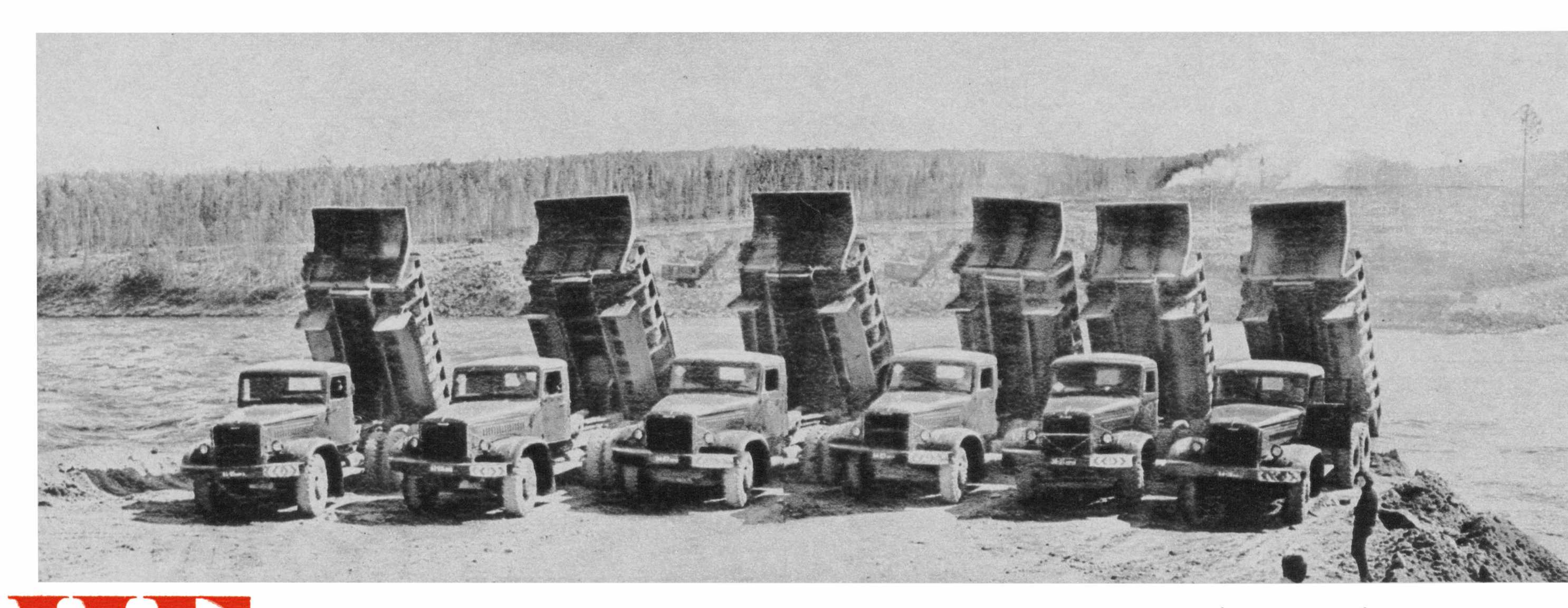
С перемычки ушли бурильщики из бригады Ивана Дмитриевича Кондрачука из Гидроспецстроя, укрылись мастера-взрывники Николай Итыгин и Василий Громов. Сейчас взрыв. Ангара пошла по рукотворному руслу.

Так и было 8—11 августа 1969 года у Толстого мыса на Ангаре. Тайга, тайга вокруг на сотни, тысячи километров. И гулы великой стройки, лунный свет прожекторов и фар, и бессонные звоны и лязги. И мальчишки в робах и монтажных касках... Их, молодых, полторы тысячи из восьми тысяч рабочих — демобилизованных и приехавших по комсомольским путевкам. А Марчук? Помните, человек из песни? Алексей Николаевич Марчук, заместитель главного инженера Братскгэсстроя, был председателем приемной комиссии. 9 августа в 10 часов 15 минут он подписал Акт о готовности котлована к затоплению.

Вот и все, если коротко о тех трех днях...

Утро 11 августа.

Ангара пошла по новому руслу.

Все ближе правый берег...

ИЕ
ЛСТОГО МЫСА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.